

Студенческая библиотека

В. К. Зиборов

**Русское
летописание
XI–XVIII веков**

Учебное пособие

Хрестоматия

Санкт-Петербург

Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета

2002

ББК 63.3(2)4
3 59

*Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и связям с общественностью
Санкт - Петербурга*

Рец.: проф. д. и. н. Ю. Г. Алексеев
Отв. ред.: В. В. Яковлев

Зиборов В. К.

3 59 История русского летописания XI–XVIII вв.: Учеб.
пособ. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ,
2002.— 512 с. — (Студенческая библиотека).

В книге рассматривается многовековая история русского летописания; анализируются творческие приемы авторов и составителей летописей и др.

Во второй части пособия публикуются тексты разных русских летописей. Эта хрестоматийная часть позволит преподавателю познакомить студентов не только с текстами самых известных русских летописей, но и ознакомить их с разнообразными приемами анализа летописных текстов, а также с особенностями киевского, новгородского, галицкого и московского летописания с XI по XVIII вв.

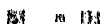
Адресована студентам ВУЗов и всем, интересующимся русской историей.

ББК 63.3(2)4

© В. К. Зиборов, 2002
© Филологический факультет СПбГУ, 2002

ЧАСТЬ I

Введение

Русские летописи — основной письменный исторический источник по истории России допетровского времени. Впервые исторические записи стали вести в Киеве в I пол. XI в., далее на протяжении многих столетий они велись непрерывно, периодически оформляясь в отдельные летописи (при этом менялись только центры их создания). Единственный центр русского летописания, существовавший в течение всей его истории — Великий Новгород. Летописи велись в виде погодных записей, каждая из которых начиналась словами «Въ лѣто». До нашего времени сохранилось большое количество разнообразных летописных памятников. В литературе называлась цифра 5000, но она явно условна, так как пока еще учтены не все произведения.

Русское летописание на первом же этапе истории достигло одной из своих вершин благодаря тому, что в создании летописей принимали участие такие авторы, как митрополит Иларион и монах Нестор, заложившие основы русской истории, литературы и философии. На начальном этапе был создан самый значительный летописный свод — Повесть временных лет. Сформировался тип русской летописи с его обязательным элементом — погодной записью. И самое главное — получило четкое определение понятие Русской земли — родины всех восточных славян.

Летописи как исторический источник являют собой очень сложные объекты исследования из-за своего объема (рукописи in folio по 300 и более листов), состава (в них входят поучения, слова, жития, повести, грамоты, законодательные акты и т. д.) и вида, в котором они дошли до нас (все этапы летописания XI–XIII вв. представлены рукописями, имеющими происхождение не ранее XIV в.).

Привлекая летописный материал для различного рода характеристик и построений, необходимо помнить, что любое летописное известие требует предварительного анализа на основе современной текстологии. Практика анализа показывает, что летописное известие может быть как отражением действительности, зафиксированной в письменном виде, так и представлением об этой действительности, плодом фантазии или ошибки того или иного летописца, или преднамеренным искажением событий, что встречается довольно часто. Летописные памятники создавались на основе различных идеологических установок, взглядов. Кругозор и запись событий полностью зависели от социального положения летописца, его мировоззрения и образования.

Главным при анализе летописных известий является знание истории текста летописи, позволяющее иметь четкое представление о времени и обстоятельствах появления этого известия. Не все исследователи должны выполнять предварительную кропотливую работу по анализу каждого летописного известия, но знать и уметь использовать работы специалистов по этой теме необходимо. В первую очередь, труды гениального русского ученого А. А. Шахматова, который на основе разнообразных приемов анализа летописного текста восстановил в общих чертах историю русского летописания XI–XVI вв. и показал всю сложность летописного материала как исторического источника. Благодаря А. А. Шахматову и многим поколениям отечественных исследователей, стала понятной грандиозная картина истории русского летописания. Идя вслед за работами А. А. Шахматова и, тем самым, за русскими летописцами, становишься свидетелем развития русского мировоззрения, идеологии и национального самосознания.

Каждый из летописцев XI–XVIII вв., внося погодные известия в создаваемую им летопись, тем самым вносил свой вклад в формирование русского самосознания. Роль представителей церкви в этом многовековом процессе бесспорна: монахи и священники, игумены и пономари, часто не указывая своих имен, создавали правила земной жизни русских людей, иногда воплощавшиеся в отточенные идеологические постулаты, которые остаются актуальными и в наше время. Словосочетание «Русская земля», появившееся впервые под пером киевского летописца XI в., является священным по-

нятием для каждого русского человека. Свое прошлое и настоящее, все, происходящее вокруг нас и в мире, мы воспринимаем сквозь призму своей письменной истории, основой которой являются летописи. Русские летописи — это наши священные книги, знание их обязательно для каждого гражданина России.

Историография. Русское летописание изучается с XVIII в., ему посвящено несколько тысяч специальных исследований. Конспективно историю изучения летописания можно представить следующим образом. В XVIII в. появляются первые небольшие по объему исследования таких ученых как Г. Ф. Миллер, М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев. С этого же времени начинают публиковаться отдельные летописи, выбор которых чаще всего был случаен. Основным вопросом истории русского летописания, разрабатывавшимся исследователями XVIII — первой половины XIX вв., был вопрос о Несторе-летописце. В это время создается на немецком языке труд многих десятилетий А.-Л. Шлёцера «Нестор» (перевод на русский язык: Ч. Н. И. СПб., 1809-1819). В 1820 г. П. М. Строев в Предисловии к изданию «Софийского временника» высказал весьма важное для характеристики русских летописей наблюдение: любая русская летопись — это не плод работы одного автора, а компиляция (механическое соединение разных текстов). В середине XIX в., в связи с изданием Полного собрания русских летописей (издается с 1841 г.), активизируется работа по исследованию летописей. В это время выходят монографии и статьи И. И. Срезневского, К. Н. Бестужева-Рюмина, Н. Н. Яниша, И. А. Тихомирова и др. Стала очевидной масштабность русского летописания и сложность анализа летописных текстов, были сделаны общие предварительные наблюдения. Но не было главного — метода, который бы позволил результативно справляться со сложным летописным материалом. Такой метод — сравнительно-текстологический — был впервые широко применен при анализе летописей А. А. Шахматовым. Алексей Александрович Шахматов (1864—1920 гг.) — русский филолог, посвятивший всю свою жизнь изучению истории русского летописания наравне с другими историко-филологическими темами. Впервые к летописанию, точнее, к литературной деятельности монаха Нестора, он обратился еще будучи гимназистом. С того времени и до конца его жизни тема Нестора и русского ле-

*Академик Алексей Александрович Шахматов
(5 июня 1864 г. ~ 16 августа 1920 г.)*

тописания оставалась для него главной научной темой. На примере творчества А. А. Шахматова становится очевидным, что наиболее значительные результаты при анализе летописей могут быть получены только на основе их длительного (вся жизнь) изучения. Применяв сравнительно-текстологический метод, А. А. Шахматов восстановил историю текста почти всех наиболее значительных летописей и на этой основе воссоздал картину развития русского летописания XI—XVI вв. Можно с уверенностью утверждать, что труды А. А. Шахматова являются фундаментом наших знаний о русском летописании. Его работы убедительно показали, что *основа анализа текста любой летописи — сравнение двух и более летописей на всем протяжении их текстов, а не фрагментарные случайные наблюдения*. Когда же отсутствует материал для сравнения, то задача, стоящая перед исследователем, усложняется во много раз, с ней может справиться только тот, кто овладел сравнительно-текстологическим методом. К сожалению, творческое наследие гениального ученого до сих пор не опубликовано полностью, и это при том, что равных ему в историко-филологической науке нет. Из его многочисленных работ прежде всего необходимо ознакомиться с двумя монографиями: «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (СПб., 1908) и «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (М.; Л., 1938. Здесь дана характеристика всем наиболее значительным русским летописям). Любая публикация этого ученого всегда содержит обстоятельный и глубокий анализ того вопроса, которому она посвящена, при обращении к его работам всегда можно найти правильное направление дальнейшего исследования. В лице М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова, заложенная А. А. Шахматовым научная школа по изучению летописания нашла достойных продолжателей. М. Д. Приселков опубликовал первый курс лекций по истории русского летописания XI—XV вв. (1940 г., переиздан в 1996). Ученик М. Д. Приселкова — А. Н. Насонов — более активно, чем его учитель, вел археографические изыскания в отечественных древлехранилищах, что позволило ему ввести в научный оборот много новых летописных памятников. Одним из важных достижений А. Н. Насонова было его аргументированное утверждение, идущее вразрез с мнением А. А. Шахматова, о том, что русское летописание не прекратилось в XVI в., а продолжалось

и развивалось в XVII в. и только в XVIII в., полностью завершив свою историю, плавно перешло в первоначальный этап его изучения. Работы отечественных исследователей 60–90-х гг. XX века полностью подтвердили правоту А. Н. Насонова. Возобновление деятельности Археографической комиссии и издания Полного собрания русских летописей по инициативе М. Н. Тихомирова привело к активизации исследований в области летописания. Среди исследователей второй половины XX века следует отметить работы М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье, В. И. Корецкого, В. И. Буганова и др. •

Если суммировать результаты почти 300-летнего изучения истории русского летописания, то получим следующую картину: в общих чертах обрисована деятельность многочисленных летописных центров, собран и издан большой фактический материал, воссоздана предварительная история летописания за весь этот период. При этом спорными остаются почти все основные и даже второстепенные положения истории летописания. С уверенностью можно говорить о большой предстоящей работе, в которой должны принять участие как можно больше молодых исследователей.

Историографии летописания посвящена монография В. И. Буганова «Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы» (М., 1975), где, как видно из названия, основное внимание уделено современному периоду, однако во введении дана краткая характеристика исследованиям XVIII–XIX вв. Историографические обзоры представлены в различных учебниках и пособиях, например: А. П. Пронштейн. Источниковедение в России: Эпоха капитализма, Ростов-на-Дону. 1991; Ч. I. Гл. 3. Историческое источниковедение в трудах К. Н. Бестужева-Рюмина; Ч. II. Гл. 3. А. А. Шахматов и развитие летописного источниковедения в России; Ч. III. Гл. 1. Разработка русских летописей (до А. А. Шахматова); А. Л. Шапиро Историография с древнейших времен до 1917 года. СПб., 1993. (Лекция 4. Историография Киевской Руси. «Повесть временных лет»; Лекция 5. Летописание в период феодальной раздробленности и на ранних этапах формирования единого Русского государства (XII–середина XV в.); Лекция 38. Развитие исторического источниковедения. А. А. Шахматов). Особо важное место, как уже отмечалось, в изучении летописей

занимают труды академика А. А. Шахматова. После его смерти коллеги и почитатели издали целый том, посвященный его деятельности: Известия Отделения русского языка и словесности: 1920. Т. XXV. Петроград, 1922. (особое внимание стоит обратить на статьи М. Д. Приселкова «Русское летописание в трудах А. А. Шахматова» и А. Е. Преснякова «А. А. Шахматов в изучении русских летописей»).

Библиография. Существует несколько изданий, где почти исчерпывающе представлена библиография. Это прежде всего: Библиография русского летописания / Сост. Р. П. Дмитриева (М.; Л., 1962). В этой публикации впервые учтены все работы по летописанию (начиная с издания Синописа 1674 г.) по 1958 г. включительно. Книга сопровождается именным и предметным указателями, которыми следует активно пользоваться. В виде приложения опубликована «Библиография избранных иностранных работ по русскому летописанию», составленная Ю. К. Бегуновым, где учтены работы с 1549 г. по 1959 г. включительно. В другом издании Ю. К. Бегунов опубликовал небольшое продолжение к своей библиографии: Зарубежная литература о русском летописании за 1960—1962 гг. // Летописи и хроники. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания (М., 1981. С. 244—253). Работу Р. П. Дмитриевой по составлению библиографии продолжила А. Н. Казакевич: Советская литература по летописанию (1960—1972) // Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение (М., 1976. С. 294—356). Две последние публикации не имеют указателей, что усложняет пользование ими. Можно обращаться к более широкому тематическим указателям, например: Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР: 1958—1967 гг. / Сост. Н. Ф. Дробленкова. (Ч. 1. (1958—1962 гг.). Л., 1978.; Ч. 2. (1963—1967 гг.) Л., 1979). Эта библиография имеет последующие выпуски, все они сопровождаются прекрасными указателями.

Таким образом, исследователь русского летописания, имея под руками вышеперечисленные книги, находится в весьма благоприятных условиях для работы. Единственно принципиальное уточнение необходимо сделать в отношении первой позиции библиографии Р. П. Дмитриевой: начинать ее следует не с издания Синописа, а с издания 1661 г. Киево-Печерского патерика, где впервые было опублико-

вано Житие Нестора, специально для этого издания написанное. Именно из этой книги брались все биографические данные о Несторе.

Издания летописей, специальные и периодические издания. Летописи стали издаваться с XVIII в., при этом выбор публикуемых текстов был случаен, а правила публикации несовершенны, поэтому пользоваться изданиями XVIII в. необходимо с осторожностью. Столь же несовершенны были правила публикации текстов при издании первых томов фундаментальной серии под названием Полное собрание русских летописей — ПСРЛ (издание началось с 1841 г.), поэтому эти тома в начале XX в. переиздавались. Издание продолжает выходить и в наше время, всего опубликован 41 том (ропись содержания томов дана в конце учебного пособия).

Русским летописям посвящено специальное издание (приостановлено): Летописи и хроники. Оно выходит в Москве с 1974 г. (первый выпуск), всего было четыре выпуска (1976 г., 1981 г., 1984 г.). В этих сборниках опубликованы разнообразные статьи по истории русского летописания, а также небольшие по объему летописные тексты.

Среди периодических изданий главным является уникальное издание, полностью посвященное изучению древнерусской литературы — Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). С момента выхода (по инициативе А. С. Орлова) — первого тома в 1934 г. опубликовано 52 тома. Это издание в какой-то степени является преемником великолепного дореволюционного издания — Известий Отделения русского языка и словесности (ИОРЯС). Почти в каждом томе ТОДРЛ помещены статьи по летописанию, довольно часто публикуются тексты (в десятикратных номерах помещены указатели статей и материалов за истекшее десятилетие). Еще в двух периодических изданиях уделяется значительное внимание изучению летописей — это Археографический ежегодник (АЕ) и Вспомогательные исторические дисциплины (ВИД).

Словари. У каждого историка и филолога, занимающегося древнерусской письменной культурой, на столе должен находиться многотомный словарь, подготовленный сотрудниками Сектора древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), в трех выпусках которого (буква Л) характеризуются почти все летописные произведения Древней Руси: Словарь книжников и книжности

Древней Руси (Вып. 1. XI—первая половина XIV в. Л., 1987; Вып. 2. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2. Л., 1989; Вып. 3. XVII в. Ч. 2. СПб., 1993). В этом Словаре (далее: Словарь книжников) дана исчерпывающая информация почти о всех древнерусских произведениях, в том числе и об авторах, в той или иной степени принимавших участие в создании русских летописей. Каждая словарная статья сопровождается библиографической справкой.

Анализировать летописные тексты без обращения к лингвистическим словарям невозможно. При всей поверхностной понятности текстов древнерусских летописей очень часто смысл или оттенок слова и выражения ускользает от исследователя, так как на протяжении веков смысловое содержание слов изменилось, а некоторые слова вышли из употребления. Например, современным человеком выражение «написал летописец» воспринимается однозначно — создал оригинальное произведение, что подразумевает творчество со стороны автора. А в древности этим выражением могла быть названа и работа переписчика.

Остается актуальным словарь, собранный в XIX в.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. (Т. I—III. СПб., 1893-1903 — переиздан в 1989 г.). Изданы два новых словаря: Словарь русского языка XI—XVII вв. (Вып. 1. М., 1975 — издание не завершено) и Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. (Т. 1. М., 1988 — издание завершено). Кроме этих словарей при работе с древнерусскими текстами необходимо обращаться еще к одному изданию: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. (Вып. 1. М., 1974 — издание не завершено). Со сложными вопросами лексического анализа летописных текстов можно познакомиться по книгам: А. С. Львов Лексика «Повести временных лет». (М., 1975); О. В. Творогов Лексический состав «Повести временных лет» (Киев, 1984).

Терминология. *Летопись* — историческое произведение с погодным изложением событий, охватывающее в своем изложении всю историю России, представленное рукописью (объем значителен — более 100 листов). *Летописец* — небольшое по объему (несколько десятков листов) летописное произведение, также как и летопись охватывающее в своем изложении всю историю России. Летописец в какой-то степени яв-

ляется кратким конспектом недошедшей до нас летописи. Летописцем в Древней Руси назывался также и автор летописи. *Летописчик* — очень небольшое по объему (до 10 листов) летописное произведение, посвященное или лицу, его составлявшему, или месту его составления, при этом погодность изложения сохраняется. *Летописный фрагмент* — часть любого летописного произведения (часто встречаются в древнерусских сборниках). Значение летописцев и летописных фрагментов для истории русского летописания значительно, так как они донесли до нас сведения о несохранившихся летописных произведениях. Сами древнерусские летописцы по-разному называли свои произведения: в XI в. Летописцем (например, Летописец земли Русской) или Временником, позже Повестью временных лет, Софийским временником, Хронографом, иногда летописи не имели никакого названия.

Любой историографический памятник создается на основе предшествующей летописи, а та, в свою очередь, также на основе предшествующей, таким образом в тексте любой летописи, например, XV в., представлено более десятка этапов работы. История текста летописи может быть представлена в виде цепочки таких этапов. Этапы, выявленные исследователями путем анализа летописного текста, называются *летописными сводами*. Летописный свод — гипотетический этап летописной работы. Самый знаменитый летописный свод — Повесть временных лет (ПВЛ), по предположению исследователей, составлен в начале XII в. Ссылаться на него следует так: ПВЛ по Лаврентьевской летописи или Ипатьевской и т. д. В литературе нет четкого разграничения понятий летопись и летописный свод, они часто смешиваются. А. А. Шахматов, лучший знаток русского летописания, считал, что такое разграничение обязательно, оно привносит четкость и однозначность. Летописям и летописным сводам в исследовательской литературе очень часто даются различные определения: епископская, княжеская, митрополичья, великокняжеская, официальная, оппозиционная, провинциальная и т. д. Все эти определения условны, они появились в результате предварительного, часто первоначального и неверного, анализа летописных текстов.

Каждая летопись имеет свое индивидуальное название, данное ей на основе случайных признаков: по имени владельца или переписчика летописи, ее местонахождению и т. д.

Иногда названия просто неверны и тем самым могут вводить в заблуждение, например: Никоновская летопись названа по имени патриарха Никона, у которого был один из списков этой летописи, но патриарх Никон (годы жизни 1605—1681) никакого отношения к составлению этой летописи не имел, так как она составлена в 20-е гг. XVI в. Некоторые летописи имеют по несколько названий, например, самую древнейшую русскую летопись называют Новгородской (написана в Новгороде), Харатейной (по материалу, на котором она написана — на коже, на пергамене), Новгородской Синодальной (по месту хранения в Синодальном собрании), Новгородской первой старшего извода (в названии отразилась систематизация новгородских летописей).

Летописанием называется весь процесс ведения летописей, охватывающий период с XI—XVIII вв. Отсюда летописание может быть ранним, поздним, киевским, новгородским и т. д. Были попытки ввести в оборот термин «летописеведение» — часть источниковедения, занимающаяся изучением летописей, но этот термин не получил широкого распространения.

Приемы выявления летописных сводов. Любая летопись представляет собой сборник погодных записей, в нем год за годом фиксируются события, происходившие в России. Как определить, где закончил работу один летописец и начал другой? Ведь очень редки случаи, когда автор указывает окончание своей рукописи. За трехвековой период изучения истории русского летописания найдено несколько приемов, позволяющих решить этот вопрос. Главный прием, заимствованный из классической филологии и получивший полное признание после работ А. А. Шахматова — это сравнение текстов двух летописей между собой. Когда, например, две или более летописей при сравнении имеют одинаковый текст до 1110 г., а после этого года каждая из них представляет индивидуальный текст, то исследователь вправе утверждать, что во всех этих летописях отразился летописный свод, доводивший изложение событий до 1110 г.

Помимо этого, основного, приема существует еще несколько. На окончание работы летописца и, тем самым, летописного свода может указывать слово «аминь», стоящее в конце погодной записи; «аминь» в древнерусской письменной практике ставилось в конце большой литературной работы. Например, это слово завершало погодную запись 1093 г.

БОЛОГОУ. И МОГА СЕ ЛА ПОЗОВОША. ПОШЕВЪМЪ АНДРАМА.
 СЕЖЕЛѢ. ОВЪЕВАША ПОЛОВЦІИ МАЛАХУ. СВЯТАГО РОСТІИ
 СЛАВНЫМЪ. ВСЕЖЕЛѢША. ОУМЕРИ РИКА. СНАРОСТИНА
 БЛА. ВЕНКЕ ВРЕМЕНА МОЖИТАВЦІИ ОУМРАХОУ. РАДИ
 ЧУВАНИИ ДОГН. ЯКО ГЛУХОУ ПРОДАЮЩЕ КРѢПЫ. ЯКО ПРО
 ДАХО КРѢПЪ. ЯКО ОУФИЛИ ПОДА ДНА ДОМА ГОПОЩЕ. Г. ТЫ
 СЯЩЕ. СЕЖЕЛѢ. ПРОГРЕХЫША. ЯКО ОУМНОЖИША ГРИ
 НАШІ. И ПИРАШЕ. СЕЖЕ МАВЕРДѢ. ВЕЛІИМЪ ПОКАИМЪ
 ИМѢТИ. И ПЪСТАГО ПИСА ОУГРѢ. И ОУХВИСТИ. И ОУПРО
 ЧІИ ЗЛА ДѢЛА И ПРИЯЗНИМЪ. ЛѢЗ. ХА. И ПИКИСТА.
 ПРЕСТАВИ А ВІАНИКИМЪ ОТЕВОЛО. ПЪТА РОСЛАВЪ. ПІХ
 БОЛОДНИРЪ. А ПРІ. СІ. А ПОГРЕХЪ БЫ. ДІ. ПІАНИСТА И ОУ
 БІЕ. ПЛОХИМЪ БЫ. ВО ПІАНИЦІИ ЦРКВИ СТЫІА СОФИІА. СІ
 И ОУЖЕЛГО ВѢРНЫИ КИДЪ. ВІ ОУЛО БѢИХДѢТИ КА БОЛО
 БНИМЪ. ЛЮБЛИ ПРАВОУ. КОРМОУ БОТКІА. ВЪХДАЮЧЕ
 СТЫЕ ПІМЪ. И ПРИВХИТИРМЪ. И ЗАНХА ЖЕ ЛЮБАШЕЧЕ
 РАДРИЦИ. И ПДАВАШЕ ТРЕБОВАНИЕМЪ. ВІБЖЕ ВЪХДА
 РЖАМЪ. ОУПЫАНЫ СТЫА. И ОУНОХОТИ. ПІЕМЪ ЛЮБІВѢ ОУ
 МЪ. СВОИМЪ. ЯКО ГЛАТИ ОУНОКІМЪ. МОМОИ. БЛАГО

в летописи, бывшей в руках В. Н. Татищева и ныне утраченной. Ученый считал, что здесь закончил работу один из древнерусских летописцев. В трудах А. А. Шахматова этот летописный свод 1093 г. получил на основе самых разнообразных данных многовариантное обоснование и прочно вошел в историю раннего летописания.

Иногда автор или составитель летописи в виде приписки сообщает о своем участии в работе над летописью, но такие случаи редки. Например, самая ранняя приписка принадлежит игумену Выдубицкого монастыря (недалеко от Киева) Сильвестру, она датирована 6624 (1116) г. Подобные приписки требуют тщательной проверки.

Летописец, составляя свои погодные записи, иногда привлекал для работы внелетописные источники, например, Хронику Георгия Амартола или Паремийник, откуда заимствовал очень часто в дословных цитатах разнообразный материал для характеристик лиц или событий. Если такой источник выявлен и определены все заимствования из него, то последняя погодная запись с цитатой оттуда может служить указанием на примерное время составления летописи. Кроме того, отсутствие заимствований из внелетописного источника в какой-либо летописи служит серьезным и весомым аргументом в пользу ее первичности по отношению к летописи, где подобные заимствования присутствуют. Например, А. А. Шахматов одним из аргументов первичности Новгородской первой летописи младшего извода (НІЛМ) в рамках ПВЛ по отношению к летописям Лаврентьевской и Ипатьевской считал отсутствие в НІЛМ заимствований из Хроники Георгия Амартола, которые находятся в последних двух летописях.

В самом летописном тексте встречаются и другие прямые или косвенные указания на время окончания работы того или иного летописца. Например, в летописях часто помещаются разнообразные перечни имен князей или митрополитов и выкладки лет, которые могут находиться в любом месте текста и могут служить указанием на время окончания работы того или иного летописца. Например, под 6360 (852) г. помещен перечень князей, доведенный до смерти князя Святополка: «...а от первого лѣта Святославля до первого лѣта Ярополча лѣт 28; а Ярополкъ княжи лѣт 8; а Володимерь княжи лѣт 37; а Ярославъ княжи лѣт 40. Тѣмже от смерти Ярослави до смерти Святополчи лѣтъ 60». Следовательно, этот перечень указывает год

смерти князя Святополка — 1113 г. как год, в котором работал летописец или до которого он довел свою работу, поскольку преемник князя Святополка на киевском столе князь Владимир Мономах (1113-1125) в этом списке не упомянут.

Часто в летописных текстах встречается выражение «и до сего дня», к которому необходимо относиться с повышенным вниманием, так как оно при благоприятных условиях может служить косвенным указанием на время работы летописца. Например, под 6552 (1044) г. читаем: «В се же лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимеръ, отецъ Всеславль, и Всеславль, сынъ его, съде на столъ его, его же роди мати от вълхвованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главъ его, рекоша бо волсви матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на собъ; сего ради немилостивъ есть на кровъпролитъе». Для летописца, судя по выражению «и до сего дне», князь Всеслав живой, следовательно, зная дату смерти этого князя, можно утверждать, что летописец работал до этого года. Лаврентьевская летопись, откуда была приведена цитата о рождении князя Всеслава, сообщает и о времени его смерти: «В лѣто 6609. Преставися Всеславъ, полоцкой князь, мѣсяца априля въ 14 день, въ 9 часъ дне, въ среду». Получается, что данный летописец работал до 6609 (1101) г.

Когда погодная запись (со второй половины XI в.) начинается с указания не только года, но и его индикта, то такая двойная датировка в летописном тексте формально указывает на время окончания работы летописца. Например, уже упоминавшийся 1093 год, изложение событий которого оканчивалось в списке В. Н. Татищева словом «аминь», начинается следующим образом: «В лѣто 6601, индикта I лѣто...» Такая двойная датировка в начале погодной записи, как прием определения времени окончания летописного свода, требует дополнительных проверок.

Иногда летописец ведет рассказ от первого лица, в таких случаях, особенно на позднем материале (XVI–XVII вв.) появляется возможность определить имя автора и, зная его биографию, узнать время его работы над летописью.

Нередко для решения вопроса о времени работы летописца исследователи используют оригинальную манеру письма, но этот прием один из самых ненадежных при всей внешней убедительности.

Обоснование существования того или иного летописного свода и времени его составления всегда должно быть многовариантным, только в этом случае предположение окажется убедительным.

Определение времени составления летописного свода — не самоцель, а фундамент источниковедческого анализа известий, появившихся на этапе создания этого летописного свода. Четкое знание времени создания свода и круга известий, внесенных автором в текст — первый этап критического осмысления известий. Поясню это на примере известия о призвании варягов во главе с князем Рюриком (6372 г.). А. А. Шахматов доказал, что оно появляется в русских летописях в первые десятилетия XII в., то есть на этапе создания **ПВЛ**. В более ранних летописных сводах, а их в XI в. было не менее четырех, никакого упоминания о Рюрике не существовало. Выяснив время появления известия о Рюрике, мы тем самым можем определить обстоятельства появления подобного известия, о чем будет сказано при характеристике **ПВЛ**.

Познакомиться с разнообразными приемами анализа древнерусского текста можно по книге: Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. (2-е изд. Л., 1987 — или любое другое издание). Эта книга должна быть на столе каждого историка-источниковеда.

Хронология. Основой любого исторического произведения, как и всей исторической науки в целом, является хронология. Вне времени события нет, если же время определено неверно, то характеристика события также будет искажена. В русских летописях хронологические указания занимают в полном смысле видное место, так как каждая погодная запись начинается с даты, первая буква этого указания — «В» очень часто написана киноварью.

Летоисчисление на Руси было византийским, точкой отсчета являлась условная дата сотворения мира. Например, год издания данного пособия — 2002 г. от Рождества Христова, чтобы перевести его в летоисчисление от сотворения мира необходимо к цифре данного года прибавить — 5508 лет, получится 7510 г. от сотворения мира. До петровской реформы календаря в России пользовались византийским летоисчислением, поэтому не следует злоупотреблять переводом древнерусской хронологии на современную, так как существует

целый ряд нюансов, которыми необходимо руководствоваться при таких переводах. Если объектом исследования является письменный источник допетровской Руси, то указывать необходимо двойную дату, например: 6898 (1390) г.

Новый год начинался в Древней Руси в марте, так называемый мартовский год. Начало года в марте часто связывают с остатками язычества на Руси, но мартовский год был распространен по всей западной Европе, так как на этот месяц чаще всего приходится главный христианский праздник — Пасха. Кроме того, мартовский год не имеет четко фиксированного начала, в отличие от сентябрьского и январского, где год начинается 1 числа. В Византии, откуда мы заимствовали летоисчисление, в XI в. общепризнанным был сентябрьский год, начинавшийся 1 сентября, что сохранилось в школьной традиции начала нового учебного года. На Руси на сентябрьский год стали переходить в первой четверти XV в. Указа или грамоты на этот счет не было, в разных центрах письменной культуры переходили в разное время, этот процесс растянулся на четверть века. Одновременное существование разных систем летоисчисления привело к запутанности и ошибкам в нашей хронологии XI—XIV вв.

В Древней Руси в соответствии с византийской традицией год очень часто имел двойное обозначение: год от сотворения мира сопровождался указанием индикта этого года. *Индикт* — порядковое место данного года в 15-летнем цикле, точка отсчета индиктов — сотворение мира, индикт начинается с началом нового года — 1 сентября. В византийских хрониках летоисчисление довольно часто велось только по индиктам, у нас подобной традиции никогда не было. Узнать индикт любого года от сотворения мира очень просто: цифру года необходимо разделить на 15, полученный от деления остаток и будет индиктом этого года. Если остаток будет равен 0, то индиктом года будет — 15. В древнерусском летоисчислении 2002 год обозначается так — 7510 индикта 10 лета. Такая двойная датировка года позволяет производить проверку соответствия года его индикту, в источниках нередко встречаются несоответствия подобных указаний. Найти объяснение подобной ошибки бывает подчас довольно трудно, так как это требует со стороны исследователя глубоких разнообразных знаний чаще всего из области вспомогательных исторических дисциплин. Из употребления индикты исчеза-

ют в летописании, по крайней мере, к концу XV в., но в письменной традиции, чаще всего монашеской, указание индиктом встречается и в XVI–XVII вв.

Каждую дату письменного исторического источника необходимо прежде всего проверять, так как очень часто они бывают ошибочны. Например, первая дата русской истории в летописях — 6360 г. содержит в себе ошибку: «Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля...» Индикт указан верно, но царь Михаил начал царствовать за 10 лет до этого года. Есть несколько объяснений этому несоответствию, но вряд ли они окончательны.

Названия дней недели в древности были несколько иными, главная особенность связана с названием воскресного дня: до XVI в. воскресенье называлось неделей (то есть ничего не делать), отсюда — понедельник, то есть день после недели. В те времена был только один воскресный день в году — день Пасхи. Цифровое обозначение дня часто сопровождалось указанием имени святого, чья память чтилась в этот день. Двойное обозначение даты позволяет делать проверку одного указания через другое. День памяти святого берется из Святцев. Следует помнить, что текст Святцев, как и текст любого письменного памятника, изменялся во времени, например, круг святых, известных русскому человеку XI в., был менее полн, чем круг святых в XV в., и имел некоторые отличия.

Датировка светских событий с точностью до дня появляется в летописях с 60-х гг. XI в., а с точностью до часа с 90-х гг. XI в.

Более обстоятельно с русской хронологией можно познакомиться по книгам: Л. В. Черепнин. Русская хронология. (М., 1944); Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. (М., 1963); С. В. Цыб. Древнерусское летоисчисление в «Повести временных лет». (Барнаул, 1995).

В летописях встречаются упоминания о различных природных явлениях. Все эти упоминания дают возможность проверять древнерусскую хронологию, сравнивая ее с данными других европейских стран или с данными астрономии. По этим вопросам можно рекомендовать две книги: Д. О. Святский. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. (СПб., 1915); Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. (Л., 1983).

Рукопись. Любая русская летопись, как и большинство других письменных исторических источников, дошла до нас в рукописи, поэтому необходимо как можно глубже познаться со следующими специальными дисциплинами: археографией, кодикологией и палеографией. При этом необходимо помнить, что оттачивать мастерство работы с рукописью надо на протяжении всей своей научной деятельности, а в студенческие годы следует как можно чаще посещать Рукописные отделы библиотек для того, чтобы возник так называемый творческий диалог между исследователем и рукописью. Без работы с подлинником (в данном случае — с рукописью), нельзя стать профессиональным историком. Рукопись — единственная реальность для историка, только через нее он может входить в прошлое. В зависимости от того, насколько глубоко и тщательно вы проанализируете письменную информацию первоисточника, настолько аргументированным будет ваш научный вклад в разрабатываемый вами вопрос. Для исследователя при анализе письменного исторического источника говорящим, помимо главного — содержания текста, является все: цвет чернил, оттенок и расположение киноварных букв и заголовков, подчистки, плотность и разметка бумаги или пергамента, формат, переплет, пометы и исправления, начертание букв, почерк и мастерство писца. Для историка все знания о рукописи необходимы прежде всего для решения главного вопроса — датировки рукописи, на основе которой разворачивается весь последующий анализ ее содержания. Летописи, в основном, дошли до нас в рукописях, написанных на бумаге, а не пергамене. С момента изобретения бумаги в Европе в XIV в. и до середины XIX в. бумага изготавливалась ручным способом, отчего на бумаге имеются филигранные (водяные) знаки). Датировка рукописи по филиграммам — самый надежный на сегодняшний день метод, но он требует от исследователя тщательности и обстоятельности: на учет ставятся все водяные знаки рукописи, которые анализируются с помощью всех изданных как у нас, так и в Европе альбомов. Современные требования к датировке рукописи по филиграммам столь велики, что предлагается создать новую специальную дисциплину — филигранологию. Рекомендуемая литература: В. Н. Щепкин. Русская палеография. (М., 1967); История и палеография. (Сб.: Вып. 1 и 2. М., 1993).

но М. Д. Приселкову.

* Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 22.

Стеммы. История текста летописи может быть изображена графически, в виде схемы, причем более ранние этапы истории текста чаще всего находятся наверху схемы, а поздние ниже. Эти схемы называются стеммами. Примеры подобных схем представлены в пособии, все они взяты из различных книг по летописанию. Сокращения в стеммах частично раскрыты в списке сокращений в конце пособия.

Периодизация. Создание любой летописи, деятельность любого летописного центра напрямую связаны с политической и отчасти экономической жизнью России, поэтому периодизация истории русского летописания в целом совпадает с периодизацией истории России с XI в. по XVIII в. Так, например, первый этап истории русского летописания, завершившийся созданием летописного свода — ПВЛ, соответствует времени формирования Древнерусского государства с центром в Киеве и его расцвету, которого оно достигло к началу XII в. В XIII в. в связи с нашествием татаро-монгол прекращают свою деятельность летописные центры в Киеве, Переяславле Южном, Чернигове. В XIII–XV вв. летописные центры возникают в тех княжествах, точнее, в главных городах княжеств, которые занимают или стремятся занять ведущее место в политической жизни страны. С конца XV в. положение Москвы как столицы нового государства определило ее главное место в истории русского летописания, именно в Москве с этого времени создаются все значительные летописные произведения. Каждому из трех периодов истории русского летописания посвящена глава данного пособия.

Издания: Полное собрание русских летописей выходит с 1841 г., с того времени издан 41 том, роспись всех томов приводится в конце пособия (с. 504–505).

Литература: *Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI–XV вв. (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2. Ч. 1. М., 1976. С. 78–139; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI–начало XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996; *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979; *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.

Летописание в Киеве в XI–начале XIII в.

THE * I

Начало ведения летописей на Руси прямо связано с распространением грамотности у восточных славян. В рамках данного пособия можно отметить следующие бесспорные факты усвоения письменности славянами, в том числе и восточными. До появления двух алфавитов — глаголицы и кириллицы — в IX в. у славян не было письменности, о чем прямо сообщается в Сказании X в. «О письменах» черноризца Храбра: «Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но (читали) и гадали с помощью черт и резов». Стоит обратить внимание на то, что глагол «читали» стоит в скобках, то есть в ранних списках Сказания это слово отсутствовало. Первоначально читалось только «гадали с помощью черт и резов». Такое первоначальное чтение подтверждается последующим изложением в Сказании: «Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка. Но как можно хорошо написать греческими буквами «Бог» или «живот» (у славян есть буквы, например — «ж», отсутствующие в этих языках). Далее черноризец (монах) Храбр сообщает о Константине (Кирилле) Философе, создавшем для славян алфавит: «тридцать письмен и восемь, одни по образцу греческих письмен, другие в соответствии со славянской речью». Вместе с Кириллом участие в создании славянского алфавита принял и его старший брат монах Мефодий: «Если же спросишь славянских книжников, кто вам письмена создал или книги перевел, то все

знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, названный Кириллом, он и письмена создал, и книги перевел, и Мефодий, брат его» (Сказания о начале славянской письменности. М., 1981). О братьях Кирилле и Мефодии, создателях славянской письменности, известно достаточно много из их Житий, созданных в связи с их канонизацией. Кирилл и Мефодий — святые для всех славянских народов. Старший Мефодий (815–885 гг.) и Константин (827–869 гг.) родились в городе Солуни. Их отец — грек был одним из военнопленных этого города и прилежащих к нему областей, где в то время жило много болгар, поэтому предполагается, что они с детства знали славянский язык (существует также легенда об их матери — болгарке). Судьба братьев первоначально сложилась различно. Мефодий рано становится монахом, он известен только под монашеским именем. Константин получил прекрасное по тому времени образование в Константинополе, где обратил на себя внимание своими способностями императора и патриарха Фотия. После нескольких, блестяще выполненных, поездок на восток Константину поручили возглавить Хазарскую миссию (861 г.). Вместе с ним к хазарам отправился и его брат Мефодий. Одной из целей миссии было распространение и пропаганда православия среди хазар. В Херсоне (Крым) произошло событие, породившее бесконечные научные споры в новое время. Это событие в Житии Константина описано так: «Нашел же здесь евангелие и псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога» (Сказания. С. 77–78). Какой язык подразумевается в выражении «русскими письменами» неясно, некоторые предполагают готский язык, другие сирийский и т. д. (однозначного ответа нет). Хазарскую миссию братья выполнили успешно.

В 863 г. по приглашению князя Ростислава в Моравию была направлена Моравская миссия во главе с братьями Константином и Мефодием, главной целью ее было распространение христианства среди славян Моравского государства. В ходе этой миссии братья создали алфавит для славян и Константин «перевел весь церковный чин и научил их и утрене, и

часам, и обедне, и вечерне, и повечерию, и тайной молитве». В 869 г. братья посетили Рим, где Константин умер, перед смертью приняв монашество под именем Кирилла.

Долгое время считалось, что в основе нашего современного алфавита лежит алфавит, созданный Кириллом, отсюда и его название — кириллица. Но после сомнений и споров общепринятой стала другая точка зрения: Кирилл и Мефодий создали глаголицу, а кириллица появилась в конце IX в. на территории Болгарии. Глаголическая письменность — оригинальная славянская (прежде всего западных славян) письменность, в основе ее положен алфавит, происхождение которого до настоящего времени не выяснено. Вполне возможно, что это искусственный алфавит, и, следовательно, он должен иметь ключ к объяснению. Любопытно, что некоторые знаки, находящиеся на камнях и предметах, найденных в причерноморских степях, имеют большое сходство с отдельными буквами глаголицы.

С конца IX в. у славян одновременно существовало два алфавита и, следовательно, две письменные системы — глаголица и кириллица. Первая была распространена в основном среди западных славян (хорваты многие столетия пользовались этой оригинальной письменностью), вторая среди южных славян. Глаголица развивалась под сильным влиянием римской церкви, а кириллица — византийской. Все это имеет непосредственное отношение к письменной культуре Древней Руси. В XI в., когда делались первые и достаточно основательные шаги по усвоению восточными славянами письменности, у них в употреблении одновременно были обе письменные системы — глаголица и кириллица. Об этом говорят надписи на стенах (граффити) соборов святой Софии в Киеве и Новгороде, ставшие достоянием науки только в XX в., где наравне с надписями на кириллице встречаются и глаголические. О латинском влиянии на глаголическую письменность можно судить, например, по «Киевским глаголическим листкам», представляющим собой славянский перевод латинского Миссала. Примерно в XII в. глаголица выходит из употребления у русских людей, а в XV в. ее воспринимают как один из вариантов тайнописи.

Принятие христианства при князе Владимире в 988 г. имело решающее значение в появлении у них письменности, распространению грамотности, зарождению оригинальной на-

циональной литературы. Принятие христианства является точкой отсчета письменной культуры русских людей. Для богослужения необходимы были книги, которые первоначально находились в церквях и соборах. Первой церковью в Киеве была церковь Богородицы (полное название — церковь Успения Божьей Матери), так называемая Десятинная церковь (князь Владимир дал ей на содержание десятую часть от всех своих доходов). Предполагается, что именно при этой церкви был составлен первый русский летописный свод.

Занимаясь историей русского летописания XI в., необходимо помнить об одновременном существовании двух письменностей, у которых были отличающиеся друг от друга ряды цифр, что могло приводить к путанице при переводе цифр из глаголицы в кириллицу (в Древней Руси было буквенное обозначение цифр, заимствованное из Византии).

Круг чтения у русских людей в момент зарождения летописания был достаточно обширен, о чем говорят дошедшие до нас рукописи XI в. Это прежде всего богослужебные книги (Евангелие апостолов, минеи служебные, паремийник, псалтырь) и книги для чтения: (Евангелие четр, жития святых, сборник Златоустов, где много слов и поучений Иоанна Златоуста, различного рода сборники, самые известные из которых сборники 1073 г. и 1076 г., Патерик Синайский, Пандекты Антиоха Черноризца, Паренесис Ефрема Сирина (глаголица), Слова Григория Богослова и т. д.). Этот перечень книг и произведений, бытовавших в Древней Руси в XI в., должен быть расширен за счет тех книг и сочинений, которые дошли до нас в поздних списках. Именно к таким произведениям, созданным в XI в., но дошедшим до нас в рукописях XIV–XVI вв., относятся и ранние русские летописи: ни одной русской летописи XI–XIII вв. не сохранилось в рукописях, синхронных этим векам.

Круг летописей, привлекаемых исследователями для характеристики ранней истории русского летописания, давно уже очерчен. Здесь отмечаются наиболее значительные из них. На первом месте стоят две летописи, дошедшие до нас в рукописях на пергамене XIV в. — Лаврентьевская и Новгородская Хронографическая. Но последняя, из-за утраты листов в начале рукописи (погодные записи начинаются с полуфразы известий 6524 (1016) г.) и из-за краткости текста (описание

событий XI в. занимает три страницы печатного текста, а в других летописях несколько десятков страниц), почти не привлекается при восстановлении первых этапов летописания. Текст этой летописи можно привлечь для показа одной особенности русских летописей, а именно: в тексте проставлялись года, не имевшие известий, причем иногда перечень «пустых» лет занимал в рукописи значительное место, и это при том, что пергамен был очень дорогим материалом для письма. Лист 2 Новгородской Харатейной летописи выглядит следующим образом:

«Въ льто 6529. Победи Ярославъ Бричислава.

Въ льто 6530.

Въ льто 6531.

Въ льто 6532.

Въ льто 6533.

Въ льто 6534.

Въ льто 6535.

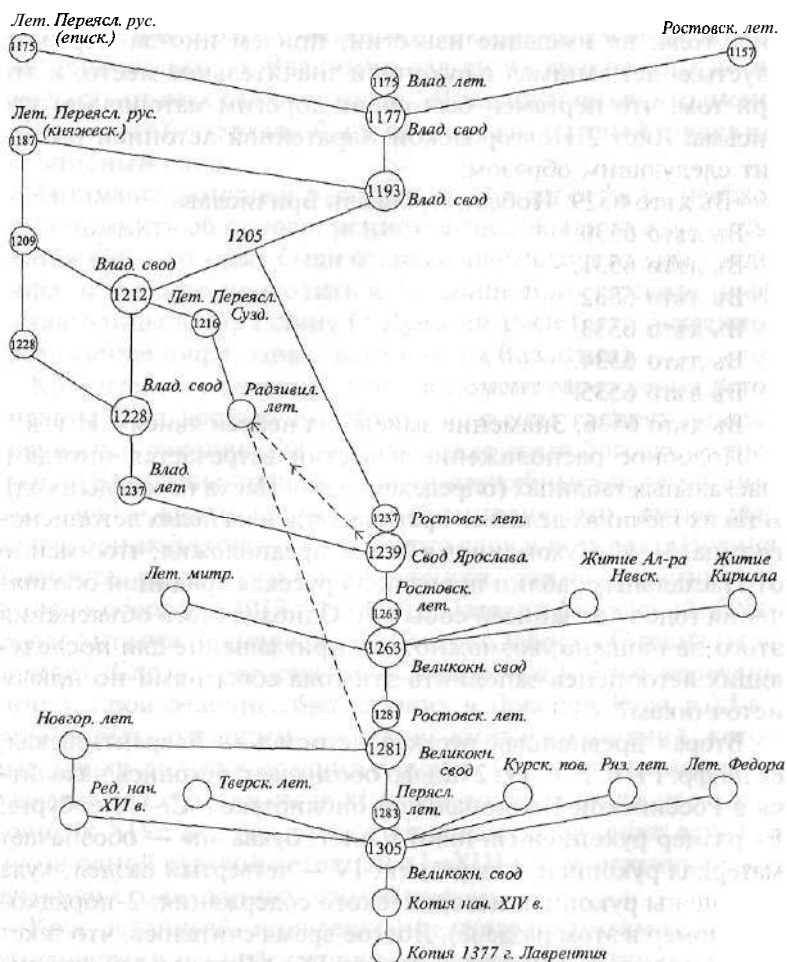
Въ льто 6536. Знамение змиево на небеси явися». И т. д.

Подобное расположение известий встречается иногда в Пасхальных таблицах (определение дня Пасхи на каждый год). В таких таблицах делались краткие записи на полях летописного типа. М. И. Сухомлинов в XIX в. предположил, что именно от Пасхальных таблиц произошла русская традиция обозначения годов без записей событий. Однозначного объяснения этого не найдено, возможно, это приглашение для последующих летописцев заполнить эти года событиями по новым источникам?

Вторая древнейшая русская летопись — Лаврентьевская, ее шифр: РНБ. Р. п. IV. 2 (шифр обозначает: рукопись находится в Российской Национальной библиотеке в С.-Петербурге; Р- размер рукописи (т folio) в лист; буква «п» — обозначает материал рукописи — пергамен; IV — четвертый раздел, куда помещены рукописи исторического содержания; 2-порядковый номер в этом разделе). Долгое время считалось, что текст Лаврентьевской летописи в рамках IX—XII вв. самый авторитетный среди остальных летописей, но как показал анализ, проведенный А. А. Шахматовым, текст ее весьма ненадежен для восстановления по нему первоначального текста ПВЛ.

Для восстановления ранних летописных сводов привлекаются также следующие летописные памятники: летописи Ипатьевская, Радзивилловская, Новгородская первая млад-

Лаврентьевская летопись по М. Д. Приселкову*

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996, с. 166, рис. 3.

шего извода (НІЛМ), летописцы Владимирский, Переяславль-Суздальский и Устюжский. Не все эти памятники считаются равнозначными. Например, привлечение последних трех летописцев остается спорным для характеристики раннего летописания. Оценка значимости летописных памятников менялась со временем, например, авторитетность НІЛМ признается всеми после многолетних изысканий А. А. Шахматова. Текст ее оказался ключевым для решения многих вопросов русского летописания XI в. Главное положение ученого — в НІЛМ представлен летописный свод 70-х гг. XI в., который предшествовал ПВЛ, представленной в Лаврентьевской (ЛЛ) и Ипатьевской (ИЛ) летописях.

В начальной части ЛЛ и ИЛ известия приводятся без указания каких-либо дат: расселение сыновей Ноя (Сим, Хам, Афет), между которыми была разделена вся земля. Русь и другие племена находились в Афетовой части. После этого следуют сообщения о расселении славян, о пути из варяг в греки, о пребывании на Руси апостола Андрея и о благословении им этой земли, об основании Киева, о соседях восточных славян, о приходе хазар на русскую землю. Часть этих известий взята из переводных византийских хроник, другая часть основана на легендах и преданиях. Начальный текст НІЛМ значительно отличается от текста ЛЛ-ИЛ, он открывается небольшим предисловием, за которым сразу следует первая погодная запись под 6362 (854) г. с указанием «Начало земли русской», где сообщается легенда об основании Киева, приходе хазар на Русскую землю. НІЛМ не знает легенды о пребывании апостола Андрея на Русской земле. Далее следуют известия, находящиеся в ЛЛ-ИЛ во введении. Начало Устюжского летописца ближе к тексту НІЛМ, но в нем нет ни заголовка, ни предисловия, ни вступительной части, летописец начинается прямо с известия 6360 (852) г. — «Начало руския земли». В тексте Устюжского летописца также отсутствует легенда об апостоле Андрее. При сравнении начал перечисленных летописей видно, что они имеют значительные отличия. Решать вопрос о первичности или вторичности чтений той или иной летописи довольно трудно, особенно при устоявшейся историографической традиции, продолжающей признавать первичность летописей Лаврентьевской и Ипатьевской. Чаще всего наиболее весомые аргументы в пользу первичности той или иной летописи в данной исто-

риографической ситуации могут быть получены при привлечении других письменных источников XI в. Например, при сравнении текстов было найдено, что легенда об апостоле Андрее появляется только в текстах ЛЛ-ИЛ, в основе которых лежат разные редакции ПВЛ, что в более ранних летописных сводах ее не было. Подтверждение этому находим в Житии Бориса и Глеба, написанном монахом Нестором в 70-х гг. XI в., где утверждается, что никто из апостолов на Русской земле не проповедовал и что сам Господь благословил Русскую землю.

Как уже отмечалось, самым результативным приемом анализа письменных исторических источников является сравнительно-текстологический. Только на материале, полученном при сравнении двух и более текстов между собой, можно доказывать свою точку зрения. Ограничиваться результатами сравнения списков интересующего вас памятника нельзя, необходимо их соотносить с данными других литературных и исторических памятников, синхронных анализируемому вами тексту, при этом всегда необходимо искать однотипные явления и факты в письменном наследии других культур. Поясню последнее положение на примере легенды об основании города Киева тремя братьями Кием, Щеком и Хоривом. Еще А.-Л. Шлёцер отметил, что легенда о трех братьях сопровождает появление новых городов во многих странах Европы. Сопоставление данных русских летописей с данными других культур позволяет однозначно воспринимать известие о трех братьях как легенду.

Сравнение текстов дает материал для анализа, выявляет различные дополнительные источники летописца, позволяет говорить не только о приемах работы того или иного летописца, но и воссоздавать, восстанавливать текст, им написанный.

Текстологический анализ любого памятника требует от исследователя широкого интеллектуального фона, без помощи которого текст не раскроет своего содержания, а если и раскроет, то в искаженном или упрощенном виде. Например, для изучения русского летописания XI в. необходимо по возможности знать все русские рукописи и памятники XI в., а также произведения исторического жанра, созданные в это время в Византии и Европе.

Значительный объем летописей существенно затрудняет их анализ и использование. Вас, предположим, интересует какое-то известие XI в., в разных летописях оно читается по-разному, понять суть этих разночтений можно только в контексте разночтений всей летописи в целом, то есть вы обязаны уяснить для себя историю текста всей летописи, чтобы использовать для своих исторических построений какое-то одно ее известие. Незаменимым подспорьем в данном случае являются работы А. А. Шахматова, где дана характеристика текстам почти всех русских летописей.

Первый летописный свод. Вопрос о первом летописном своде, о первом историческом сочинении, посвященном Русской земле, от которого происходят все летописи и вся отечественная историография, всегда был одним из сложнейших. В XVII–XIX вв. первым русским летописцем считали монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, якобы написавшего свою летопись в начале XII в. Во второй половине XIX в. И. И. Срезневский высказал предположение, что уже в конце X в. на Руси было создано какое-то историческое сочинение с известиями о русской истории. Предположение И. И. Срезневского получило дальнейшее развитие в работах М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, Б. А. Рыбакова и др. Например, М. Н. Тихомиров считал, что в конце X в. было создано в Киеве кем-то из светских людей «Сказание о русских князьях». Аргументы в пользу этого предположения берутся из текстов ЛЛ-Н1ЛМ-Устюжского летописца. Это аргументы общего порядка, идущие вразрез с такими известными фактами, как: что письменность восточных славян появилась в связи с принятием христианства в 988 г., следовательно, требовалось время для распространения грамотности; что церковные люди (священники, монахи) были первыми грамотными людьми, так как первые русские книги были богослужебными или богословскими. Бесспорным фактом остается, что только от XI в. до нас дошли письменные памятники восточных славян. Надпись на корчаге из Гнездова, представленная одним словом («гороуща») и якобы датируемая X в., не может служить аргументом существования развитой письменной культуры, а именно это подразумевается, когда речь идет о создании оригинального исторического сочинения.

Д. С. Лихачев первым произведением, посвященным истории Руси, называет гипотетический памятник — «Сказание о распространении христианства», относя его создание к концу 40-х гг. XI в.

Исследователь при решении вопроса о первом русском историческом сочинении должен идти от анализа летописного материала, не прибегая к созданию научных фикций в виде гипотетических памятников. Введение в научный оборот гипотетических памятников возможно, но злоупотреблять ими нельзя, как нельзя решать через них один из сложнейших вопросов нашей историографии — создание первого отечественного исторического произведения.

Древнейший летописный свод 1037 (1039) г. Большинство исследователей сходятся во мнении, что первый летописный свод на Руси был создан в Киеве в первой половине XI в. Наиболее аргументирована точка зрения А. А. Шахматова. Ключевым моментом в его аргументации был анализ текста летописной статьи ЛЛ—ИЛ 6552 (1044) г., состоящей из двух известий, позволивший ему наметить два этапа летописной работы в XI в. В первом известии этого года сообщается: «Въ льто 6552. Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородицы». Это известие 1044 г. было сопоставлено с известием 6485 (977) г. о трагической гибели одного из братьев — Олега у города Вручева: «И погребоша Ольга на мѣсть у города Вручюга, и есть могила его и до сего дне у Вручюга». Исследователь обратил внимание на выражение «и до сего дне», часто встречающееся в русских летописях и очень важное для анализа летописного текста, и сделал следующее предположение: оно принадлежит летописцу, знавшему о существовании могилы у Вручева и не знавшему о перезахоронении останков князей в 1044 г., значит, он работал до 1044 г. Так был сделан первый шаг в обосновании летописного свода. Далее А. А. Шахматов и за ним М. Д. Приселков уточнили время создания свода, указав 1037 г., как год основания кафедры митрополита в Киеве. Согласно византийской традиции учреждение новой митрополичьей кафедры сопровождалось составлением исторической записки об этом событии. Именно такой запиской и был первый летописный свод, составленный в Киеве в окружении митрополита в 1037 г. Итак, в обоснование свода 1037 г. положены два аргумента: существование могилы до 1044 г.

и византийской традиции при составлении документов. Оба аргумента несовершенны. Под могилой исследователь подразумевает могилу в современном понимании слова — яма для погребения, но языческая могила князя — это курган. Курган (могила) мог остаться и после перезахоронения останков, поэтому выражение «и до сего дне» по отношению к могиле мог употребить любой летописец XI в. и даже XII в., видевший его у города Вручева. Как уже отмечалось, обращение к словарям при анализе летописей обязательно. Значение слов во времени меняется. В Словаре русского языка XI–XVII вв. (Вып. 9. М., 1982. С. 229) о олове «могила» сказано: 1) место захоронения, могильный холм, курган; 2) яма для погребения мертвых. Это слово общеславянское — холм, возвышение, могильный холм. (См.: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 19. М., 1992. С. 115–119). В Устюжском летописце заповедные слова княгини Ольги, сказанные ей перед смертью сыну Святославу, переданы так: «И заоведа же Ольга ни тризны творити, ни могилы сыпати». Аргумент об учреждении митрополии тоже несовершенен, так как вопросы о первом русском митрополите, об основании митрополии в Киеве остаются спорными и неясными, то есть использовать эти данные для каких-либо утверждений нельзя. (См.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. Первая половина тома. М., 1997. С. 257–332.)

Решение вопроса о первом летописном своде ведется в разных направлениях: предположение о гипотетических памятниках, анализ общеполитических и культурных событий первой половины XI в., поиск каких-либо указующих чтений в летописном тексте. Одно из направлений выявлено А. А. Шахматовым при анализе текста «Память и похвала князю рускому Володимеру, како крестися Володимер и дети своя крести и всю землю Рускую от конца и до конца, и како крестися баба Володимирова Ольга преже Володимера. Списано Иаковом мнихом» (далее — «Память и похвала» мниха Иакова). Это произведение середины XI в. и при его написании была использована какая-то летопись, о чем говорят летописные известия, относящиеся к княжению Владимира (написание имени князя отличалось от современного). Если эти летописные известия из «Памяти и похвалы» собрать воедино, то получится следующая картина: «И седе

(Володимер) на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря. А Святослава князя Печенези убиша. А Яропѣлк сядше Кыеве на месте отца своего Святослава. И Ольгу идущю с вой у Вруча града, мост ся обломи с вой, и удавиша Ольга в гребли. А Яропѣлка убиша Кыеве мужие Володимирови. И седе Кыеве князь Володимер в осмое лето по съмърте отца своего Святослава, месяца июня в 11, в лето 6486. Кръсти же ся князь Володимер в 10-е лето по убиении брата своего Яропѣлка. И каяшеся и плакашеся блаженны князь Володимер всего того, елико сътвори в поганьстве, не зная Бога. По святем же крещении пожи блаженны князь Володимер 28 лет. На другое лето по крещении к порогам ходи. На третье Кърсунъ город възя. На четвертое лето Переяславъ заложи. В девятое лето десятину блаженный христолюбивый князь Володимер въда църкѣви святеи Богородици и от имени своего. О томъ бо и сам Господь рече: идеже есть съкровище ваше, ту и сърдыце ваше будетъ. И усьпе с миромъ месяца июля в 15 днь, в лето 6523 о Христе Исусе, Господи нашемъ». (Цит. по кн.: Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996. С. 57.)

Ни в одной из дошедших до нас летописей точно такого же текста нет. Разночтений несколько, одно наиболее значительно: сообщение о том, что князь Владимир на третье лето по крещении Корсунъ взял. Все другие летописи единогласно сообщают о крещении князя Владимира в Корсуни после взятия этого города. Предполагается, что в «Памяти и похвале» отразился какой-то недошедший до нас летописный текст. Но можно высказать и другое предположение: «Память и похвала» мниха Иакова является одним из первых исторических сочинений Древней Руси, оно создавалось до появления первого летописного свода и Корсунской легенды, в нем находящейся, оно было одним из источников первого летописного свода. Высказать подобное предположение легко, но доказать его весьма и весьма трудно. В историко-филологической науке, так же как и в науках точных, любое положение должно доказываться, а доказывать подобные положения можно только на основе современной текстологии.

Вопрос о первом историческом сочинении, о первом летописном своде пока решения не имеет, предложенные варианты малодоказательны, но можно с уверенностью сказать, что такое решение будет найдено.

Существуют ли неопровержимые данные о ведении летописей в XI в.? Такое указание есть в тексте уже упоминавшейся летописной статьи 6552 (1044) г., где полоцкий князь Всеслав упоминается как живой, а о смерти его сообщено под 6609 (1101) г. Следовательно, запись под 1044 г. сделана до 1101 г., то есть в XI в. до момента создания ПВЛ. При проверке даты смерти (проверять следует любое хронологическое указание) выяснилось, что 14 апреля ни в мартовском, ни в сентябрьском 6609 году не было средой. Объяснение данного несоответствия пока не найдено.

О создании летописного свода в XI в. говорят и топографические указания о киевских постройках. Например, о месте, где сидел Кий, сказано «иде же ныне двор Боричов» (Устюжский летописец под 6360 (852) г.); о могиле Аскольда, находившейся на горе — «еже ныне нарицается Угорское, иде же есть двор Альмель, на той могиле постави Альма божницу святого Николы. А Дирова могила за святою Ириною» (Устюжский летописец под 6389 (881) г., в ЛЛ не «Альма», а «Ольма»). В Устюжском летописце под 6453 (945) г. читаем: «...и присташа (древляне) под Боричевом, бе бо тогда вода текущи, подле горы Киевския, и до вина седяху люди на горе. Град же тогда бе Киев, иде же ныне двор Горятин и Никифоров, а двор бяше княж во граде, иде же ныне двор есть Вротиславль един вне града. И бе вне града двор други, иде же двор domestиков за святою Богородицею над горою, двор теремны, бе бо ту терем каменен». В ЛЛ, кроме различий имен владельцев, есть небольшое дополнение — «дворъ Воротиславль и Чюдин», «Чюдин» есть и в НЛМ. Трудно сказать, находился ли «Чюдин» в первоначальном тексте, или был добавлен последующим летописцем. Деталь немаловажная, так как этот Чюдин был заметной фигурой в 60–70-х гг. XI в. Именно он наравне с Микыфором Кыянином упоминается в Правде Ярославичей («Правда уставиена Руськой земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенъгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула»). В ЛЛ под 6576 (1068) г. упоминается воевода Коснячко и его двор, что подтверждает примерную датировку топографических указаний 60-ми гг. XI в.

Еще одним указанием на ведение летописей в 60-х гг. могут служить появляющиеся в это время точные датировки не церковных событий (год, месяц, день). Под 6569

(1061) г. читаем: «Придоша половци первое на Русьскую (емлю воевать; Всеволодь же изиде противу имъ мѣсяца февраля въ 2 день».

Все перечисленные наблюдения, сделанные разными исследователями, говорят об одном — в 60-е гг. XI в. в Киеве был составлен летописный свод. В литературе высказывалось предположение, что примерно в эти годы над летописью работал знаменитый Иларион, первый русский митрополит.

Летописный свод 1073 г. Датировку событий с точностью до дня, появляющуюся в тексте с 1060-х гг., исследователи относят к летописному своду 1073 г. Вот некоторые из них: 3 февраля 1066 г. — день смерти князя Ростислава в Тмутаракани, 10 июля того же года — захват князя Всеслава Ярославичами; 15 сентября 1068 г. — освобождение князя Всеслава, 1 ноября того же года — победа князя Святослава над половцами; 2 мая 1069 г. — день возвращения князя Изяслава в Клев и т. д.

Летописный свод 1070-х гг. ни у кого из исследователей не вызывает сомнений. Он был составлен в Печерском монастыре, который с этого времени становится одним из центров русского летописания XI–XII вв. Киево-Печерский монастырь основан монахом Антонием при князе Ярославе Мудром. Одними из первых настоятелей были Феодосий Печерский и Никон, посвятивший самого Феодосия в священнический сан. Именно этому Никону и приписано составление летописного свода 1073 г. Сделал это А. А. Шахматов, обративший внимание на одно любопытное обстоятельство. Из «Жития Феодосия Печерского», написанного монахом монастыря Нестором в 80-х гг. XI в., мы узнаем, что Никон в 60–70-е гг. совершал неоднократно поездки из Киева в Тмутаракань, где основал монастырь святой Богородицы. В летописи с 60-х гг. появляются подробные рассказы о событиях, происходивших в далекой Тмутаракани. А. А. Шахматов, сопоставив данные Жития Феодосия Печерского с данными летописи, сделал предположение об участии Никона в составлении летописного свода 1073 г. Этот свод оканчивался описанием событий 1073 г. (изгнание князя Изяслава из Киева), после которых Никон в последний раз бежал в Тмутаракань. Тмутараканские известия Жития Феодосия Печерского и летописи — уникальны. В основном только благодаря им у нас есть хоть какое-то представление

о событиях, происходивших в Тмутараканском княжестве. Появлению этих известий в Житии и летописи в какой-то степени мы обязаны случайности — биография одного из русских летописцев была связана с этим городом. Соотнести все известия о Тмутаракани с Никоном нельзя, так как он умер в 1088 г., а последнее событие внесено в летопись под 1094 г. Вопрос об этих известиях и о летописце, внесшем их в свой труд, еще окончательно не решен. Некоторые из записей явно указывают если не на очевидца описываемых событий, то на человека, хорошо знакомого с ними. Особенно ярко, со знанием деталей, переданы события 6574 (1066) г., рассказывающие об обстоятельствах смерти князя Ростислава: «Ростиславу сущю Тмutorокани и емлющую дань у касогъ и у инѣхъ странъ, сего же убоявшеся грѣци, послаша с лествю котопана. Оному же пришедшу к Ростиславу и ввѣрившюся ему, чтишеть и Ростислвъ. Единою же пьющую Ростиславу с дружиною своею, рече котопанъ: «Княже! Хочу на тя пити». Оному же рекшю: «Пий». Он же испивъ половину, а половину дать князю пити, дотиснувъся пальцемъ в чашу, бѣ бо имѣя под ногтемъ растворенъе смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне семаго. Оному же испившю, котопан же, пришедъ Корсуню, повѣдаше, яко в сий день умереть Ростиславъ, якоже и бысть. Сего же котопана побиша каменьемъ корсуньстии людѣе. Бѣ бо Ростиславъ мужъ добль, ратень, взрастомъ же лѣпъ и красенъ лицомъ, и милостивъ убогымъ. И умре мѣсяца февраля въ 3 день, и тамо положень бысть въ церкви святыя Богородица». (Котопан — глава, руководитель, какое-то должностное лицо в Корсуни. Цит. по кн.: Памятники литературы Древней Руси. XI—начало XII века. М., 1978. С. 180.)

Летописный свод 1093 (1095) г. После свода 1073 г. в Печерском монастыре был составлен следующий летописный свод — 1093 г. А. А. Шахматов одно время считал этот текст первоначальным в истории русского летописания, поэтому его иногда называют Начальным сводом. Составителем этого памятника, по предположению исследователя, был игумен Печерского монастыря Иван, поэтому его иногда еще называют сводом Ивана. У В. Н. Татищева был ныне утраченный список летописи, в которой описание событий 1093 г. оканчивалось словом «аминь», то есть указанием на завершение работы.

В летописном своде 1093 г. появились новые черты ведения записей. Датировка событий стала приводиться с максимальной точностью: смерть игумена Печерского монастыря указана с точностью до часа — в 2 часа дня 3 мая, во вторую субботу по Пасхе, 6582 г.; с такой же точностью указано время смерти и преемника Феодосия, второго игумена Печерского монастыря Стефана, ставшего епископом Владимирским (на юге Руси) — в 6-ой час ночи 27 апреля 6612 г. Все эти датировки событий имеют отношение к Печерскому монастырю и сделаны, возможно, одним и тем же лицом.

В своде 1093 г. встречается целая серия мастерски выполненных литературных портретов. Например, под 6586 (1078) г. читаем: «Бъ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду. Не бѣ бо в немъ лсти, но простъ мужъ умом, не вздая зла за зло. Колико бо му створиша кияне: самого выгнаша, а дом его разграбиша, и не взда противу тому зла» (Памятники. С. 214). Или, например, под 6594 (1086) г. о князе Ярополке: «Многы бѣды приимъ, без вины изгонимъ от братья своя, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую приять, но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ бѣше блаженный съ князь тихъ, кроткъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣй Богородици от всего своего имѣнья по вся лѣта, и моляше Бога всегда...» (Памятники литературы Древней Руси. XI—начало XII века. М., 1978. С. 218). Подобный портрет летописец создал и князю Всеволоду в сообщении о его смерти под 6601 (1093) г., после чего такие описания надолго исчезают из летописного текста.

Редкий летописный свод имеет столько подтверждающих его существование данных, как летописный свод 1093 г. Здесь и слово «аминь» в конце списка В. Н. Татищева, и серия известий о Тмутаракани, оканчивающаяся в районе этой летописной статьи, и двойная датировка в начале погодной записи (Въ лето 6601, индикта 1 лета...). И, что, может быть, самое главное, именно здесь прекращается использование одного из внелетописных источников — Паремийника. Паремийник — древнерусский богослужебный сборник, составленный из различных чтений ветхозаветных и новозаветных книг, его читали во время совершения литургии или вечерни. Паремийник использовался в русской богослужебной практике до XV в., после чего стал выходить из употребле-

ния. Впервые наиболее полно вопрос об использовании Паремийника как внелетописного источника в русском летописании XI в. был разработан А. А. Шахматовым (См.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. М.; Л., 1940. С. 38—41). Основные положения его наблюдений следующие: заимствования из Паремийника сделаны одним летописцем, заимствования прослеживаются до 1093 г. Если первое положение можно в какой-то мере оспорить (чтения из Паремийника во Владимирском летописце своеобразны и отличаются от заимствований в ЛЛ-ИЛ), то второе — бесспорно. После 1093 г. заимствований из Паремийника в русских летописях не встречается, следовательно, это наблюдение служит еще одним аргументом в пользу окончания летописного свода 1093 г. Заимствования из Паремийника представлены в следующих летописных статьях: 955, 969, 980, 996, 1015, 1019, 1037, 1078, 1093. Этот перечень погодных записей с заимствованиями из Паремийника может служить наглядным примером того, как один из летописцев, доведший свою работу до 1093 г., активно работал с материалом своих предшественников, в данном случае, дополняя его.

Вот пример сопоставления текстов Паремийника (по рукописи XII в.) и летописи¹:

Паремийник РНБ. Q. п. I. 14.,
лл. 42—42 об.

«понеже звахъ и не послушасте, прострохъ словеса и не внимаєте, но отметаєте моя съветы, моихъ же обличении не внимаєте... възненавидеша бо премудрость, и състраха Божия не изволиша, ни хотяху моихъ внимати съветъ, подражаху же моя обличения».

Летопись под 6463 (955) г.

«понеже звахъ вы и не послушаете мене, прострохъ словеса и не внимаете, но отметаєте моя светы, моихъ же обличении не внимаете. Възненавидеша бо премудрость, а страха Господня не изволиша, ни хотяху моихъ внимати светъ, подражаху же мои обличенья».

Данное паремийное чтение включает и еще один пример заимствования, отмеченный А. А. Шахматовым (Притч. 1, 29—31 под 955 г.), так как он разбивает на два фрагмента один цельный текст.

При цитировании буква «ѣ» заменена буквой «е».

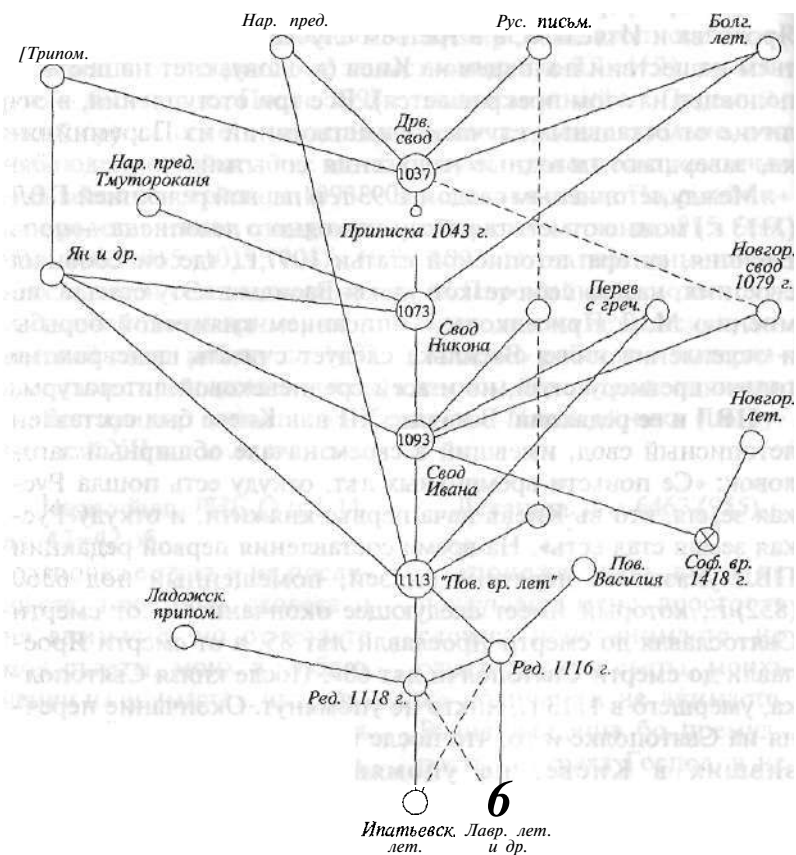
При сравнении текстов становится очевидным, что Паремийник был источником летописи, откуда летописец заимствовал необходимые ему материалы, причем цитируя их почти дословно.

Паремийные заимствования в летописных статьях 1037 г., 1078 г., 1093 г. находятся в обширных отступлениях, сделанных одним из древнерусских летописцев. В первых двух случаях при характеристике личности и деятельности двух князей Ярослава и Изяслава, а в третьем случае — в рассказе о третьем нашествии половцев на Киев (к слову, счет нашествий половцев на этом прекращается). Все три отступления, в отличие от остальных случаев заимствований из Паремийника, завершают погодные изложения событий.

Между летописным сводом 1093 г. и первой редакцией ПВЛ (1113 г.) можно отметить работу еще одного летописца — попа Василия, автора летописной статьи 1097 г., где он сообщил свое имя, назвав себя тезкой князя Василька. Эту статью, по мнению М. Д. Приселкова, с описанием княжеской борьбы и ослепления князя Василька следует считать шедевром не только древнерусской, но и всей средневековой литературы.

ПВЛ и ее редакции. В начале XII в. в Киеве был составлен летописный свод, имевший в своем начале обширный заголовок: «Се повѣсти времяньныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля сталъ есть». На время составления первой редакции ПВЛ указывает перечень князей, помещенный под 6360 (852) г., который имеет следующее окончание: «...от смерти Святослава до смерти Ярославли лѣтъ 85, а от смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60». После князя Святополка, умершего в 1113 г., никто не упомянут. Окончание перечня на Святополке и то, что после него никто из князей, правивших в Киеве, не упомянут, дало возможность исследователям утверждать, что летописец работал в 1113 г., сразу же после смерти князя Святополка. Свою работу он довел, судя по тексту ЛЛ (вторая редакция ПВЛ), до событий 6618 (1110) г. включительно. Предполагается, что автором первой редакции ПВЛ был монах Киево-Печерского монастыря Нестор (о нем смотри ниже). Судя по точным датировкам событий с точностью до часа (1113 г.) ИЛ и указанию индикта в начале погодной записи 6620 (1112) г., автор первой редакции ПВЛ мог довести изложение событий до 1113 г. включительно.

Начало русского летописания по М.Д. Приселкову*

Автор первой редакции ПВЛ продолжил работу своего предшественника и пополнил ее различными дополнительными источниками. Среди них не последнее место занимают рассказы очевидцев или участников событий. Например, летописец был знаком с представителями одной из виднейших семей Киева — Вышатичами. О сыне воеводы Вышаты Яне он в летописной статье 6614 (1106) г. пишет: «В се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живѣ лѣтъ 90, в старости мастить; живѣ по закону Божью, не хужий бѣ первыхъ праведник. От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписахъ в лѣтописаньи семь, от него же слышах. Бѣ бо мужъ благъ, и кротокъ, смѣренъ, огрѣбаяся всякая вещи, его же и гробъ есть въ Печерьскомъ монастыри, в притворѣ, идеже лежитъ тѣло его, положено мѣсяца июня въ 24». Если учесть долгие годы, прожитые старцем Яном, то он о многом мог рассказать летописцу.

Одним из письменных дополнительных источников автора первой редакции ПВЛ была византийская Хроника Георгия Лмартола и его продолжателей. Этой Хронике не знал автор летописного свода 70-х гг., так как в тексте НЛМ заимствований из нее нет. Хроника Георгия Амартола — памятник византийской литературы IX в., где рассказывается всемирная история. Она составлена монахом Георгием и в XI в. была переведена на русский язык. Впервые на использование этого текста в русской летописи указал П. М. Строев. А. А. Шахматов собрал все заимствования из Хроники в летописи, их насчитывается 26. Во вводной части ПВЛ летописец прямо указал на свой источник — «Глаголетъ Георгій в лѣтописаньи». Заимствования часто дословны, например, после ссылки на летописание Георгия следует текст :

«Повесь временныхъ летъ»

«Ибо коемуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане беззаконникомъ отечество мнится. Отъ нихъ же первие Сирии, живушей на конецъ земли, законъ имуть отецъ своихъ и обычаи: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли злодѣяти весма»...

Хроника Амартола

«Ибо коемуждо языку, овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи; законъ бо беззаконникомъ отечество мнится. Отъ нихъ же первие живущии Сирии на концы земля, законъ имуть отецъ своихъ обычаи: не любодѣяти, ли красти, ли прелюбодѣяти, ли оклеветати, ли убити, или злодѣяти весма»...

(Пример сопоставления текстов приведен по работе А. А. Шахматова «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. М.; Л., 1940. С. 46).

Займствования из Хроники распределены летописцем по всему тексту летописи, иногда берется большой отрывок произведения, иногда небольшая уточняющая деталь. Найти все эти займствования без знания их источника нельзя, в то же время, не зная о них, можно принять факт чужой истории за событие русской действительности.

Предположительно на этапе создания первой редакции ПВЛ в текст летописи были включены договоры русских с греками (6420 г., 6453 г., 6479 г.).

Составитель первой редакции ПВЛ заносил в свою летопись известия о различного рода небесных знамениях, часть которых можно проверить по данным астрономии. Например, под 6599 (1091) г. читаем: «В се же лѣто бысть знаменье в солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть, в час 2 дне, мѣсяца мая 21 день». Именно в этот день по данным астрономии было кольцеобразное затмение. (Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. СПб., 1915. С. 104.) Подобные записи внесены в летопись под 6614 (1106) г., 6621 (1113) г., 6627 (1115) г.— ИЛ. Все эти записи необходимо проверять по данным астрономии для выяснения точности хронологии летописи.

Вторая редакция ПВЛ представлена в ЛЛ. О времени, месте и обстоятельствах ее составления мы узнаем из приписки, находящейся после летописной статьи 6618 (1110) г.: «Игумень Силивестръ святаго Михаила написах книги си Лѣтописецъ, надѣяся от Бога милость прияти, при князи Влодимеръ, княжашю ему Кыевъ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ».

При всей краткости эта приписка требует большого внимания, подразумевающего различного рода проверки и уточнения. Из приписки видно, что летописец составлял игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр в 6624 г. Прежде всего необходимо проверить соответствуют ли указанные хронологические данные между собой. Да, соответствуют: в этом году на киевском престоле был князь Владимир (1113–1125 гг.), а 6624 г. соответствует 9 индикт. Необходимо также уточнить

каждую часть этой приписки, обращая внимание даже на незначительные детали. Например, Владимир назван князем, не великим князем, как называют его титул в учебниках и различных монографиях. Случайно ли это? Нет, если обратиться к первоисточникам (памятникам письменности, синхронным анализируемому времени), то оказывается, что везде, за одним спорным исключением, встречается титул — князь, а титул великий князь появляется только в XIII в. Сильвестр назвал свой труд «Лѣтописцем», а в начале летописи стоит другое название — «Се повѣсти времяньныхъ лѣтъ...», следовательно, не Сильвестру вероятно, принадлежит заголовок — ПВЛ.

При первом же знакомстве с припиской становится очевидной необходимость различных знаний по истории русской церкви, которые можно почерпнуть из специальных книг. Например, полезно иметь на столе Полный православный богословский энциклопедический словарь (в двух томах, дореволюционное издание, переиздано репринтом в 1992 г.). По словарю можно уточнить значение слова «игумен» и его отличие от слова «архимандрит», получить первое представление об истории православных монастырей. Следует обязательно поинтересоваться именем «Сильвестр» — в честь святого Сильвестра папы римского (314—335 гг.) был назван игумен Выдубицкого монастыря: православные чтят его память 2 января, а католики — 31 декабря. Существует также исчерпывающий труд, посвященный христианским именам: Архиепископ Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Восток (В 3 т. Владимир, 1901. Репринт. 1997). Выяснив происхождение имени, следует познакомиться с биографией игумена. Обо всех участниках литературного процесса Древней Руси можно узнать из словаря: Словарь книжников и книжности Древней Руси (Вып. 1. XI—первая половина XIV в. Л., 1987. С. 390—391). Этот словарь даст нам скудные факты из жизни Сильвестра: после игуменства поставлен епископом в Переяславле Южном, где умер в 1123 г. Немаловажен в данном случае не имеющий ответа вопрос: какое имя было у Сильвестра до того, как он стал монахом? В более позднее время существовала традиция сохранять в первой букве монашеского имени первую букву мирского имени. Но была ли эта традиция действующей в XI в., неизвестно. Монастырь святого Михаила — это Выдубицкий Михайловский монастырь, расположенный недалеко от Киева на берегу Днепра. По пре-

данию, он был основан князем Всеволодом в 1070 г., на месте, куда из Киева приплыл сброшенный в Днепр идол Перуна. Церковь в монастыре освящена в 1088 г. Монастырь, основанный князем Всеволодом, стал духовным центром княжеской ветви, родоначальником которой был Всеволод. Почти все княжеские ветви имели свои монастыри в Киеве или в его пригородах. Во время правления сына Всеволода князя Владимира в Киеве в Выдубицком монастыре начинается летописание и, естественно, летописец, писавший в монастыре Всеволодовичей, в своем труде отстаивал интересы этой династии.

В приписке Сильвестра, может быть, самым ключевым является слово «написах». Какую степень участия в работе над летописью оно обозначает? Вопрос, как оказывается, непростой. В XI в. «написах» могло обозначать и «переписал», то есть работу переписчика, и, в прямом смысле, «написал», то есть создал новый оригинальный текст. Именно в последнем смысле воспринял приписку Сильвестра один из русских летописцев, вставив в описание нашествия Эдигея на Москву в 1409 г. следующие слова: «Сиа вся написаннаа аще и нелъпо кому видится, иже толико отъ случившихся въ нашей землѣ несладостнаа намъ и неуласканнаа изглаголавшимъ, но възустителнаа и къ ползъ обрѣтающаа и возставляющаа на благаа и незабытнаа; мы бо не досажаяще, ни поношающе, ни завидяще чти честныхъ, таковаа вчинихомъ, якоже бо обрѣтаемъ началнаго лѣтословца Киевскаго, иже вся временнобытства земскаа, не обинуая показуеть; но и прѣвии наши властодрѣжцы без гнѣва повелѣвающе вся добраа и недобраа прилучившаася написовати, да и прочиимъ по нихъ образы явлени будутъ, якже при Володимерѣ Маномаѣ оного великаго Селивестра Выдобыжскаго, не украшая пишушаго, да аще хощеша, почти тамо прилѣжно, да почеть почиеша» (ПСРЛ. Т. 11. Никоновская летопись. М., 1965. С. 211). Более ранний текст этого отступления находится в Рогожском летописце (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. С. 185). Из цитаты видно, что один из русских летописцев считал Сильвестра автором киевской летописи, называя его «лѣтословцем». В научной литературе вопрос о степени участия игумена Сильвестра в создании одной из русских летописей остается спорным, одни считают его только переписчиком, другие — автором оригинального произведения.

Третья редакция ПВЛ представлена в тексте ИЛ, в которой, в отличие от Лаврентьевской, события после 6618 (1110) г. не прерываются припиской Сильвестра. Время составления этой редакции определяется следующим образом. Исследователи обратили внимание на то, что один из киевских летописцев под 6604 г. и 6622 г. говорит о своем присутствии на севере, в Новгородской земле. Под 6604 (1096) г. читаем: «Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородецъ, глаголя сице, яко «Послахъ отрока своего в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду. И пришедшю отроку моему к ним, и оттудъ иде въ Оугру. Оугра же суть людье языкъ нѣмъ, и сосѣдятся съ Самоѣдью на полунощныхъ сторонахъ...» (ПСРЛ. Т. 2. М., 2000. Стб. 224-225). Далее следует рассказ о виденном на севере, о нравах Югры, об их преданиях. Выражение «яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ» понимается исследователями следующим образом: автор писал свою летопись спустя 4 года после поездки в Новгородскую землю. Ответом на вопрос — в каком году этот летописец побывал на севере — является летописная статья 6622 (1114) г. (она есть в Ипатьевской, но отсутствует в Лаврентьевской летописи): «В се же лѣто заложена бысть Ладога каменiemъ на приспѣ Павломъ посадникомъ, при князѣ Мѣстиславѣ. Пришедшю ми в Ладогу, повѣдаша ми ладожане...» (ПСРЛ. Т. 2. М., 2000. Стб. 277). Из текста видно, что летописец приехал в Ладогу в 6622 (1114) г., следовательно, он работал над летописью в 6626 (1118) г. Близость информации о севере до 6604 (1096) и 6622 (1114) гг. очевидна, в обеих статьях речь идет о Югре, о Самояде, и их обычаях.

На этапе создания третьей редакции ПВЛ в состав летописи была внесена легенда о родоначальнике княжеской династии — Рюрике. Это достаточно убедительно показал в своих исследованиях А. А. Шахматов.

Что же послужило причиной появления этой легенды? При всей спорности вопроса о князе Рюрике, о призвании варягов письменные памятники XI в. позволяют дать следующее объяснение.

В некоторых древнерусских произведениях второй половины XI в. родоначальником русской княжеской династии назван не Рюрик, а Олег, иногда Игорь. Князь Рюрик не известен ни митрополиту Илариону, ни монаху Иакову. Напри-

мер, в «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион старейшим русским князем называет Игоря («Похвалим же и мы <...> великаго кагана нашея земли Володимера, внука старого Игоря, сына же славнаго Святослава»). Нет имени Рюрика и в росписи русских князей, помещенной под 6360 (852) г., где летописец, говоря о начале русской земли, упоминает и первого русского князя, которым был, по его мнению, князь Олег.

Таким образом, различные исторические и литературные произведения Древней Руси дают нам несколько версий о родоначальнике княжеской династии: по одним — это Рюрик, по другим — Олег, по третьим — Игорь.

В первые века русской истории, как и в поздние времена, существовала традиция называть новорожденных в честь славных предков. Именем Олега в домонгольский период по данным Лаврентьевской летописи были названы 8 князей (11 — по Никоновской летописи), а имя Игорь по ЛЛ носили 5 князей (6 — по Никоновской). В честь же Рюрика, якобы родоначальника русской княжеской династии, за всю историю России названы только два князя: один в XI в., другой в XII в. (количество князей, носивших имя Рюрик, взято из литературы по русской генеалогии).

На основе летописного материала попробуем разобраться с князьями, носившими имя Рюрик. Первое упоминание о реальном Рюрике находится в летописной статье 6594 (1086) г.: «Бъжа Нерадецъ треклятый (убийца князя Ярополка — В.З.) Перемышлю к Рюрикови...» Считается, что этот Рюрик, сидевший в Перемышле, был братом Володаря и Василько Ростиславичей. Но в летописной статье 6592 (1084) г. говорится не о трех, а о двух братьях Ростиславичах («выбегоста Ростиславича два от Ярополка»). Можно предположить, что под двумя разными именами упомянут один и тот же князь: княжье имя — Рюрик, христианское — Василько. Произошло это следующим образом: один из летописцев (в первом случае) традиционно называл князя княжьим именем, а другой летописец предпочел называть его христианским именем. Можно даже объяснить предпочтение второго летописца: он был священником и тезкой князя по его христианскому имени (под 6605 (1097) г. в летописи помещен подробнейший рассказ об ослеплении князя Василька, записанный попом Василием).

Как бы ни решался вопрос об именах князя XI в., второй бесспорный князь Рюрик, тоже Ростиславич, жил во второй половине XII века и был потомком Всеволода Ярославича (к слову, христианское имя этого Рюрика — Василий).

Если проследить родословие Рюрика XI в. и Рюрика XII в., то окажется, что они являются представителями одной княжеской ветви, ведущей свое начало от брака Ярослава Мудрого с дочерью шведского «короля» Ингигердой: один Рюрик — потомок Владимира Ярославича, другой — Всеволода Ярославича. О втором браке Ярослава и потомстве от него наиболее подробно сообщают исландские саги и анналы: «1019. Конунг Олав Святой женился на Астрид, дочери конунга Олава Шведского, а конунг Ярицлейв в Хольмгарде — на Ингигерд», «... вышла Ингигерд замуж за конунга Ярицлейва. Их сыновьями были Вальдамар, Виссивальд и Хольти Смелый» (Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII в. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования (1988–1989 г.). М., 1991. С. 159). Исследователи считают, что Вальдамара и Виссивальда можно отождествить с сыновьями Ярослава Владимиром и Всеволодом, третий сын — Хольти Смелый, остается спорной фигурой.

Суммируя все известное нам, получаем следующие результаты: впервые именем Рюрик назвал своего сына внук Ярослава Мудрого Ростислав (примерно в 70-е гг. XI в.). Только у потомков от брака Ярослава и дочери шведского конунга Ингигерд встречается имя Рюрик. По крайней мере два русских летописца (поп Василий и игумен Сильвестр), принявшие участие в создании ПВЛ, хорошо знали представителей именно этой княжеской ветви (поп Василий — тезка Василия-Рюрика, а Сильвестр — игумен монастыря княжеской ветви Всеволодовичей) и, как можно предположить, отстаивали их политические интересы. Один из летописцев, как мы знаем, посещал Ладогу. Согласно исландским источникам, Ингигерда, выйдя замуж за Ярослава, получила в приданое Альдейгьюборг, то есть Ладогу.

Во второй половине XI в. могло существовать два предания о Рюрике: родовое, связанное с одним из предков Ингигерды (речь идет о ее деде Эрике, чье прозвище Победоносный близко по значению с именем одного из братьев русской легенды — Синеусом; некоторые исследователи слово «Синеус» считают

не именем, а одним из прозвищ Рюрика и переводят *его* как «победоносный»), и предание об основателе города Ладоги. Оба предания первоначально имеют единую основу — шведскую. В них отсутствует какая-либо хронология, что характерно для преданий. В рамках шведской истории хронологические ориентиры, вполне вероятно, можно было бы отыскать, но шведская «историческая фактура» при переносе на русскую почву полностью утратила эти ориентиры.

Два предания второй половины XI в. о Рюрике и послужили первоначальным материалом одному из русских летописцев для создания легенды о князе Рюрике — родоначальнике русской княжеской династии. Летописец был сторонником именно этой княжеской ветви, к тому же он лично знал одного из «реальных» Рюриков второй половины XI в. Основная цель создания легенды ясна: обоснование первенства и, тем самым, главенства представителей княжеской ветви, происходившей от брака князя Ярослава с Ингигердой. В Лаврентьевской и близких к ней по своей первоначальной истории летописях утверждается, что князь Владимир был старшим сыном Ярослава. Да, старшим, но от второго брака. В Устюжском летописце перечень сыновей князя Ярослава по праву возглавляет князь Изяслав.

Эта легенда, как уже отмечалось, была внесена в русскую летопись около 1118 г. одним из киевских летописцев. Именно в это время в Киеве правил внук Ингигерды князь Владимир Мономах. Легенду летописец внес в созданный его предшественниками рассказ о начале русской истории, взяв за основу первые упоминания об Олеге и Игоре.

Летописный свод, известный под названием ПВЛ, в состав которого была включена легенда о Рюрике, представлен почти во всех русских летописях, в связи с чем искусственно созданная легенда, освященная многовековой традицией, в конечном итоге превратилась в исторический факт. К тому же, на северо-востоке правили потомки Владимира Мономаха. В свою очередь, искусственный исторический факт стал точкой отсчета как для древнерусских людей, так и для исследователей нового времени при создании ими других искусственных интеллектуальных конструкций.

На примере легенды о Рюрике видно, как летописец, отстаивая интересы одной княжеской ветви XII в., активно изменял текст своих предшественников, внося в их труд, а

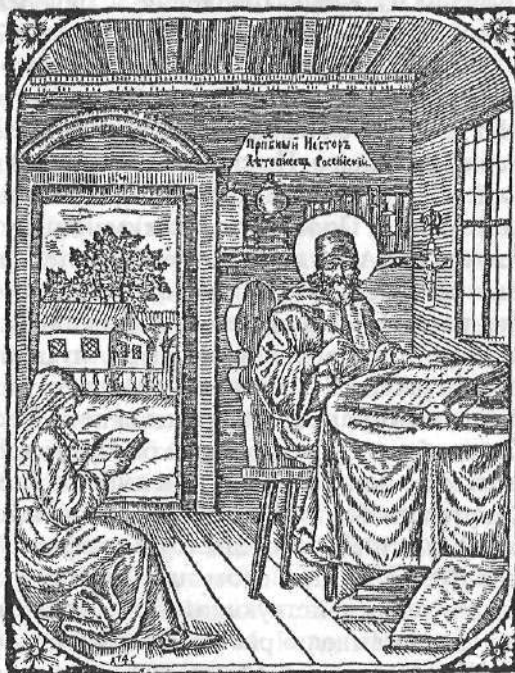
самым, в историю Руси, искусственные факты. Отсюда **следует**, что любой исторический факт, находящийся в летописи, требует предварительного кропотливого анализа, основой которого является история текста летописи в целом и четкое знание этапа, на котором интересующий нас исторический факт был внесен в летопись. Перед тем, как привлечь тот или иной факт, находящийся в рамках ПВЛ, для исторических построений, следует узнать текстологическую характеристику, данную ему в работах А. А. Шахматова.

Источники ПВЛ. Выявление отдельных внелетописных источников ПВЛ осуществлялось несколькими поколениями отечественных ученых. Итоговой работой, глубокой и обстоятельной, по этой теме является исследование А. А. Шахматова «Повесть временных лет и ее источники» (ТОДРЛ. Т. IV. М.; Л., 1940. С. 5—150), где дается обзор и характеристика 12 внелетописным источникам. Это следующие памятники и произведения: 1) Книги «св. Писания», где кроме упоминавшегося Паремийника, отмечаются все цитаты из Псалтыри, Евангелий, Посланий апостольских; 2) Хроника Георгия Амартола и его продолжателей; 3) «Летописец вскоре» патриарха Никифора (ум. 829 г.), представляющий собой хронологический перечень основных событий всемирной истории от Адама до смерти автора. На латинский язык этот памятник бы переведен в 870 г., а на славянский (в Болгарии) в конце IX-начале X в. Существует современное исследование, посвященное «Летописцу вскоре»: Пиотровская Е. К. Византийские хроники IX века и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора) / Православный палестинский сборник. Вып. 97 (34). СПб., 1998). Из «Летописца вскоре» в летопись была взята первая дата русской истории — 6360 (852) г., а также перешли некоторые данные для летописных статей 6366 г., 6377 г., 6410 г.; 4) Житие Василия Нового. На этот источник впервые указал А. Н. Веселовский в 1889 г. Заимствование сделано в статье 6449 (941) г.; 5) Хронограф особого состава — гипотетический памятник русской историографии XI в., содержащий рассказ о всемирной истории; 6) Статья Епифания Кипрского о 12 камнях на ризе Иерусалимского первосвященника. Из этого произведения взято выражение «великая Скифь» (во введении и в статье 6415 (907) г.);

7) «Сказание о предложении книг на славянский язык», заимствования из него есть во введении и в статье 6409 (896) г.; 8) «Откровение» Мефодия Патарского, на него дважды ссылается летописец в рассказе о Югре под 6604 (1096) г. Это тот летописец, который ездил в Ладогу в 6622 (1114) г.; 9) «Поучение о казнях Божиих» — такое название дано А. А. Шахматовым поучению, находящемуся в статье 6576 (1068) г. В основу летописного поучения было положено «Слово о ведре и о казнях Божиих» (оно находится в Симеоновском Златоструе и в других списках Златоструя — сборнике произведений разных авторов, в том числе и Иоанна Златоуста). Вставка Поучения разрывает единый летописный рассказ о нашествии половцев и о выступлении против них Ярославичей (Начало: «Грьхъ ради нашихъ пусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша русьскыи князи...»). Поучение занимает около двух страниц текста и завершается традиционной в таких случаях фразой: «Мы же на предълежащее паки възвратимся»; 10) Договоры русских с греками; 11) «Речь философа» под 6494 (986) г.; 12) Легенда об апостоле Андрее (она находится во введении). Работа по выявлению цитат из внелетописных источников была продолжена и после А. А. Шахматова (Г. М. Барац, Н. А. Мещерский).

Нестор — монах Киево-Печерского монастыря традиционно считается автором самого значительного летописного свода древнерусского периода — Повести временных лет. Этот свод, дошедший до нас в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, был создан якобы Нестором в начале XII в., точнее, в 1113 г. Кроме этого Нестор написал еще два произведения: Житие Бориса и Глеба и Житие Феодосия Печерского. После длительного изучения письменного наследия Нестора оказалось, что многие исторические факты, описанные в двух Житиях, расходятся с соответствующими летописными фактами: в Житии Бориса и Глеба князь Борис княжил во Владимире Волынском, а по летописи он княжил в Ростове; по Житию Феодосия Печерского Нестор пришел в монастырь при игумене Стефане, то есть между 1074 и 1078 гг., а согласно летописной статье 1051 г., он поступил в монастырь при игумене Феодосии. Таких примеров различного рода противоречий насчитывается до 10, все они давно известны в литературе, но объяснений не имеют.

Подлинные данные биографии Нестора немногочисленны, о них мы узнаем из Жития Феодосия: в Печерский монастырь он пришел при игумене Стефане (1074—1078 гг.) и до написания Жития Феодосия им было написано Житие Бориса и Глеба. В записях монахов Киево-Печерского монастыря начала XIII в. (имеется в виду не дошедшая до нас первоначальная редакция Киево-Печерского патерика) дважды упоминается о том, что Нестор работал над летописью: во втором послании монаха Поликарпа к архимандриту Киево-Печерского монастыря Акиндину читаем «Нестер, иже написа летописец», а в рассказе Поликарпа о святом Агапите **враче** — «блаженный Нестеръ в летописец написа». Таким образом, мы видим, что монахи монастыря, пускай в виде предания, знали о работе Нестора по созданию какого-то летописца. Обратите внимание, летописца, а не Повести временных лет. К этим бесспорным данным биографии Нестора можно прибавить еще один факт, полученный исследователями при анализе текста Жития Феодосия. Они обратили внимание на то, что в Житии не сообщается о перенесении мощей Феодосия в 1091 г., и при этом игумен Никон (1078—1088 гг.) упоминается как действующий глава монастыря. Из всего этого был сделан вывод о работе Нестора над Житием в конце 80-х гг. XI в. Итак, биографических данных немного. Тогда возникает вопрос, откуда все исследователи XVIII—XX вв. берут другие данные биографии Нестора (время его рождения — 1050 г., смерти — начало XII в.), в том числе и факт его работы над Повестью временных лет в начале XII в.? Все эти данные брались исследователями из двух, опубликованных в XVII в. книг, из Патерика Киево-Печерского и Синописа, где вся информация летописных статей 1051 г., 1074 г. и 1091 г. была использована без предварительного критического анализа для характеристики Нестора. Следует отметить, что по мере того, как изменялся текст Патерика, начиная с XIII в. и до XVII в., в нем появлялись самые разнообразнейшие факты из жизни монахов XI в. Например, в издании Патерика 1637 г. появилось среди прочих дополнительных данных упоминание о младшем брате Феодосия. Как показал В. Н. Перетц, этот факт биографии Феодосия, как и другие подобные факты, являются плодом фантазии издателя Патерика Сильвестра Коссова. В 1661 г. в новом издании Патерика было опубликовано специально для этого напи-

ЖИТІЕ ПРЕБНАГО ОЦА НАШЕГО

Нестора Летописца Русинскаго.

Иже написал житіе свѣдѣхъ и прѣдѣхъ Оца нашего Прѣ-
побнаго, иже въ первой частѣ Патериска его положила свѣ.

Всѣмъ же иже писаніемъ оутѣждана не бо-
дѣтъ, въ забвѣніе и невѣдѣніе прїидѣтъ. Иже
и въ самомъ началѣ и первомъ твореніи міра, и
въ самомъ родоначальницѣ нашемъ Идѣмъ, иже
не бы Мовсѣи Бгома навѣнъ, въ книгахъ своихъ. Иже
внѣ намъ, въ бы то долготѣ времени покрѣпѣ
тѣмъ, и въ невѣдѣніе прїивѣл. Но Бгъ пѣмъ
чѣмъ своихъ, въ кое хощетъ время, спсѣтелн по-

Мѣ
Опшѣла
въ Ана.

первыи аѣ
чопица
въ Мовсѣи
ѡмъ р, с. а.

Преподобный Нестор, монах Киево-Печорского монастыря, один из первых русских летописцев. Гравюра XVIII в.

санное житие Нестора (в то время происходила местная канонизация Нестора). В Патерике Нестору приписано написание всей первой части памятника, что, конечно, не соответствует действительности. В тексте Жития Нестора никаких дат не указано, его биография характеризуется на основе летописных статей 1051 г., 1074 г., 1091 г., анализ которых показывает, что они принадлежат перу не одного, а, по крайней мере, двух монахов Киево-Печерского монастыря, и поэтому использовать данные этих статей для характеристики Нестора нельзя. Любопытно, как составитель Жития Нестора, работавший в XVII в., сумел снять противоречие между сообщением летописи под 1051 г. о появлении в монастыре некоего монаха 17-лет при игумене Феодосии и Житием Феодосия о приходе в монастырь Нестора при игумене Стефане: Нестор якобы пришел в монастырь при Феодосии 17-летним юношей и жил в монастыре мирянином, а иноческий образ он принял при Стефане. Надо отметить, что внешне такое объяснение вполне убедительно, но подобные рассуждения при снятии различного рода противоречий в письменных исторических источниках — мешают настоящему анализу этого источника. О времени смерти в Житии сообщается весьма туманно — «по летехъ временыхъ довольныхъ преставися на вечность». В Житии дана и общая характеристика летописи, которую якобы составил Нестор: «написа намъ о начале и первомъ строении Российскаго нашего мира», то есть все первые события нашей истории, описанные в летописи, принадлежат Нестору. Косвенное указание на время кончины Нестора находится в первой части Патерика, в рассказе об обстоятельствах внесения имени Феодосия в Синодик для всенародного поминовения, автором этого Синодика был также якобы Нестор. В этом рассказе встречаются имена конкретных исторических лиц, например, князя Святополка, сидевшего в Киеве в 1093—1113 гг., и даты (крайней датой указан 6620 (1114) г. — год поставления игумена Печерского монастыря Феоктиста, по инициативе которого имя Феодосия и было внесено в Синодик, на епископство в Чернигове). Если собрать все биографические данные Патерика, то получится достаточно полная биография Нестора: 17-летним пришел в Печерский монастырь при игумене Феодосии и до его смерти жил при монастыре, оставаясь мирянином; при игумене Стефане (1074—1078 гг.) пострижен в монахи и

стал дьяконом; в 1091 г. был участником обретения мощей Феодосия; умер после 1112 г. О содержании летописца, написанного Нестором, Патерик также дает общую, но исчерпывающую информацию: весь рассказ о начальной истории России вместе с заголовком — Повесть временных лет — принадлежит Нестору, ему также принадлежат все сообщения о Печерском монастыре по 1112 г. включительно. Эта биография Нестора и характеристика его летописца — итог творческой деятельности нескольких поколений монахов Печерского монастыря, их домыслов, предположений, догадок, ошибок. Неумная жажда знания, несмотря на полное отсутствие данных, об одном из своих славных собратьев — вот основа поиска.

Все исследователи XVIII–XX вв., говоря о Несторе, прямо или косвенно использовали данные Жития Нестора, созданного, как уже отмечалось, в XVII в., при этом они часто дополняли его на основе своих фантазий и предположений. Например, день памяти Нестора — 27 октября в некоторых книгах указывается как день его смерти, что, конечно, неверно. Приведу еще один пример того, как находили новые факты биографии Нестора. В. Н. Татищев впервые написал о том, что Нестор родился в Белоозере. Как выяснилось, этот мнимый факт биографии Нестора основан на недоразумении, точнее, на неправильном чтении Радзивилловской летописи, где под 6370 (862) г. в рассказе о князе Рюрике и его братьях читается следующий текст: «... седе в Ладозе старей Рюрикъ, а другой сиде у нас на Белеозере, а третий Труворъ въ Изборьске». В. Н. Татищев неправильное чтение Радзивилловской летописи — «сиде у нас на Белеозере» (должно быть — Синеус на Белоозере) — посчитал самохарактеристикой Нестора. Это ошибочное мнение В. Н. Татищева позволило одному из князей Белосельских-Белозерских считать Нестора своим земляком.

Говоря о Патерике необходимо упомянуть еще одно издание XVII в., где впервые появились различного рода домыслы относительно биографии Нестора — Синописис. Патерик и Синописис были самыми популярными книгами у русских читателей XVII–XIX вв., именно благодаря им фантастическая биография Нестора глубоко вошла в сознание нескольких поколений русских людей.

Если сравнить факты его реальной биографии и описываемых им событий, находящихся в Житии Феодосия, с данными летописного текста НІЛМ, то окажется, что не только исчезнут все известные до последнего времени противоречия в произведениях Нестора, но станет очевидным единство взглядов, высказанных им в этих произведениях. Над летописью Нестор первоначально работал в 1076 г., доведя погодное изложение событий до 1075 г. В НІЛМ окончание летописца Нестора не сохранилось (в ней описание событий, точнее, кончины Феодосия, обрывается, это произошло, скорее всего, из-за утраты последнего листа подлинника), окончание сохранилось в Тверской летописи, где читаем: «Въ лѣто 6583 <...> почата бысть дѣлати церкви камена въ Печерскомъ монастыры игуменомъ Стефаномъ деместьеникомъ, на основание Феодосиево». О завершении создания церкви в летописи не указано, а это произошло в 1077 г.

И в летописи, и в Житии Феодосия Нестор обращает особое внимание на события, происходившие в Тмутаракани. Можно предположить, что все тмутараканские известия принадлежат перу одного человека — Нестора. Фактом, подтверждающим существование летописца, составленного Нестором в 1070-е гг., является само существование летописного текста НІЛМ, где после известия 1074 г. мы видим случайные краткие записи событий, что даже позволило А. А. Шахматову предположить утрату текста в этом месте летописи. Летописец, созданный Нестором во второй половине 70-х гг. XI в., был положен в основание всего последующего новгородского летописания и потому сохранился в нем в более «чистом виде», чем в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях.

Известно, что творчество Нестора протекало в 70—80-е гг. XI в., поэтому уместно задать вопрос: а продолжал ли Нестор работу над летописью после создания своего летописца в 1076 г.? Отвечаю на этот вопрос положительно на основе следующих наблюдений: Нестор при написании своего труда в 1076 г. использовал внелетописный источник — Паремийник, этот же источник в виде цитат встречается в летописи до 1094 г., после чего заимствований из него больше нет. Еще А. А. Шахматов проанализировал цитаты из Паремийника и предположил, что все они были сделаны одним

автором. Вполне возможно, что к этому произведению обращались два летописца. Первый летописец, работавший до Нестора, цитировал лишь первые предложения из той или иной паремии, при этом незначительный объем цитат не нарушал целостности летописного рассказа, цитаты вносили только уточнения при характеристике князя или события. Нестор работал с Паремийником несколько иначе: все его цитаты являются составной и в какой-то степени неразрывной частью достаточно обширных по объему отступлений, чаще всего богословского содержания, которыми он завершал летописные статьи того или иного года. Когда же Нестор стал описывать события как очевидец, а такие записи он делал с 70-х до середины 90-х гг. XI в., то он использовал цитаты из Паремийника также в объемных отступлениях, чаще всего в похвалах князьям, создавая при этом литературные портреты «похвальных». Подобно цитатам из Паремийника, известия о событиях, происходивших в Тмутаракани, прослеживаются по 1094 г. включительно.

Представленный в данном учебном пособии вариант биографии Нестора — предварителен, но только на основе восстановленного текста, внесенного Нестором в русскую летопись, можно будет воссоздать в общих чертах его жизненный путь, который будет значительно отличаться, хотя бы в хронологии, от широко распространенного в литературе.

Источники: ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1-2. Л., 1926–1927; ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов — Под ред. и с пред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (репринт 2000 г. как 3 том ПСРЛ); Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. — Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971; Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: начало русской литературы: XI–начало XII века. М., 1978; Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод и комментарии Д. С. Лихачева. СПб., 1996.

Литература. Шлёцер А.-Л. Нестор: русские летописи на древнеславянском языке... Ч. I–III. СПб., 1809–1819; Шахматов А. А. Разыскания о русских древнейших летописных сводах. СПб., 1908; Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938; Приселков М. Д. Нестор-летописец: опыт историко-литературной характеристики. Пб., 1923; Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971; Кузь-

мин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977; Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд. Л., 1983; Данилевский И. Н. Библиизмы Повести временных лет // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. Сб. 3. М., 1992. С. 75–103; Зиборов В. К. О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании. XI в. П., 1995; Романовы и Рюриковичи (о родословной легенде Рюриковичей) // Сб.: Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 47–54.

2. Киевское летописание XII–XIII вв.

Киев оставался главным летописным центром до разгрома этого города войсками татаро-монгол, то есть до 1240 г. Ко времени создания ПВЛ в Киеве сложилось два центра летописания: Киево-Печерский монастырь (1 редакция ПВЛ) и Выдубицкий монастырь (2 и 3 редакции ПВЛ). Эти центры продолжали действовать и на всем протяжении XII–начала XIII в. Следует отметить, что степень изученности истории киевского летописания этого периода менее глубока и обстоятельна, чем история предшествующая. Это определяется состоянием источников, точнее, отсутствием материала для сравнения, так как две летописи, привлекаемые для характеристики киевского летописания — Лаврентьевская и Ипатьевская имеют в какой-то степени единый летописный материал. Прием работы исследователей этого периода летописания — логический анализ материала — несовершенен, так как логические наблюдения и умозаключения делаются на основе неоднозначных и скудных фактов. Правда, без этого приема при анализе летописания XII в. не обойтись, им активно пользовались А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, а в последнее время Б. А. Рыбаков, но результаты подобных наблюдений спорны и несовершенны. Поясню это утверждение на следующем примере: исследователь отмечает, что информация о том или ином князе прослеживается систематически на протяжении, предположим, двух десятилетий и на основе этого наблюдения делает вывод о существовании летописи или лето-

писца этого князя. Внешне наблюдение и основанный на нем вывод убедительны, но доказательной основы они не имеют. Записи о действиях этого князя мог делать не только летописец этого князя, но и представитель другого летописного центра, руководствуясь при этом субъективными мотивами (уроженец земель этого князя, его тезка и т. д.). Но когда нет других возможностей анализа, логический прием остается единственно возможным, хотя применение только этого метода порождает нагромождение бесконечного числа летописных сводов, существование которых не может быть подтверждено какими-либо другими данными. Иногда эти гипотетические этапы летописной работы появляются под пером исследователя в интервале 2—5 лет. Но скорее всего новый летописный свод в одном центре летописания появлялся в интервале 10—20 лет. Хотя этот вывод предварителен и приблизителен, но он больше отвечает реальности. Только в случаях появления нового центра летописания, а они не возникают вне сложившейся традиции, могут создаваться близкие по времени летописные своды, например: первая редакция ПВЛ — Киево-Печерский монастырь, вторая редакция ПВЛ — Выдубицкий монастырь (каждый из этих центров действовал не менее ста лет).

Характеристику киевского летописания XII—XIII вв. дают на основе следующих летописей: Лаврентьевской, Ипатьевской, Переяславля-Суздальского летописца, Воскресенской, основной редакции Софийской первой, Никоновской, а также известий В. Н. Татищева в его «Истории Российской».

В Киево-Печерском монастыре после создания первой редакции ПВЛ ведение летописи на какое-то время приостановилось. По мнению М. Д. Приселкова, только во второй половине XII в., при князе Ростиславе Мстиславиче в монастыре возобновилось ведение летописи: игумен Поликарп (поставлен в 1164 г., умер в 1182 г.) составил княжеский летописец. Деятельности игумена Поликарпа посвящено небольшое исследование Б. А. Рыбакова, который считает, что Поликарп до поступления в монастырь уже составлял летописец князя Святослава Олеговича и продолжил эту работу, став сначала монахом, а потом игуменом монастыря. Указание на ведение Поликарпом летописи исследователи находят в записи 6676 (1168) г., где приведена беседа игумена Поликарпа с великим князем Ростиславом Мстиславичем:

«Отче, княжение и миръ не можетъ безъ грѣха быти. А оуже есмь былъ не мало на свѣтъ сем, а хотѣлъ бых поревновати, я коже и вси правовѣрнии цари пострадаша и прияша изъзмѣдие от Господа Бога своего <...> И тако ему повѣстаницю с Поликарпомъ игуменом, и рече ему игумень: «Аще сего желаеши, княже, да воля Божия да будетъ». Ростиславъ же слышавъ от игумена, положи в сердци своемъ, рекъ ему...» и т. д. (ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 530–531). То, что беседа приведена в летописном тексте, и дало повод исследователям считать Поликарпа автором этого произведения.

Летописец Поликарпа не сохранился в «чистом» виде, он дошел до нас (в пределах статей 1141–1171 гг.) в составе летописного свода 1199 г., составленного игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем. Свод игумена Моисея (некоторые исследователи датируют его 1198 г. или 1199–1200 гг.) представляет собой памятник летописной традиции Выдубицкого монастыря (начатой игуменом Сильвестром в 1116 г.). Одной из задач составления летописного свода 1198 г. было прославление деятельности великого князя Рюрика Ростиславича, поэтому иногда этот памятник называют первым великокняжеским сводом или летописцем князя Рюрика. Великий князь Рюрик принимал самое непосредственное участие в жизни Выдубицкого монастыря. В летописных известиях, начиная с 1173 г. и до 1199 г. сообщаются разнообразные факты из жизни князя Рюрика и его семьи. В 1199 г. завершилось строительство, производившееся по инициативе князя, подпорной стены со стороны осыпающегося берега Днепра Выдубицкого монастыря (строителем был Миронег — Петр). Это событие для монастыря было столь значительным, что по его поводу был устроен 24 сентября праздник, на котором игумен Моисей произнес речь. Эта торжественная речь помещена в Ипатьевской летописи под 1199 г. (некоторыми исследователями она называется кантатой), именно она послужила основой для утверждения, что игумен Моисей был летописцем. Речь игумена Моисея — выдающееся произведение древнерусской литературы. Автор ее — глубокий знаток многих произведений славянской литературы своего времени. Привожу два фрагмента из этой речи. Перевод на русский язык В. В. Колесова. «Дивна днесъ видиста очи наши, мнози бо, преже насъ бывшей, желаше видити, яже мы видихомъ — и не въдѣша и слышати не сподобишася, яже Богъ намъ дарова твоимъ кня-

жением! Не токмо ибо отялъ еси уничижения наша, но и со славою приять ны, поставивъ на пространѣ нозѣ рабѣ твоихъ <...> Утверждающе бо неподвижно нозѣ свои на удобренемъ ти зданьи и очима си любезно смотрящи, отвсюду веселие души привлекаше, и мнятыя яко аера достигаю, а тако любовью отходятъ, похваляюще богомудрество твое...» <...> «Дивное сегодня увидели очи наши; столь многие, прежде нас жившие, желали бы видеть то, что увидели мы, — и не видели, и даже слышать не пришлось им о том, что нам Бог даровал княженьем твоим! Ибо не только не отринул ты ничтожества наши, но и со славой нас принял, по свободной стезе направив рабов твоих... твердо ноги свои поставляя на укрепленной тобою подпоре и очами с весельем взирая, душой насыщаются миром окрест, и кажется им, будто неба достигли, и так, в умиление, уходят, восславляя твое богомысль». (Цит. по кн.: Памятники литературы Древней Руси XII в. М., 1980. С. 408-411.)

Этой речью игумена Моисея заканчивается летописный свод, источниками которого были семейная хроника Ростиславичей, черниговская летопись Игоря Святославича и Переяславля-Южного летопись Владимира Глебовича (оканчивалась 1187 г. некрологом этому князю). М. Д. Приселков, анализируя текст летописного свода игумена Моисея, отметил характерный для него литературный оборот, использовавшийся при упоминании о смерти того или иного князя: «и приложися к отцам, отда обьщий долг, его же несть оубежати всякому роженому» (этот оборот встречается в известиях следующих годов: 1172, 1179, 1180, 1198). Характерная индивидуальная особенность текста может служить аргументом при обосновании существования того или иного летописного свода, так как она встречается в пределах работы одного летописца.

По мнению Б. А. Рыбакова в Киеве в 80-е гг. XII в. одновременно работали четыре (!) летописца, среди них он особо выделяет киевского боярина Петра Бориславича, работавшего над летописью в 40—90 гг. XII в. Деятельность Петра Бориславича примечательна еще и тем, что он, по мнению Б. А. Рыбакова, был автором «Слова о полку Игореве».

Ведение летописей в Киеве прекратилось в связи с нашествием татаро-монгол, точно указать время окончания летописного дела трудно, предположительно это произошло в 1238 г., так, по крайней мере, считал М. Д. Приселков.

Источники. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1998; ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998; ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989; ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995.

Литература: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996; *Рыбаков Б. А.* Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; *Шахматов А. А.* Киевский летописный свод XII века // А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947; Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI в. М.; Л., 1938; *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

Глава вторая

Новгородское и Псковское летописания

1. Новгородское летописание XI–XVIII вв.

Новгородское летописание представляет собой уникальное явление в истории русского летописания в целом. Погодные записи в Новгороде начали вести, как и в Киеве, почти одновременно, в середине XI в. и составление летописей в этом центре политической и культурной жизни нашей страны не прекращалось до XVIII в. Новгород был самым стабильным и самым значительным из всех существовавших центров русского летописания. Непрерываемая 700-летняя летописная традиция способствовала формированию в Новгороде своей литературной школы, представленной мощным пластом оригинальных литературных произведений. Питающей основой культурного развития Новгорода и его земель было широкое распространение грамотности во всех слоях средневекового общества, о чем говорят сотни берестяных грамот, находки которых продолжают ежегодно. Занимая особое место в политической и экономической жизни Руси, как древнерусского, так и более позднего периода, Новгород в силу различных обстоятельств стал центром, куда стекались все богатства русской письменной культуры. Например, самые значительные и старейшие летописи (Лаврентьевская, Ипатьевская, не говоря уже о Новгородской Синодальной), находились в Новгороде. С этим городом так или иначе были связаны почти все древнерусские рукописи XI в. и позднейших веков. Свое значение

интеллектуального центра России Новгород сохранил даже после потери своей независимости. Многие памятники нашей письменной культуры появились именно здесь: Библия на русском языке при архиепископе Геннадии в 1499 г., грандиозные по своему объему Великие Четьи-минеи при архиепископе Макарии в 30-е гг. XVI в., куда вошли все памятники, созданные русской письменностью за весь предыдущий период. Только мощной культурной традицией можно объяснить всплеск летописной работы в Новгороде во второй половине XVII в., то есть в тот период, когда город уже полностью потерял свое ведущее значение в жизни государства.

Даже немногочисленные ереси средневековой Руси, основой которых было утверждение права на индивидуальное прочтение богословских книг и участие в решении богословских вопросов всех христиан, появились в Новгороде и близком ему по духу и культуре Пскове (у этих городов был единый иерарх — архиепископ Новгородский).

Летописные памятники Новгорода и Новгородской земли сохранили ранние летописные своды XI в., предшествовавшие ПВЛ, например, в Новгородской первой летописи младшего извода до нас дошел летописный свод 70-х гг. XI в., а в Устюжской летописи — самый ранний из известных нам летописных сводов.

При всей очевидной значимости Новгородского летописания дать ему общую характеристику довольно трудно, так как в исследовательской литературе отсутствует монография, где бы была дана подробная характеристика. Да и в целом изученность истории Новгородского летописания неглубока. Например, известный по заголовкам некоторых летописей «Софийский временник», датируется с огромным хронологическим разбросом — от XII в. (Д. С. Лихачев считал, что летописный свод 1136 г. был назван «Софийским временником») до XV в. (по А. А. Шахматову одноименный памятник **был** составлен в 1421 г. или 1434 г.). И. П. Сенигов относил составление этого текста к XIII в.

Все исследователи отмечают одну особенность Новгородского летописания — его язык, простой и близкий к разговорному, поскольку летописи здесь велись не монахами, а представителями белого духовенства (поп, пономарь), чья жизнь протекала в среде народной языковой стихии.

Как и другие русские летописи, новгородские сохранили в своем составе различные внелетописные произведения, например, только в тексте Новгородской первой летописи младшего извода до нас дошел самый ранний законодательный памятник Древней Руси, точнее, его древнейшая редакция, Правда Русская. В новгородских летописях находится подробнейший рассказ о взятии крестоносцами Константинополя в 1204 г. Написанный новгородцем, он во многом дополняет описание этого события в западноевропейских хрониках.

Новгородское летописание представлено большим количеством памятников и списков, поэтому издатели первых томов ПСРЛ пронумеровали новгородские летописи по мере их публикации (от 1 до 5, нумерация при этом была условна). Подобная нумерация не всегда соответствует месту летописи в истории новгородского летописания, например, если по отношению к первой новгородской летописи такая нумерация справедлива, то вторая и третья летописи являются поздними, по крайней мере, по отношению к четвертой. Всего было пронумеровано пять летописей (шестая была только заявлена). Учитывая несовершенство подобной систематизации, позднее новгородским летописям стали давать индивидуальные названия. Например, название Новгородская Карамзинская летопись, как и названия большинства других русских летописей, субъективно и дано произвольно на основе различных признаков и обстоятельств: в данном случае летопись названа по фамилии историографа Н. М. Карамзина, так как он пользовался этим текстом при написании своей «Истории государства Российского».

Историю новгородского летописания можно условно разделить на три периода: 1) XI–XIV вв., 2) конец XIV–70-е гг. XV в., 3) XVI–XVIII вв.

Новгородское летописание XI–XIV вв. Первый период представлен двумя новгородскими летописями: Новгородская первая летопись старшего извода (далее — Н1ЛС) и Новгородская первая летопись младшего извода (далее — Н1ЛМ). Н1ЛС — дошла до нас в рукописи середины XIV в. и является самой древней из известных нам русских летописей. Кроме основного названия, указанного выше, у нее есть еще два: Новгородская Синодальная и Новгородская Харатейная.

БѢШЕ БѢ ДАВУТАТИН. И ПОЧЕ И ДА
 ЛАСЬ ИМЯ. 4
 ВѢЛѢ 2. Ф. 16. ПОБѢДИША ВЪ СЕЛѢ
 НА НЕШНУХЪ. ТЕМЪ ЖЕ СЛѢШАША
 НАШН.
 ВѢЛѢ 2. Ф. 02. ГИТѢ ВЪ БѢНИГЪ.
 ПРИДОША ПОЛОВЦИ. И ПОБѢДИША РО
 ССКОУЮ ЗЕМЛЮ. ВЪ ТО ЛѢ ВЪ
 СѢКОША КЪ ГИТѢ. ВЪ СЕЛѢ. НЕ ПОРѢ.
 ПОШЕ ЛѢ. ПОБѢДИША ПОЛОВЦЕ.
 ОУСНАВСКА. АНЪ СЛАВѢ БѢША.
 ВѢЛѢ 2. Ф. 03. ПРИДЕНЪ СЛАВЪ
 ВЪ СЛАВЪ. ЛѢ СЛА. БѢ МАПОЛО
 ТЬ СКОУ. И ПО ГОРЕ ПОДОЛНѢ.
 ВЪ ТО ЛѢ. ОСЕНЬ. МЦА ОКТѢ.
 КЪ КР. НА СѢГО. МѢ СЛА. РА.
 ГНА. ВЪ ПАТНИ. ВЪ УА.
 2 ДНИ. А ПѢТѢ ПРИДѢ СЕ

Новгородская Харатейная летопись.
 Рукопись XIV в. Л. 7. Известия 6575–6577 гг.
 Древнейшая русская летопись.

Кроме Новгородской Харатейной известны только две летописи, написанные на пергамене — Лаврентьевская и Троицкая (последняя сгорела в московском пожаре 1812 г.). Н1ЛС представлена единственным списком — ГИМ, Синод. собр., № 786 (летопись неоднократно издавалась, в том числе и фототипическим способом). Рукопись размером в 4 долю листа, имеет 169 листов, первоначально состояла из 37 тетрадей по 8 листов каждая, судя по сохранившейся нумерации тетрадей, предположительно проставленной в XV в., 6 первых тетрадей утрачены. Из-за утраты начальных листов описание событий в летописи начинается с 6524 (1016) г. с полуфразы: «...а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити», сказанной новгородцам, выступившим на стороне Ярослава Мудрого в борьбе со Святополком Окаянным. Некоторые исследователи считают, что первая часть рукописи (л. 1—118 об.) написана в XIII в. двумя почерками, а вторая (л. 119—166 об.) одним почерком в первой половине XIV в. (на л. 167 об.—169 приписки разными почерками середины XIV в.). Переплет поздний — картон в коричневой коже, на крышке тиснение золотом — «Летописец новгородский № 67». Рукопись написана уставом, заглавные буквы написаны кинноварью. В середине рукописи есть утрата одной тетради, поэтому изложение событий 6780 (1272) г. частично — 6807 (1299) г. отсутствует. Погодное изложение событий доведено до 6841 (1333) г., после чего следуют приписки под 6845 (1337) г., 6853 (1345) г., 6860 (1352) г.

Н1ЛМ известна в четырех списках: 1) БАН, 17.8.36., XV в., Академический список, 2) ФИРИ РАН, собр. Археогр. Ком., № 240, XV в., Комиссионный список, 3) РНБ, Р IV № 223, XVIII в., Толстовский список, 4) БАН, 31.7.31., XIX в., Воронцовский список.

Сопоставление и анализ текстов Н1ЛС и Н1ЛМ позволили исследователям восстановить следующую картину истории новгородского летописания этого периода.

Самый ранний новгородский летописный свод был составлен в 50-е гг. XI в., но наиболее активное ведение летописей началось с XII в. Отмечено несколько центров, где в Новгороде создавались летописи. Считается, что основным центром ведения летописей был двор архиепископа новгородского, поэтому его иногда называют *владычным* летописанием. Высказывалось предположение, что на раннем эта-

ис, а именно в XII в., были попытки ведения княжеского летописания, по крайней мере, это утверждал один из исследователей новгородского летописания Е. Ю. Перфецкий. Он указывал на следы этого текста, отразившегося в летописных сводах южной и северо-восточной Руси. Еще одним центром была церковь святого Иакова, о чем мы узнаем из разнообразных указаний самих летописцев, работавших при пом храме в XII–XIII вв. Исследователи отмечали Юрьевский монастырь, где также, по их мнению, составлялись летописи. Например, И. М. Троицкий считал, что в этом монастыре велось летописание с XII в. по XIV в.

Согласно Д. С. Лихачеву, основным летописным сводом XII в. был свод 1136 г., отразившийся в обеих новгородских летописях. Он возник в связи с политическими событиями, происходившими в это время в Новгороде, а именно с установлением «нового республиканского правления». Свод 1136 г. составлен при архиепископе Нифонте доместиком Антонием Кириком (этот свод называется в литературе по-разному: владычим, Нифонта, Кирика, 1136 г.). При обосновании существования летописного свода 1136 г. и участии в его составлении Кирика исследователи обратили внимание на сходство хронологических записей в НЛС под 6644 (1136) г. и 6645 (1137) г. с текстом «Учения им же ведати человеку числа всех лет», принадлежащего перу Кирика Новгородца. В НЛС под 6644 (1136) г. читаем: «Индикта лѣта 14, новгородьци призваша плъсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всъволода, и всъсадиша въ епископлъ дворъ, съ женою и съ дѣтьми и съ тышею, мѣсяца мая въ 28... Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Цернигова, от брата Всеволодка, мѣсяца июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на сборъ святыя Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небеснѣи въ 19 день... Въ лѣто 6645. Настанущю въ 7 марта, индикта лѣту 15, бѣжя Костянтинъ посадникъ къ всеволоду...» (Цит. по: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 г. С. 24). Стоит обратить внимание на характерное для новгородцев «цоконье» — «Ольговиц ис Цернигова». Развернутая хронологическая датировка с упоминанием календ, индикта, круга луны в сопоставлении с подобными же данными в трактате Кирика, написанного им в 1136 г., позволило высказать предположение об участии Кирика в составлении одной из новгородских летописей. В своем

трактате «Учение им же ведати человеку числа всех лет» Кирик показал виртуозное умение делать различные хронологические и математические вычисления (и это при том, что обозначение цифр в Древней Руси было буквенным). Например, он подсчитал количество прожитых им часов к моменту составления данного трактата: «Да будет известно, что это исчисление написано в 6644 г. от Адама... Писал же в Великом Новгороде я, грешный монах Антонова (монастыря) Кирик дьякон, domestik церкви святой Богородицы при греческом царе Иоанне и при князе Святославе, сыне Олега в первый год его княжения, в Новгороде, а от роду в тридцатый (да продлит Господь ему года). И еще при архиепископе Новгородском боголюбивом Нифонте. А от рождения моего до настоящего времени 26 лет, а месяцев 312, а недель 1354, а дней 9500 без 3 дней (то есть 9497), а часов 113960 и столько же ночных» (Цит. по: Симонов Р. А. Кирик новгородец — ученый XII века. М., 1980. С. 101).

Новгородский летописец — Герман Воята, священник при церкви святого Иакова представляет другой центр летописания XII в. Об участии Германа Вояты в новгородском летописании узнаем из сопоставления известий двух статей 6652 (1144) г. и 6696 (1188) г., где речь идет об одном и том же новгородце (на это впервые обратил внимание исследователь XIX в. Д. И. Прозоровский). В НІЛС под 6652 (1144) г. читаем: «В то же лѣтъ постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ» (М., 1950. С. 27). В этом сообщении один из летописцев (запись сделана от первого лица) обнаружил свое участие в новгородском летописании, не указав при этом ни своего имени, ни места ведения летописи. Под 6696 (1188) г. в той же НІЛС читаем: «Томъ же лѣтъ переставися рабъ Божии Германъ, иереи святого Якова, зовемыи Воята, служивъшю ему у святого Иакова полъпятадьсятъ лѣтъ (45—В. 3.) въ кротости и сѣмрении и богобоязньствѣ: поя съ собою Пльскову архепископъ Гаврила, и дошдь Пльскова разболеся, и постриже и владыка и въ скиму, и преставися мѣсяця октября въ 13, на святую мученику Карпа и Папула, и положиша и у святого Спаса въ монастыри. Покои, Господи, душу раба твоего Германа, отпусти ему вся прегрешения вольная и невольная» (М., 1950. С. 39). Подробнейшая запись о смерти простого священника из окружения архиепископа обратила на себя внимание исследователей, а когда они от

ода записи — 1188 г. вычли 45 лет, то с учетом месяцев вышли им запись 1144 г., где один из летописцев обнаружил свою работу над летописью. Так в историю новгородского летописания было вписано имя Германа Вояты и выявлен центр летописания — церковь святого Иакова. По последним данным церковь святого Иакова находилась в Людском конце Новгорода на Добрыне улице. Исследователи, анализируя текст за 40–80-е гг. XII, то есть за период, когда Герман Воята работал над летописью, отметили особенности его манеры письма: часто рассказ он ведет от первого лица, представляя в своих записях городского обывателя, интересующегося слухами, происшествиями, погодой, ценами на «рова и сено.

В последнее время было высказано предположение (Л. А. Гиппиус) о том, что при церкви св. Иякова, по крайней мере, при Германе Вояте, составлялась новгородская владычня летопись, то есть церковь не была самостоятельным отдельным центром летописания в Новгороде. При этом уточняется время работы Германа Вояты над летописью: очень 1167–лето 1170 г. (возможно это был 1168 г., где указан индикт года ~ В. 3.). Следующий этап составления владычной летописи относится к 1199 г.

При церкви святого Иакова летопись продолжала вестись и в XIII в., в ней принимал участие пономарь Тимофей. О времени работы Тимофея в литературе высказывалось несколько точек зрения: одни называют его непосредственным преемником Германа Вояты (конец XII в.), другие считают составителем новгородского свода начала XIII в., третьи относят его работу к концу XIII в. Независимо от решения вопроса о времени работы пономаря Тимофея, его участие в ведении летописи бесспорно. Об этом он косвенно говорит в летописной статье 6738 (1230) г. НЛС в рассказе о смерти игумена Юрьевского монастыря Саввы, прося у него молитв за себя и за всех христиан («даи Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимофѣю понамана-рю»). Этого пономаря Тимофея считают одним и тем же лицом с Тимофеем, переписавшим Лобковский пролог в 1262 г. или в 1282 г. («написахъ книги сия роукою моею грѣшною азъ, грѣшны Тимофѣи, понамарь святого Якова» — Цит. по кн.: Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 299). При прочтении

приведенного летописного текста под 6738 (1230) г. естественно возникает мысль об участии Тимофея в составлении летописной статьи этого года. Но это будет поспешное предположение, так как в тексте НІЛМ под этим же годом при описании смерти игумена Саввы о молитве последнего просит не Тимофей, а поп Иоанн («Иоанну попови»). Если работу пономаря Тимофея в соответствии с датировкой Лобковского пролога отнести ко второй половине XIII в., то получается, что поп Иоанн был его предшественником и именно ему принадлежит первоначальная запись о смерти игумена Саввы под 1230 г. Таким образом, в XIII в. в Новгороде работали, по крайней мере, два летописца, и оба, как и их предшественник Герман Воята, были представителями белого духовенства. Последнее обстоятельство является характерной особенностью новгородского летописания — там, как правило, летопись велась представителями белого духовенства, а в Киеве этим занимались, в основном, монахи.

Вопрос об идентичности Тимофея, упомянутого в летописи, и Тимофея пономаря — переписчика Лобковского пролога, остается до конца нерешенным. Но независимо от этого роль духовенства церкви святого Иакова в истории новгородского летописания очевидна.

В XIII в. в новгородском летописании выявлено два летописных свода — начала XIII в. и второй половины этого века.

В составе НІЛС под 1204 г. читается текст Повести о взятии Царьграда. Автор Повести, находясь в Константинополе, был очевидцем взятия крестоносцами столицы Византийской империи. Его позиция по отношению к враждующим сторонам нейтральна, он точен в описаниях, хорошо знает топографию столицы, язык повествования прост и выразителен. Степень участия автора этой Повести в новгородском летописании не определена: остается неясным, написана ли эта Повесть специально для летописи или ее включили в нее позднее как один из дополнительных источников.

О сложном взаимоотношении текстов двух старейших новгородских летописей при очевидном первенстве НІЛС говорит следующее наблюдение: в тексте НІЛС отмечены три фрагмента (под 1198 г., 1238 г., 1268 г.), явно заимствованных из начальной части НІЛМ. Эти заимствования предположительно можно отнести к творчеству одного летописца и, таким образом, выйти на летописный свод, составленный в

Новгороде около 1268 г. (после этого года заимствований нет), и это соответствует времени деятельности Тимофея пономаря, переписчика Лобковского пролога.

При сопоставлении текстов Н1ЛС и Н1ЛМ отмечено, что они имеют явное сходство до 1330 г., что позволяет предположить существование летописного свода 30-х гг. XIV в.

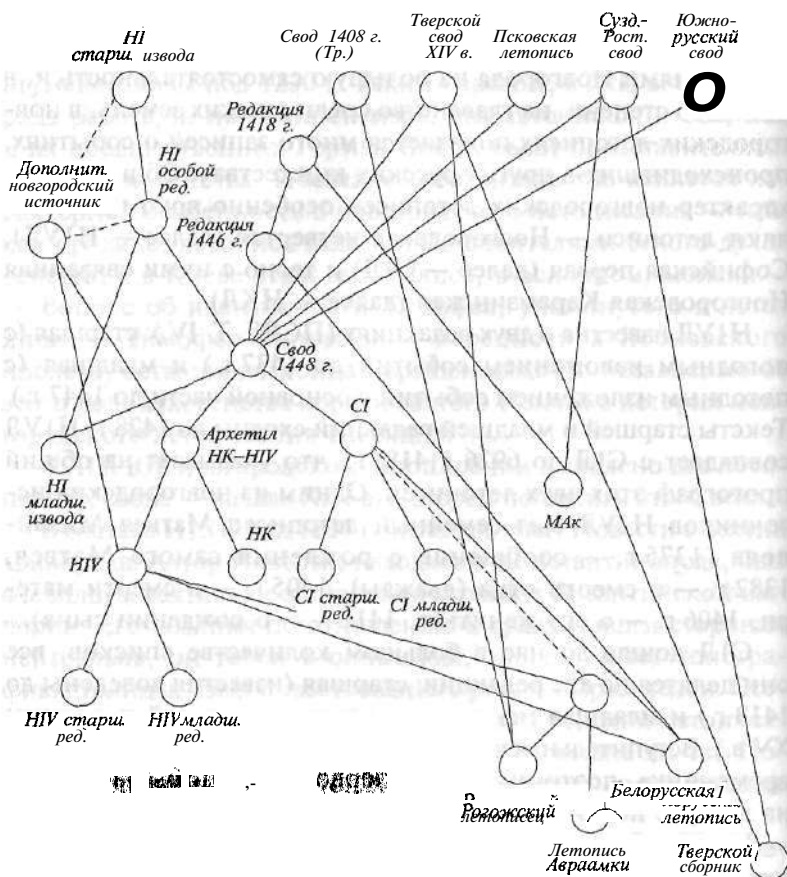
Новгородское летописание конца XIV—70-х гг. XV в. Характер новгородского летописания в этот период меняется. Если в предыдущий в летописях уделялось внимание, в основном, событиям чисто новгородским, то теперь, в связи с претензиями Новгорода на большую самостоятельность и, в какой-то степени, на главенство среди русских земель, в новгородских летописях появляется много записей о событиях, происходивших в других русских княжествах. Общерусский характер новгородских летописей особенно ярко представляют летописи — Новгородская четвертая (далее — Н1УЛ), Софийская первая (далее — С1Л) и тесно с ними связанная Новгородская Карамзинская (далее — НКЛ).

Н1УЛ известна в двух редакциях (ПСРЛ. Т. IV.): старшая (с погодным изложением событий до 1437 г.) и младшая (с погодным изложением событий в основной части до 1447 г.). Тексты старшей и младшей редакций сходны до 1428 г. Н1УЛ совпадает с С1Л до 6926 (1418) г., что указывает на общий протограф этих двух летописей. Одним из новгородских источников Н1УЛ был семейный летописец Матвея Михайлова (1375 г. — сообщение о рождении самого Матвея, 1382 г. — о смерти отца (дважды), 1405 г. — о смерти матери, 1406 г. — о его женитьбе, 1411 г. — о рождении сына).

С1Л дошла до нас в большом количестве списков, все они делятся на две редакции: старшая (известия доведены до 1418 г.) и младшая (известия доведены до второй половины XV в.). Вступительная часть С1Л имеет заголовок «Софийский временник», поэтому летопись первоначально была известна в науке под этим названием.

Н1УЛ и С1Л в своем изложении объединяют описания новгородских и общерусских событий. Одной из особенностей С1Л является наличие в ее тексте большого количества разных повестей и других литературных памятников, например: Повесть о битве на Калке, Повесть о взятии Царьграда, Повесть о житии князя Александра Невского, Житие Михаила Тверского, Послание новгородского архиепископа Василия о рае и т. д.

Схема происхождения Софийской I и
Новгородской IV летописей
по Я. С. Лурье*

В тексте С1Л младшей редакции, в отличие от С1Л старшей редакции, явно присутствует промосковская или антиновгородская редактурa летописного текста, например, в ней осуждаются новгородские вольности, а поход на Новгород 6979 (1471) г. имеет следующий заголовок — «Словеса избранна от святых писаний... о гордости величавых мужей новгородских».

НКЛ дошла до нас в единственном списке — РНБ, Р. IV. 603. Текст НКЛ состоит из двух частей или летописей: в первой описание событий охватывает 6497 (989) — 6919 (1411) гг., во второй 6496 (988) — 6936 (1428) гг. Оригинальность текста НКЛ заключается в том, что при объединении ее двух отдельных частей получается текст Н1УЛ. В литературе продолжается спор о том, являются ли части НКЛ самостоятельными памятниками (Г. М. Прохоров) или они получились в результате механической выборки из текста Н1УЛ (А. А. Шахматов, Я. С. Лурье). От решения этого вопроса во многом зависит характеристика истории новгородского летописания первой половины XV в., это тем более очевидно, что первая часть НКЛ была источником С1Л. Значение НКЛ для восстановления истории текста Н1УЛ и С1Л велико, но при этом НКЛ остается неопубликованной. Несколько статей находятся только в НКЛ, например; грамоты константинопольского патриарха Антония в Новгород (1390 г. и 1394 г.).

На основе анализа текстов Н1УЛ, С1Л и НКЛ, а также текстов других летописей восстанавливается история новгородского и отчасти общерусского летописаний конца XIV — середины XV в. Считается, что узловым этапом в истории летописания этого периода был летописный свод 1448 г. (см. о нем в разделе о московском летописании). Этот свод отразился как в НУЛ, так и в С1Л. Другие этапы новгородского летописания были уже намечены при описании летописей: летописный свод 1418 г. (до этого года тексты Н1УЛ и С1Л совпадают, кроме того, списки С1Л старшей редакции оканчиваются этой датой), летописный свод 1428 г. (до этого года тексты старшей и младшей редакций Н1УЛ сходны).

В XV в., как и в предыдущие века, инициаторами создания летописей в Новгороде являлись архиепископы. В это время на архиепископской кафедре находились два Евфимия: Евфимий I (Емельян) Брадатый (1423—1428 гг.) и Евфимий II (1428—1458 гг.). Именно при них наиболее интенсивно создавались летописи в Новгороде. Следует напомнить, что Н1ЛМ

также писалась в 40-х гг. XV в. Таким образом, почти все наиболее важные новгородские летописи создавались в период правления архиепископа Евфимия II, страстного поборника независимости Новгородской боярской республики.

Подробности создания новгородских летописей мало известны. Кроме наличия нескольких летописных сводов мы знаем о существовании нескольких центров ведения летописей. К уже упоминавшемуся владычному летописанию можно добавить монастырское летописание. Например, какая-то летопись создавалась в Лисицком монастыре, упоминание об этом находится в известиях 1450 г. и 1572 г. в Новгородской второй летописи: «В лѣто 6958. Написа бысть сия книга лѣтописецъ во обители пречистеи Рожества на Лисьи гори повелением раба божия дьякона инока Геронтия в полдестъ, держанъ»; «В лѣто 7000 восьмьдесаѳа. Мѣсяца февраль въ 5, вторник, а служиль того дни в манастири на Лисьи горѣ обидню и смотрил в манастири книги литопистца церковнаго, а сказывал, что литописецъ Лѣсицкой добри сполна, ажо не сполна развие написано в лѣтописцѣ в Лѣсуцкомѣ владыкы Навгороцкыя, не вси сполна, писаны развие до владыкы Еуфимия Навгороцкого. А смотриль въ кельи у старца у келаря у Дионисия» (ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 194, 195).

Дошедший до нас летописный материал позволяет отметить частную инициативу при создании летописей, к упоминавшемуся выше Матвею Михайлову (НІУЛ) можно добавить еще и Анастасию Михайлову, известия о семье которой находятся в летописце епископа Павла (под 6931 г.). Имеет ли отношение к Матвею Михайлову Анастасия Михайлова, или они были просто однофамильцами, сказать трудно, но сходство фамилий двух лиц, имевших отношение к составлению новгородских летописей примерно в одно и то же время, вероятно, вполне не случайно.

После бурного взлета новгородского летописания в 40—70-е гг. (этим временем датируются почти все основные летописи Новгорода и несколько летописных сводов) в связи с общеизвестными политическими событиями наступает определенный спад, длившийся около 40 лет. В начале XVI в. в Новгороде возобновляется ведение летописей, но это уже не летописание одного из лидеров политической жизни Российского государства, а летописание, где главными событиями истории являются только события Новгорода. Удар,

нанесенный Новгородской боярской республике, был сильным, но он не смог поколебать многовековую традицию новгородской письменной культуры. Ни потеря вечего колокола и институтов самоуправления, ни вывод из города представителей самых сильных новгородских фамилий (что осуществлялось неоднократно, а на их место ввозились семьи из московских земель) не отразились на авторитете Новгорода как интеллектуального центра России.

Новгородские летописи могут служить наглядным примером того, как после насильственного присоединения той или другой земли москвичи поступали с письменным наследием этих земель. Прежде всего, все основные новгородские летописи были вывезены в Москву, а там, судя по рукописи древнейшей русской и в то же время новгородской летописи (Н1ЛС) была произведена тенденциозная идеологическая правка: текст, написанный на пергамене варварски выскребался, а на его место вписывался совершенно противоположный по смыслу текст. Например, под 6746 (1238) г. при описании нашествия татар на Рязанскую землю читается следующее предложение: «Москвичи же ничегоже не видѣвше». Смысл предложения понятен, но в контексте всего рассказа он не очень вразумителен. Неясность станет понятной, если обратиться к комментарию издателя Н1ЛС: «Между словами *москвичи же* и *ничегоже* оставлено чистое место, около половины строки, причем лист протерт; возможно, первоначально было написано какое-то слово и выскоблено. В КАТ (списки Н1ЛМ — В. 3.) после *москвичи же* написано *побѣгоша*» (Изд. 1950 г. С. 75). В Н1ЛМ сохранился первоначальный текст этого темного чтения: «Москвици же побѣгоша, ничегоже не видѣвше» (Изд. 1950 г. С. 287). Московский редактор, вооруженный скребком, посчитал зазорным для москвичей подобную информацию и слегка подправил ее. Таких примеров московской правки в тексте Н1ЛС несколько. Приведу еще один, под 6840 (1332) г. в харатейной летописи читаем: «Того же лѣта великий князь Иванъ приде изъ Орды и възверже гнѣвъ на Новѣгородъ, прося у нихъ серебра закамьского, и в томъ взя Торжекъ и Бѣжичьскый верхъ за новгородскую измѣну». К последним словам текста издатель летописи сделал следующее примечание: «Слова *за новгородскую измѣну* написаны иными чернилами и почерком по выскобленному» (Изд. 1950 г. С. 99). А что же первоначально

было написано в НІЛС? В НІЛМ, где этот текст сохранился, читаем: «Того же лѣта великѣи князь Иванъ прииде из Орды и възверже гнѣвъ на Новѣград, прося у них серебра закамѣское, и въ томъ взя Торжокъ и Бѣжичькѣи верхъ чересь крестное цѣлование» (Изд. 1950 г. С. 344). Как видим, смысл совершенно противоположный.

Текст рукописи НІЛС являет нам редчайший пример того, как поступали москвичи с наследием присоединенных земель. В случаях с летописями Твери, Рязани и других центров летописания происходило подобное же, но об этом можно только предполагать, так как подлинных летописей этих центров не сохранилось, все они были после значительной редакторской обработки вписаны в тексты многочисленных московских летописей конца XV—середины XVI в.

Летописание XVI—XVIII вв. После присоединения Новгорода к Москве центром ведения летописей в Новгороде продолжал оставаться двор архиепископа. От XVI в. сохранились следующие летописи: Новгородская вторая, Новгородская Дубровского, Новгородская пятая. В Новгородской летописи Дубровского отразился летописный свод 1539 г., составленный при архиепископе Макарии (будущий митрополит Московский), этот же свод представлен и в летописи Архивской (во второй ее части). При сравнении летописи Дубровского с Новгородской Уваровской летописью (памятник XVII в.) выявляется еще один более ранний новгородский свод — 1505 г. (до этого года тексты летописей схожи). История текста Новгородской летописи Дубровского показательна: основным источником ее были НІУЛ и какая-то великокняжеская общерусская летопись, то есть в ней объединились новгородские и московские летописи. Одним из оригинальных известий Новгородской летописи Дубровского является не новгородское, а московское с описанием смерти великого князя Василия III (летописный свод 1539 г., этим же годом датируется еще один новгородский свод, находящийся в так называемой Ростовской летописи).

В Новгородской второй летописи изложение событий доведено до 1572 г., наиболее интересными являются известия 1568–1572 гг. с описанием периода опричнины в Новгороде. Много внимания уделяет новгородский летописец и различным происшествиям, очевидцем которых он был: «В лѣто 7000 восьмьдесаѣтаго... Да того же лѣта царь православной многихъ

с своих дътей боярских метал в Волхову реку с каменiem, Гопиль... Да того же мѣсяца августа в 15 в пятницу царь праславной былъ у Софii премудрости божии, слушалъ обидно и с царевичи, да какъ учали звонити въ другыи обидню, и и тѣ же поры на колоколници звонецъ звонилъ в колоколъ в проскурницѣйкой, Семеномъ зовутъ, и у колокола веревка порвалась и звонецъ свалился с колоколници на землю, да у него разразило половину головы, да и ногу ливую скорчило. И в 1 г. же поры смятенье велико стало, люди от колоколници прочь побѣжали. И звонца причастилъ ключарь Софеиской священникъ Иванъ, и Семенъ преставился того же мѣсяца въ 20 день в среду» (ПСРЛ. Т. 30. Новгородская вторая летопись. М., 1965. С. 194).

Исследователи предполагают, что в XVI в. летописи стали нести въ многихъ монастыряхъ и въ церквахъ Новгорода; вниманiе въ нихъ уделялось местной исторii, наивысшего же подъема процессъ летописанiя достигъ въ XVII в.

В XVI в. была создана первоначальная редакция Краткаго летописца новгородскихъ владыкъ, гдѣ сообщались известiя обо всехъ архиепископахъ Новгорода. Наибольшее распространение этотъ летописецъ также получилъ въ XVII в., ставъ однимъ изъ дополнительныхъ источниковъ позднихъ новгородскихъ летописей.

В 1630 г. въ Новгородѣ создается Новгородско-Псковская летопись, сохранился ея оригиналъ — РНБ, Софiйское собрание, № 1379. По филигранямъ рукопись датируется 30-и гг. XVII в. Источниками ея были Новгородская пятая летопись, Краткiй летописецъ новгородскихъ владыкъ, Псковская первая летопись, тексты которыхъ были дополнены другими общерусскими и новгородскими известiями, среди нихъ большое мѣсто занимаютъ сведенiя о строителствѣ храмовъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ.

Во второй половинѣ XVII в. новгородское летописанiе переживаетъ бурный ростъ начиная съ 60-хъ гг., въ интервалѣ 10—20 летъ создаются новые памятники летописанiя, очень значительные по своимъ объемамъ. Количество списковъ этихъ памятниковъ (болѣе 70), ихъ объемъ (например, Забелинская летопись представляетъ собой рукопись т. folio 500 л.), интенсивность ихъ созданiя выделяютъ послѣднiй периодъ новгородскаго летописанiя даже на фонѣ всей предыдущей его исторii. Можно сказать, что исторiя уникальнаго новгородскаго летописанiя завершается мощнымъ аккордомъ. Гран-

писца 7182 о начале древнего словенского народа и о наречии или прозвищи его». Основным источником Забелинской была Корнильевская летопись, дополненная псковской летописью, Новым летописцем, Синописом и др. источниками. При составлении Забелинской летописи использовалась какая-то харатейная летопись приблизительно XIII в. В Забелинской летописи наблюдается одна особенность — критическое отношение к своим источникам. Один из списков Забелинской летописи (полной редакции) в XVIII в. принадлежал М. В. Ломоносову, оставившему на ее листах свои пометы (БАН. Текущие поступления, № 1342. Рукопись начала 1720-х гг.). •

Новгородская Погодинская летопись (30 списков) представляет собой памятник новгородского летописания XVIII в. Изложение событий в одном из списков доведено до 1716 г., а в других даже до начала XIX в. Заголовок летописи следующий: «Начало Великаго Новаграда и всего славенороссийского народа, откуда начася и како доныне славою пресветлою сияют», В основу Погодинской была положена Забелинская летопись, дополненная Казанской историей и дополнительными новгородскими источниками (эпиграфика, летописцы церкви).

В XVII в. новгородские летописи традиционно составлялись в окружении или по инициативе новгородских владык, бывшими в это время уже митрополитами (Иоаким, Корнилий, Иов), происходило это, скорее всего, при Софийском соборе. Другими центрами летописания в Новгороде были монастыри (Зеленецкий, Антониев, Лисицкий) и церкви (апостола Андрея на Щитной улице, Николо-Дворищенский собор, Двенадцати апостолов, Димитрия Солунского, Никиты, Черносырской пустыни).

Имен летописцев, работавших в Новгороде в XVII в., известно мало. Среди них можно отметить суздальского сына боярского И. Н. Кичигина (вторая половина XVII в.)- Он при составлении своей обширной исторической компиляции использовал новгородские летописи, которые лично просматривал и делал из них выписки: «Списываю в Новгороде, в Лисе монастыре, влета 7187 году, месяца октоврия, в 28 день, суздальской архиепископлъ сын боярской Иван Кичигин своими многогрешными руками». Коренными новгородцами, прямо или косвенно связанными с ведением летописи, были отец Никифор Васильев (его подпись стоит под Соборным

учожением 1649 г.) и сын его Максим Клеткин (Клетка, Клитка). Они были известными библиофилами и книготорговцами. Подлинник Корнильевской летописи одно время находился в библиотеке Максима Клеткина, который в 1689 г. передал его в один из новгородских монастырей. Над текстом Корнильевской летописи наиболее активно работали до того, как она оказалась в монастыре, поэтому вполне вероятно, что одним из летописцев был Максим Клеткин.

Поздние новгородские летописи, а последняя из них была составлена в XVIII в., убедительно показывают, что история русского летописания не прекратилась в середине XVI в., как предполагали раньше, а продолжалась в XVII в. и даже в XVIII в.

Издания: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950; Новгородская Харатейная летопись. М., 1964; ПСРЛ. Т. 30 М., 1965. С. 147–205 (Новгородская вторая летопись); Новгородские летописи. СПб., 1879 (Новгородская третья летопись); ПСРЛ. Т. 4. Пг.; Л., 1915–1925 (Новгородская четвертая летопись); ПСРЛ. Т. 39. Софийская первая летопись по списку П. Н. Царского. М., 1994; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000; Яковлев В. В. Новгородско-Псковская летопись 1630 г. // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 4. СПб, 2001. С. 386–467.

Литература: Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874; Сенигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода: Исследование. СПб., 1885. Историко-критическое исследование о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева. М., 1887; Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976; Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 199–218; Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, Р. IV. 603 и проблема общерусского летописания // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 165–198; Азбелев С. Я. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960; Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 153–181; Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 139–143; Яковлев В. В. Новгородское летописание XVII века. Автореф. СПб., 1997; Статьи в Словаре книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993; Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник 6(16). СПб, 1997. С. 3–72; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.

2. Псковское летописание

Начало ведения летописей в Пскове некоторые исследователи относят к XII в., а другие к XIII в. Процесс летописания развивался в двух центрах и закончился в XVII в. На первом этапе, когда Псков имел определенную политическую независимость, таким центром был Троицкий собор (инициаторами создания летописей выступали посадники). На втором этапе, после присоединения Пскова к Москве (1510 г.), центр переместился в Псково-Печерский монастырь, где летописание велось на протяжении XVI–XVII вв.

Псковское летописание представлено несколькими летописями, условно названными первая, вторая и третья. Псковская первая летопись известна в пяти списках, два из них соединяют в своем тексте Псковскую первую (до 1464 г.) и Псковскую третью (с 1464 г.). Из всех списков псковских летописей самым ранним является список Псковской второй летописи (единственный), он дошел до нас в рукописи конца XV в. (ГИМ, Синод. собр., № 154), погодное изложение доведено в нем до 1486 г. Псковская третья летопись известна в пяти списках. На основе анализа текстов этих летописей была восстановлена история псковского летописания.

В XIII–XIV вв. псковское летописание носило местный характер, уделяя особое внимание взаимоотношениям с Ливонским орденом и спорам с Великим Новгородом и Литвой. Немецкий исследователь Г.-Ю. Грабмюллер высказал предположение, что первый летописный свод был составлен в 1368 г., но это предположение, как и другое — о существовании целой серии летописных сводов в первой половине XV в., не нашло поддержки у его коллег из-за недостаточности текстологического обоснования. К концу XV в. относится составление первого летописного свода в Пскове, который благодаря своему широкому политическому кругозору при описании различных событий (удельные столкновения, борьба в Орде, события в Новгороде и Литве), отразился в наиболее значительных русских летописях XV в. — в Софийской первой и Новгородской четвертой.

НАШЕ ПЕРВОЕ

аще хощеши и гдѣ
бръести. ѿначала.
ѿтвореніи мира
ѿперваго вѣсто
ренаго члвчъ адама.
до поппа всроды.
ѿпоппа до авраа
ма. ѿавраама до х
ѿхдаа жь до блоте
сти в аполѣ миха
ла. и цѣвѣа. и прѣи
и проповѣди. и на
и в сѣлѣ внааи гдѣ
вращеши. ^{тѣмъ} начниче
сти кнѣгѣ снѣ ѿдо
си. и тако по радѣ
доидеши до на члв
роускыи земли. а
начало рѣскыи земли
вѣсть снѣ.

Рѣкѣ. ѿ п. ѿв. вѣху
ѿи браты. едины

мѣм. кнѣ. второ
моу. щекѣ. а прѣи
моу. хуриѣ. а сестра
оунихѣ вѣнменѣ.
лыбѣдѣ. и постави
ша гора на горѣ. и на
рекоша и мѣра доу
помѣ. вѣи мѣра
та своѣ старѣиша
кы вѣдѣ. и на члв
владѣти. и живѣа
хоуко и жѣродомѣ
своимѣ. вѣахоу вѣ
мѣжи мѣри. и сѣмѣ
слени. ѿи жѣ сѣ
кы вѣнполѣни. и до
сего дни. вѣахоу жѣ
невѣри. и мѣнѣща
ни и моу щекѣ до
лѣ. вѣа жѣ время
на бѣ вѣ грѣкоу рѣ.
михаи лѣ. и мѣнѣ
ирина. по сѣмѣ прѣи
доша до авраама. и
на рѣкѣ та сѣбѣ кнѣ.

В литературе продолжается спор о времени составления первого летописного свода в Пскове. Предложено три варианта: 1368 г., конец XIV в., середина XV в. Относительная изученность псковского летописания отразилась в несколько хаотичной его характеристике, когда на основе единичных наблюдений исследователями предлагается существование того или иного свода, которые появляются в интервале 5—10 лет. Из всех псковских летописных сводов самым бесспорным является свод 1481 г.: по наблюдениям А. А. Шахматова близость текстов трех псковских летописей прослеживается до этого года включительно. Этот этап летописной работы синхронен времени составления Псковской второй летописи, но считается, что летописный свод 1481 г. в этой летописи сокращен и переработан в московском духе. Изложение событий в Псковской второй летописи доведено до 1486 г., что позволило Г. Ю. Грабмюллеру предположить существование летописного свода 1486 г. (в данном случае следовало бы говорить не о летописном своде, а о летописи). Составление этого текста связано, по его мнению, с группой псковских посадников. Среди них особо подчеркивается роль Степана Максимовича Дойниковича (был посадником в 1476—1484 гг., 1486—1499 гг.), известного также в качестве заказчика рукописного сборника исторического содержания.

Летописный свод 1547 г. представлен прежде всего Варшавским списком Псковской первой летописи (он датируется 1548 г.), кроме того, он выявляется при анализе других списков Псковской первой летописи. Появление летописного свода 1547 г. связывают с деятельностью Филофея, монаха Псковского Елеазарова монастыря, создателя знаменитой идеологической формулы «Москва — третий Рим» («Послание на звездочетцов». 1523—1524 гг.). Составитель летописного свода безусловно признает власть Москвы над Псковом, но при этом порицает порядки, установленные московскими наместниками, делая это талантливо и образно (См.: Приложение — описание событий 1510 г., известное в литературе под названием «Повесть о псковском взятии»).

В 1567 г. в Пскове создается новый летописный свод (он представлен в Псковской третьей летописи), в основу которого был положен летописный свод 1481 г. Яркой особенностью этого памятника было резко выраженное в нем неприятие власти московского царя. Предполагается, что летопис-

ный свод 1567 г. создавался в Псково-Печерском монастыре при игумене Корнилии (убит опричниками в 1570 г.). Корнилий является также автором одной из редакций Повести о Псково-Печерском монастыре, о нем князь Андрей Курбский писал: «Муж святой и во преподобию мног и славен: бо от младости своей во мнишеских трудах провозсиял». Стровский список Псковской третьей летописи, где в наиболее «чистом» виде представлен летописный свод 1567 г., хранился в Псково-Печерском монастыре, позже он был продолжен до 1645 г. Для летописного свода 1567 г. характерным является сочетание общерусских с местными известиями (по классификации А. Н. Насонова, которая нашла поддержку не у всех исследователей, этот летописный свод относится к разряду общерусских провинциальных летописей). Из общерусских событий в нем рассказывается о браках великого князя Насилия Ивановича, о земельной реформе Елены Глинской, особенно подробно говорится о ходе Ливонской войны, и здесь же сообщается о пожаре в Пскове в 1550 г. и о море 1552/53 г. (умерло 4,8 тыс. человек). С безжалостной критикой описано пребывание в Пскове великого князя Ивана IV в 1546 г., когда в ответ на жалобы псковских челобитчиков он приказал палить им бороды, обливать горячим вином и жечь свечами.

Летописание велось в Пскове и в XVII в. Например, в списке Оболенского Псковской первой летописи, основанной на летописном своде 1547 г., описание событий продолжено до начала царствования Михаила Федоровича. Составитель этого памятника, говоря об общерусских событиях, порицает опричнину, приведшую, по его словам, «к мятежу по всей земле и разделению». В состав летописи вошла «Повесть о ведах и скорбех и напастех», составленная, по мнению М. Н. Тихомирова, жителем псковского посада, в ней представлена живая картина Смутного времени. В Повести упоминается, что царь Борис приказал отравить жениха своей дочери Ксении — датского королевича, а в смерти первой жены царя Михаила Федоровича обвиняются «чаровники». В состав летописи входит и другая повесть — «О смятении и междоусобии и отступлении пскович от Московского государства», где подробно описаны события начала XVII в., а завершается она известиями о взятии шведами Гдова, Корелы, Копорья, Ладого и Орешка.

В XVII в. один из списков Псковской третьей летописи (Архивский 2-ой) был по приказу сына псковского воеводы В. Н. Собакина (умер в 1677 г.) переписан и дополнен различными источниками, например, выписками из разрядных книг и записями о его отце — Н. С. Собакине. В ней после известия 1650 г. о поставлении Митрофана архимандритом Псково-Печерского монастыря следует целая серия приписок, сделанных одним из писцов рукописи дьячком Андреем Ильиным по прозвищу Коза. В летописи наравне с псковскими подробно описываются общерусские события начала XVI-первой половины XVII в.

Семья Собакиных занимала видное место в политической и культурной жизни Пскова. В. Н. Собакин и его сын Михаил (умер после 1713 г.) были книголюбями, по их заказу кроме летописи составлялись различные сборники исторического содержания, в одном из сборников находится частный летописец, доведенный до 1642 г.

Участие в создании псковских летописных памятников принимали и частные лица, например, в конце XVII в. псковским служилым человеком был переписан «Летописец вскоре» (памятник общерусского летописания) и дополнен псковскими событиями до 1689 г., в другом подобном же летописце псковские известия доведены до 1699 г.

Издания. Псковские летописи / Пригот. к печ. А. Насонов. Вып. 1. М.; Л., 1941; Вып. 2. М., 1955.

Литература: Насонов А. Я. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946 г. Т. 18. С. 255-294; Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. Л., 1985; Охотникова В. И. Статьи о псковском летописании в Словаре книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 27-30; Богданов А. П. «Летописец вскоре» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 239-243; Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 29-31, 96-99.

Глава третья

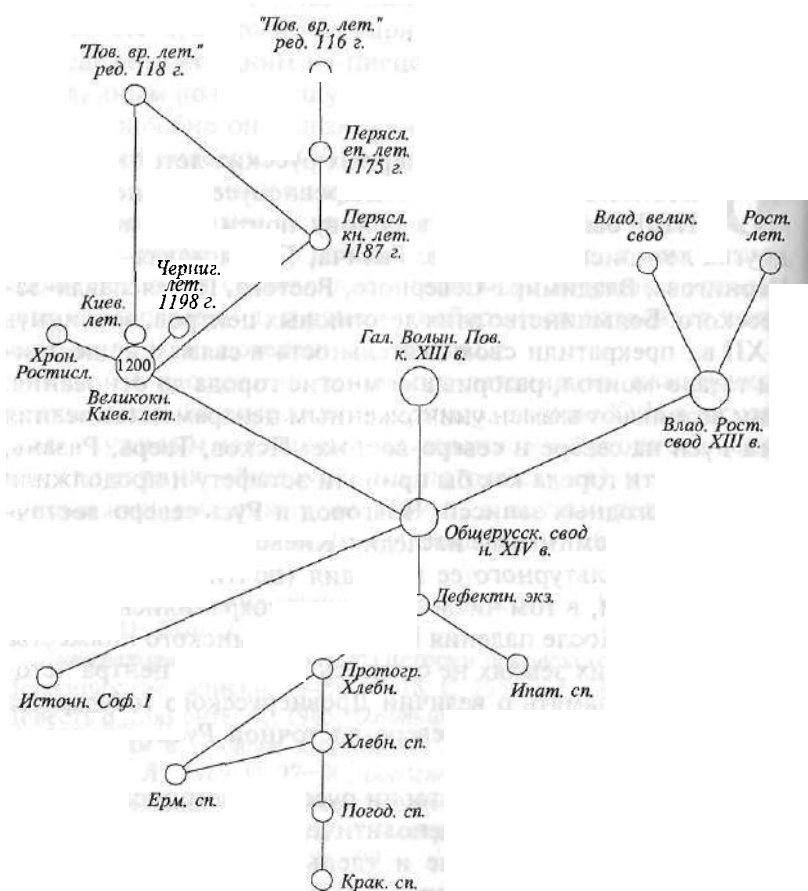
Летописание XII–XV вв.

Созданный усилиями первых русских летописцев основной летописный свод древнерусского периода — ПВЛ был положен в основу почти всех летописей других летописных центров: Галича, Переяславля-Южного, Чернигова, Владимира-Северного, Ростова, Переяславля-Залесского. Большинство этих летописных центров, возникнув в XII в., прекратили свою деятельность в связи с нашествием татаро-монгол, разоривших многие города до основания. Они возникают взамен уничтоженным центрам летописания юга Руси на севере и северо-востоке: Псков, Тверь, Рязань, Москва. Эти города как бы приняли эстафету и продолжили ведение погодных записей. Новгород и Русь северо-восточная стали преемниками наследия Киевской Руси, хранителями всего культурного ее наследия (почти все древнерусские рукописи, в том числе летописи, сохранились на северо-востоке). После падения Галицко-Волынского княжества на южнорусских землях не осталось ни одного центра летописания. Но память о величии Древнерусского государства всегда жила в летописях северо-восточной Руси, каждая из которых начиналась ПВЛ.

Период XII–XV вв. в истории русского летописания полностью соответствует общеполитическим процессам (татаро-монгольское нашествие и удельная раздробленность): некоторые летописные центры, возникнув в XII в., просуществовали до XIII в., другие центры продолжали действовать и до XV в., третьи, возникнув в XIII в., также прекратили свою деятельность в XV в.

XV в. в истории русского летописания занимает особое место: к концу века сформировался главный центр в государстве — Москва, где будут созданы грандиозные летописные памятники.

Ипатьевская летопись
по М. Д. Приселкову*

* Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб , 1996. С. 98, рис. 2.

Таким образом, деятельность многих центров русского летописания укладывается в этот период, хотя, как и в любом живом деле, условные рамки периодизации не всегда полностью соответствуют реальным фактам. Например, в Новгороде Великом и Пскове после потери независимости этими городами в конце XV—начале XVI в. и после небольшой паузы возобновилось ведение самобытного летописания, что определялось прежде всего своей мощной культурной традицией. Но и новгородское и псковское летописание после потери независимости в XVI—XVII вв. находилось не на магистральном направлении летописного дела, а шло как бы параллельно ему, продолжая оказывать на московских книжников значительное влияние прежде всего новыми замыслами и идеями: отсюда исходила инициатива по созданию Русского Хронографа, Великих Четьи-Миней, Русской Библии, там была создана идеологическая формула «Москва — третий Рим». Но, независимо от этого, для общерусского летописания XVI в. и последующих веков летописание Новгорода и Пскова не было определяющим, оно больше склонялось к интересам внутригородским, краеведческим, потеряв живой нерв государственного видения происходивших событий. Деятельность летописных центров, возникших в XII в. и продолжавших летописное дело и после XV в., характеризуется также в данной главе, что позволяет представить единую картину их истории.

1. Галицко-Волынское летописание XI—XIII вв.

Галицко-Волынское летописание отличается светской направленностью при описании событий, литературным изяществом и в какой-то степени духом рыцарства, присущего некоторым его летописцам. Находясь на юго-западе Древнерусского государства, имея границы и связи с государствами западного мира (Венгрия, Польша, Чехия, германские княжества), оно постепенно становилось частью этого западного мира, усваивая многие культурные веяния того времени.

История Галицко-Волынского летописания изучена достаточно полно, ему посвятили свои работы многие исследователи, среди которых следует выделить А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. С. Орлова, Л. В. Черепнина, Д. С. Лихачева, А. И. Генсбюрского, Н. Ф. Котляра.

Основным источником для характеристики этого летописания является Ипатьевская летопись. Она дошла до нас в семи списках, из которых наиболее важными являются два: Ипатьевский (БАН, 16.4.4, первая четверть XV в.) и Хлебниковский (РНБ, Р. IV. 230, XVI в.). Условно текст Ипатьевской летописи делится на три части: 1) от начала до 1118 г. — ПВЛ третьей редакции, 2) от 1119 г. до 1200 г. — киевская летопись, 3) от 1201 г. до 1292 г. — Галицко-Волынская летопись.

Существует одна отличительная особенность этого летописания, судя по Хлебниковскому списку, сохранившему текст в большей первоизданности — погодное изложение событий в данной летописи отсутствовало (в Ипатьевском списке погодная сетка событий восстановлена, но сделано это было в Новгороде в начале XV в.).

Ведение первых летописных записей в Галицко-Волынской Руси М. Д. Приселков относит к концу XI в. В описании событий 1097 г. он видит руку одного из местных уроженцев (княжеская борьба между русскими князьями, ослепление князя Василька). Автором описания княжеской борьбы (под 1097 г. изложены без указания на даты события 1098 г., 1099 г., 1100 г.) был тезка князя Василька поп Василий, о чем он сам сообщил в летописи. Все исследователи отмечают высокое литературное мастерство, присущее попу Василию. Вот как характеризовал его творчество М. Д. Приселков, глубокий знаток русских летописей: «Все, кто читал его описание ослепления Василька, должны согласиться, что по реализму, идеальной простоте изложения, по захватывающему драматизму всего рассказа в целом наш автор не имеет соперников среди современных ему писателей не только русских, но и европейских. Описание ослепления Василька можно смело назвать памятником мировой литературы XII в.» (Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. Приложение. С. 287).

Вполне вероятно, что такое блестящее начало галицко-волынского летописания и определило его дальнейшую судьбу — являть собой высокую литературу.

Следующий этап истории связан с серией галицких известий, которые появляются во второй части Ипатьевской летописи с 1147 г.

Самый значительный период в развитии галицко-волинского летописания приходится на XIII в., когда отдельные записи оформляются в летописи, дошедшие до нас в виде летописных сводов. Этот период представлен последней частью Ипатьевской летописи, поэтому третью часть памятника иногда называют Галицко-Волинской летописью. На основе анализа данного текста, который осложняется отсутствием параллельных текстов, исследователи в общих чертах восстановили историю летописания этого периода.

Галицко-Волинская летопись, охватывающая события 1201–1292 гг., создавалась в несколько этапов. В литературе существуют разные варианты объяснения ее создания. Некоторые исследователи делят текст летописи на две части (первая — галицкая летопись с 1201 г. по 1265 г., вторая — волинская летопись с 1266 г. по 1282 г.). А. И. Генсьорский предполагает пять этапов ее создания (до 1234 г., до 1265/66 г., до 1285 г., до 1289 г., до 1292 г.). Не все этапы истории летописания XIII в. имеют равную степень обоснованности. Бесспорными, основанными на проверенных приемах анализа текста, являются два этапа летописной работы. Первый приходится на 1265–1266 г., где, согласно наблюдению А. С. Орлова, прекращается заимствование из дополнительных источников (хроника Малалы, Александрия, хроника Амартала). Другой этап летописной работы был завершён в 6793 (1285) г., летописная статья здесь имеет традиционное для древнерусской письменности указание на окончание работы в виде слова «агиос», которое тождественно в данном случае более часто встречающемуся слову «аминь». В Хлебниковском списке Ипатьевской летописи конец этой летописной статьи имеет следующее завершение: «...а свои полонъ отполони, и тако возвратися во свояси с честию великою, хваля и славя въ Троици Отца и Сына и Святаго Духа и въ вся вѣки агиос» (ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 896, прим. 50).

Галицко-Волинская летопись, что видно из ее названия, содержит в себе галицкую летопись (1201 — 1265 гг.) и волинскую (1266—1292 гг.). Перенос центра летописания из одной части княжества в другую связан с общеполитическими событиями того времени.

Характерной особенностью Галицко-Волынской летописи является отсутствие в тексте погодной сетки, традиционной для всех остальных русских летописей. Галицкий летописец принципиально отказался от погодного описания событий, о чем он посчитал необходимым сообщить читателям. Под 6762 (1254) г. в небольшом отступлении он пишет: «Хронографу же нужна есть писати все, и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя. Чьтый мудрый разуметь. Число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, в задняя впишемъ по Антиохыйскимъ соромъ, алумъпиядамъ гръцкыми же численицами, римскы же висикостомъ, якоже Евъсвий и Памъфильво иннии хронографи списаша от Адама до Хрѣстоса. Вся же лѣта спишемъ, роцетъше во заднья». Учитывая специфику данного отступления и его несколько тяжеловатый слог, привожу перевод его на современный русский язык: «Хронографу приходится описывать всех и все происходящее, иногда забегать вперед, иногда отступать назад. Мудрый, читая, поймет. Число годов мы здесь не писали, потом впишем — по антиохийскому счету сирийцев, по олимпиадам — греческим исчислениям, по римским високосам, как Евсевий Памфил и другие летописцы написали, от Адама до Христа. А года все напишем после, рассчитав» (Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 324—325. Перевод О. П. Лихачевой). Это рассуждение о всемирной хронологии галицкий летописец заимствовал из Хроники Иоанна Малалы, которая, как об этом уже упоминалось, была одним из его дополнительных источников. Таким образом, в своем протографе (и это сохранил Хлебниковский список) галицкая летопись не имела погодной сетки, так как она мешала автору вести свободный рассказ, требующий при описании иногда забегать вперед или обращаться к давно прошедшим событиям.

Необычность подобного изложения событий была столь очевидной для русского человека, что когда эта летопись оказалась на севере Руси, то один из новгородских летописцев решил исправить этот, по его мнению, недостаток и вставить погодную сетку в летопись. Сделал он это крайне неудачно, внося путаницу в хронологию описываемых событий, с которой исследователи пробовали неоднократно разобраться и не всегда при этом результативно. О том, что даты новгородским летописцем были расставлены прибли-

интересно, говорит следующий факт. Киевская летопись, предшествующая галицкой, оканчивалась на 1200 г., поэтому новгородский летописец первое известие галицкой летописи обозначил 1201 г., что оказалось явно ошибочным. 1201 г. он датировал смерть князя Романа Галицкого, но дата смерти этого князя по другим источникам известна точно — 19 июня 1205 г. Вопрос о том, какими соображениями руководствовался новгородский летописец при расстановке дат в галицкой летописи, является спорным. Один из последних и наиболее удачных вариантов объяснения был дан выпускницей исторического факультета Петербургского университета (С. В. Романовой). По ее достаточно аргументированному предположению, большинство дат в летописи расставлялось приблизительно на основе формального признака, а именно — и соответствии с киноварными буквами текста.

Другим ярким отличием Галицко-Волынской летописи от других памятников раннего русского летописания является ее светский характер. Традиционно авторами русских летописей выступали представители черного и белого духовенства, а галицкие летописцы были светскими людьми. Одним из них был дружинник из окружения князя Даниила. Светский летописец видит мир в несколько ином ракурсе, чем летописец монах, его интересуют другие детали быта. Отсюда в галицкой летописи такие яркие описания внешнего облика князей и воинов, особое внимание автор обращает на вооружение, на доспехи, на воинскую упряжь боевых коней. Вот как описывает летописец дружинник встречу князя Даниила с венгерским королем под 6760 (1252) г.: «Самъ (Даниил) же ѡхъа подѣи короля, по обычаю руску. Бѣ бо конь под нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло от злата жъжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена иными хитростями, якоже дивитися, кожую же оловира грѣцко́го и круживы златыми плоскими ошить, и сапозі зеленого хѣза шити золотомъ. Немцем же зрящимъ, много дивящимся» (Там же. С. 320).

Галицко-Волынские летописцы довели до совершенства жанр литературного портрета, возникший в древнерусской литературе в XI в., у истоков которого стоял Нестор. Вот один из созданных ими портретов князя Владимира Васильковича: «Сий же благовѣрный князь Володимѣрь возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, руки же имѣя красны и ногы,

ръчь же башеть в немь тольста, и устна исподняя добела. Глаголаше ясно от книгъ, зане бысть философъ великъ. И ловечъ хитръ хороборъ. Кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мздоимъць, не лживъ, татьбы ненавидаше, питья же не пи от возраста своего...» (Там же. С. 408),

Галицко-Волынское летописание с полным правом можно определить как княжеское летописание, где описание действий правящего князя было главной задачей летописца. Из княжеского архива летописец брал различные документы и использовал их в своей работе. Враги князя — бояре — имеют, в основном, отрицательную характеристику летописца. Например, вот как описывается один из бояр — Жирослав под 6734 (1226) г.: «Бъ бо лукавый лъстьць наречень, и всихъ стропотливее, и ложь пламянъ, всеименитый отцемъ добрымъ. Убожество възбраняше злобу его, лъжею питаешся языкъ его, но мудростию возложаше вѣру на лжюу, красяшся лестью паче вѣнца, лжеименъць, зане прелщаше не токмо чужихъ, но и своихъ возлюбленныхъ, имея ради ложь». В переводе на современный русский язык это выглядит следующим образом: «Он слыл лукавым обманщиком, самым лживым из всех, пламенем лжи, известен был всем из-за знатности отца своего. Бедность препятствовала козням его, ложью питался его язык, но он хитростью придавал достоверность обману и радовался лжи больше, чем венцу; лицемер, он обманывал не только чужих, но и своих друзей, лживый ради добычи» (Там же. С. 262—263).

М. Д. Приселков предположил, что на последнем этапе истории Галицко-Волынской летописи ее составитель имел одну цель — обоснование прав преемственности галицкого князя Юрия Львовича на пребывание митрополичьей кафедры в его княжестве, а не в Суздальской Руси.

Галицко-Волынская летопись единогласно признается шедевром древнерусской литературы. Многие исторические факты, сообщаемые ей, уникальны. Не только русские и украинцы, но и поляки, чехи, венгры, литовцы, белорусы находят в этой летописи разнообразную информацию об истории своих земель.

Издания: Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 236—425; ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.

Литература: Фирсов Н. Н. Содержание и характеристика Галицко-Волынской летописи. Казань, 1891; Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. Главы 4–5; Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи / ИОРЯС. Л., 1926. Т. 1. С. 93–126; Орлов А. С. О галицко-волыньском летописании / ИИРЛ. Т. 5. 1947. С. 15–24; Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. Т. 12. С. 228–253; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 176–267; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 98–131, 164–184; Генсьорский А. И. Галицко-Волинский летопис (процесс складання, редакції і редактори). Київ, 1958; Приселков М. Д. Летописание Западной Украины и Белоруссии / Приложение к его книге — История русского летописания XI–XV вв. < 116., 1996. С. 283–294; Котляр Н. Ф. Галицко-Волыньская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Сб. Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1995 г. М., 1997. С. 80–165.

2. Летописание Переяславля-Русского (Южного)

Этот город находится на Украине на левом берегу Днепра, современный город Переяслав-Хмельницкий.

Начало летописания здесь связывают с именем епископа < 'ильвестра (поставлен в 1118 г.) — автора второй редакции ПВЛ, бывшего в то время игуменом Выдубицкого монастыря под Киевом. По предположению М. Д. Приселкова, до 1175 г. летописание здесь ведется как летописание епископское. А. Н. Насонов уточнил место создания летописи — церковь святого Михаила. Памятников переяславской историографии до нас не дошло, они восстанавливаются путем анализа текстов Лаврентьевской и Ипатьевской летописей за XII–XIII вв. Например, в Лаврентьевской летописи отразились два летописания Переяславля-Русского — епископское и княжеское. Эти летописания отличались друг от друга хро-

нологией (на один-два года), а так как оба они представлены в тексте Лаврентьевской летописи, произошла дублировка событий (под разными годами описывается одно и то же событие). Например, поход князя Михаила на половцев — под 1169 г. и 1171 г. В описании под 1169 г. победа князя Михаила приписана Десятинной церкви, а под 1171 г. она связывается с молитвой за князя Михаила его отца и деда (ПСРЛ, Т. 1. Вып. 2. Л.;, 1927. Стб. 360-361 и 363):

В лето 6677 (1169)

«...Половци побѣгоша, и наши по них погнаша, овы съкуше, овы емлюше, и яша ихъ руками полторы тысячъ, а прочии избиша, а князь ихъ Тоглии оутче. И бысть помощь Христа честнаго и святое Матере Божьи Десятинное Богородици, еяже бяхуть волости заяли. Да аще Богъ не дасть въ обиду человека проста, еда начнуть его обидѣти, аже свое Матери дому. И приде Михалко с Переяславци и с Берендѣи г Киеву, побѣдивше Половци, хрестыане же избавлени тоя работы, полонении же възвратишася опять в своя си. А прочии вси хрестыане прославите Бога и святую Богородицу, скорую помощницу роду хрестыанску».

В лето 6679 (1171)

«...и сступишася с ними битъ. И поможе Богъ' Михалку со Всеволодом на поганя и дѣдня и отня молитва. И сбыстся в неделю. Самих поганых избиша, а другыя изымаша, а полонъ свои отяша, 400 чади, и пустиша я во своя си. А сами възвратишася и Киевъ, славяше Бога и святую Богородицу и креста честнаго».

При сравнении текстов видно, что описания одного и того же события отличаются друг от друга, при этом следует обратить внимание на то, что в описании под 1171 г. рядом с именем князя Михила упоминается князь Всеволод — это результат деятельности одного из владимирских летописцев.

Епископское летописание заканчивается 1175 г., а в княжеском — описания событий доводятся до 1193 г. Последним его известием было известие о смерти князя Владимира Гле-

мича. Епископское и княжеское летописание Переяслав-
щ Русского повлияло на первые летописные своды северо-
ной точной Руси, точнее, на Владимирское летописание.

На юге Древнерусского государства (кроме Киева, Гали-
щ, Переяславля-Русского) летописание велось в Чернигове
(XII в.) и предположительно в Вышгороде (XI в.), но выяв-
им и, материалы этих летописных центров из текста Лаврен-
тьевской и Ипатьевской летописей достаточно сложно.

Литература: Приселков М. Д. История русского летописания XI—
XV вв. СПб., 1996. С. 151 — 159; *Насонов А. Н.* История русского лето-
писания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.
С. 79-99.

3. Владимирское летописание

Владимирское летописание — самое значительное лето-
писание на северо-востоке Руси в период со второй полови-
ны XII по XIII в., это определялось ведущей ролью Влади-
мирского великого княжества среди других княжеств.

Владимирское летописание в сравнении с другими лето-
писными центрами на северо-востоке изучено наиболее пол-
но. Среди работ, посвященных изучению истории владимир-
ского летописания, следует отметить работы А. А. Шахматова,
М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, Ю. А. Лимонова и др.

Летописные своды, составленные во Владимире, не име-
ют поздних наслоений и дошли до нас в более «чистом» виде,
чем, например, летописные своды Рязани. Для восстано-
вления владимирских сводов привлекают почти все авторитет-
ные летописи, часть текстов которых была составлена во
Владимире, например, Лаврентьевскую (вторая часть), Рад-
зивиловскую, Московско-Академическую, Летописец Пере-
яславля-Суздальского.

С некоторыми из этих памятников мы познакомились при
характеристике ПВЛ, с другими уместно познакомиться здесь.
Радзивиловская летопись — древнейшая лицевая (с мини-

атюрами) русская летопись, известная в единственном списке XV в. (БАН, 34.5.30). В XVII в. она находилась в библиотеке князей Радзивилов (отсюда ее название), один из князей подарил ее в библиотеку Кенигсбергского университета, поэтому иногда ее называют Кенигсбергской летописью. Как трофеем Семилетней войны она была вывезена в Россию и с тех пор (с 1761 г.) хранится в Библиотеке Академии наук. Погодное изложение событий доведено в летописи до 1206 г., включительно, весь текст проиллюстрирован миниатюрами (более 600). В тексте РЛ отразились два важных этапа в истории русского летописания: ПВЛ и Владимирский свод начала XIII в., имеющий особое значение для истории владимирского летописания. Этот Владимирский летописный свод начала XIII в. представлен также в тексте Московско-Академической летописи (с начала и до 1206 г.) и Летописца Переяславля-Суздальского (с 1138 г.). Они позволяют внести существенные уточнения в текст РЛ. Например, при сравнении всех этих текстов становится очевидной путаница последних листов в РЛ, которая присутствует и в Московско-Академической летописи, что указывает на ее близость к РЛ. Такая близость позволяет выдвинуть обоснованное и очень важное предположение: протограф РЛ, доводивший свое изложение до 1206 г. и составленный в начале XIII в., уже имел рисунки в своем тексте. Основано это предположение на следующем наблюдении: в Московско-Академической летописи при изложении событий 1024 г. есть пропуск текста со слов «И по семь наступи Мстиславъ со дружиною» до слов «а Якун иде за море». Этот текст в РЛ находится между двумя рисунками. Можно предположить, что переписчик Московско-Академической летописи по невнимательности его пропустил.

Летописец Переяславля-Суздальского (в рукописи название другое — «Летописец Русских царей») доводит свое изложение до 1214 г. Он известен в единственном списке конца XV в. (РГАДА, фонд 181 (МГАМИД), №279/658). Как уже отмечалось, вторая часть этого памятника, начиная с 1138 г., близка к тексту двух вышеуказанных летописей. Последнее известие летописца явно указывает на его составление во Владимиро-Суздальской земле: «В лѣто 6722...Того же лѣта володимирци съ княземъ своимъ Гюрьемъ изгнаша Иоанна изъ епискупства, зане неправо творяше, а Си-

моча поставиши епископомъ, игумена святого Рождества господа нашего Исуса Христа въ градъ Володимири. Того же лета поставиши епископомъ Пахомия въ градъ Ростовъ, бляху игумена Святого Петра и Павла. Того же лета заложи Константинъ церковь съборную святыхъ Богородица въ градъ Ростовъ. Се же бысть лето високостное» (ПСРЛ. Т. 41. М., 1995. С. 132).

Первым летописным сводом, составленным во Владимире, был свод 1177 г. Исследователи обосновывают существование этого памятника на материале текста Лаврентьевской летописи за XII в., северо-восточные известия в которой начинаются с 1120 г. У этого свода был южнорусский источник (епископский летописец Переяславля Русского), где известия были доведены до 1175 г. Известия последних двух лет летописного свода 1177 г. (1176 г. и 1177 г.), а также повесть Об убийстве Андрея Боголюбского, помещенная под 1175 г., написаны одновременно около 1177 г. У данного памятника Пыл и местный источник: ростово-суздальские летописные списки XII в. Главной идеей составления летописного свода 1177 г. являлась идея о переносе политического центра Древнерусского государства из южной Руси во Владимирскую и северо-восточную Русь. Как отмечает М. Д. Приселков, эта Идея, принадлежащая одному из русских летописцев конца 10-х гг. XII в., была усвоена всей отечественной историографией нового времени. При создании летописного свода 1177 г. была высказана еще одна мысль — утверждение авторитета юрода Владимира по отношению к более старым городам Ростову и Суздалю. Можно предположить, что составителем и одним из авторов этого произведения был церковник Успенского собора, главного храма города Владимира.

Некоторые исследователи относят составление первого владимирского летописного свода к 1185 г. (А. А. Шахматов).

После его создания следует целая серия летописных свопов, написанных во Владимире: 1193 г., 1206 г., 1212 г., 1228—1230 гг. Такая активная летописная работа указывает прежде всего на ведущую роль Владимира в бурной политической жизни того времени.

Владимирский летописный свод 1193 г. наиболее полно представлен в тексте Лаврентьевской летописи. Он был создан на основе предыдущего свода в том же летописном центре, с описанием событий 1178—1193 гг. Известия за указан-

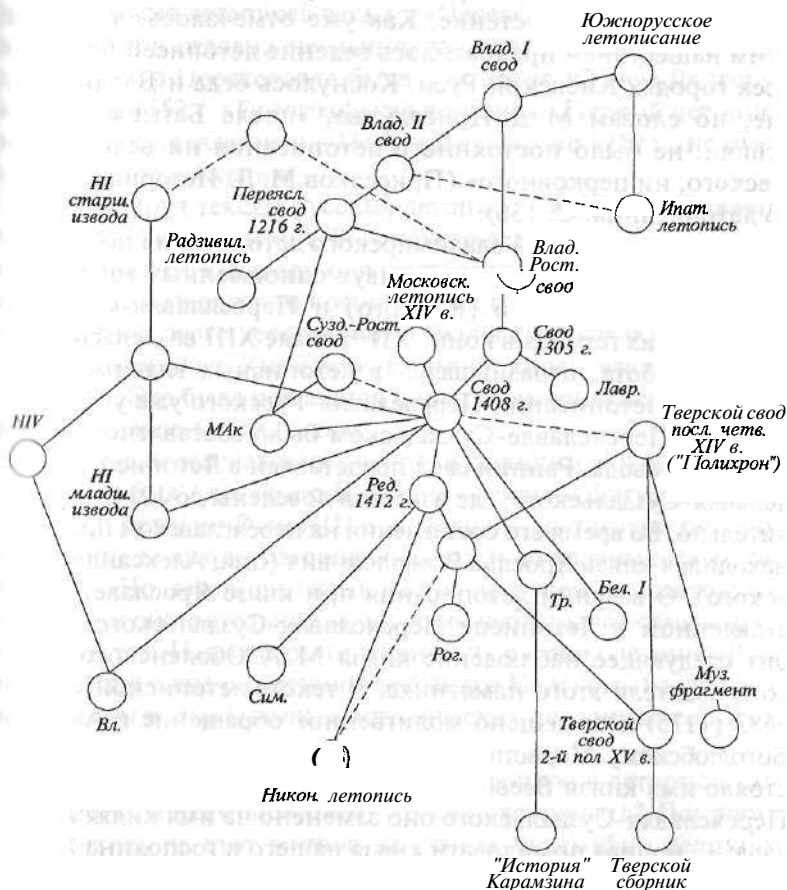
ный период имеют точную датировку событий, ведутся непрерывно, везде присутствует один и тот же литературный прием, когда описания событий заканчиваются богословскими поучениями (подобных поучений нет после 1193 г.) — все это указывает на работу одного автора. Эти наблюдения, сделанные М. Д. Приселковым, могут служить примером того, как на основе тщательного анализа различных сторон летописного текста можно выявлять работу одного летописца с присущими ей характерными особенностями.

Запись событий под 1193 г. заканчивается не только традиционным для этого летописца поучением, но и словом «аминь», которое указывает на завершение большой литературной работы: «В лѣто 6701. Бысть пожаръ в Володимери городъ месяца юня въ 23 день, в канунъ святою мученику Бориса и Глѣба, в четверг, в полночи зажжеся и горѣ мало не до вечера. Церкви изгорѣша 14, а города половина погорѣ, княжѣ дворъ Богомъ и святое Богородици изотѣша, дѣда его и отца его молитвою святою избавленъ бысть от пожара, И много зла оучинися грѣхъ ради наши. Глаголетъ бо к нам Исаиємъ пророкомъ... от тебе бо, о Владыко, и всепречестная его мати всяко данье благо и дари свершени свѣще посылаются, всегда и ныне и присно в вѣкы аминь» (ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л. 1927. Стб. 409—411).

М. Д. Приселков предполагает, что составление летописного свода 1193 г. было связано с получением князем Всеволодом великокняжеского титула. Одним из основных источников свода 1193 г. был летописец Переяславля-Русского.

В 1212 г. во Владимире создается летописный свод, представленный в летописях Радзивиловской и Московско-Академической, а также в Летописце Переяславля-Суздальского. Одной из характерных особенностей работы летописца (представителя церкви) над сводом 1212 г. была его редакторская деятельность, которая становится очевидной при сопоставлении текстов вышеперечисленных летописей с текстом Лаврентьевской летописи (свод 1193). Свою редакторскую правку сводчик 1212 г. вносил на всем протяжении летописи. Целью правки была замена старых, вышедших из употребления слов на новые, более современные. Вот несколько примеров его правки: «ложница» заменяется словом «постельница», «прабошни черевы» — «боты», «набдя» — «кормя», «доспел» — «готов», «детишь» — «отроча», «крынеть» — «купить», «комо-

**Схема происхождения Лаврентьевской, Троицкой
и связанных с ними летописей
по Я. С. Лурье"**

., 4 № № №

ни» — «кони», «ядь» — «снеть» и т. д. Подобная редакторская правка — незаменимое пособие для филологов при выяснении значения архаичных слов. А исследователю русского летописания она помогает определять работу составителя одного из летописных сводов.

Нашествие татаро-монгол принесло разорение на Русскую землю. Многие города были уничтожены, а уцелевшие пришли в запустение. Как уже отмечалось, в связи с этим нашествием прекратилось ведение летописей почти во всех городах Киевской Руси. Коснулось беда и Владимира, где, по словам М. Д. Приселкова, «после Батыева нашествия... не было постоянного летописания ни великокняжеского, ни церковного» (Приселков М. Д. История русского летописания. С. 156).

В связи с историей владимирского летописания необходимо упомянуть о летописании двух одноименных городов — Переяславля-Русского (Южного) и Переяславля-Суздальского. В этих городах в конце XII—начале XIII вв. велась летописная работа, отразившаяся в летописных владимирских сводах. О летописании Переяславля-Русского уже упоминалось, а в Переяславле-Суздальском было составлено два летописных свода. Ранний свод представлен в Летописце Переяславля-Суздальского, где известия доведены до 1214 г. включительно. Во время его составления на переяславском престоле находился князь Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского). О ведении летописания при князе Ярославе, представленном в Летописце Переяславля-Суздальского, говорит следующее наблюдение князя М. А. Оболенского, первого издателя этого памятника. В тексте летописной статьи 6683 (1175) г. помещено молитвенное обращение к Андрею Боголюбскому. Первоначально (Лаврентьевская летопись) там стояло имя князя Всеволода Большое Гнездо, а в Летописце Переяславля-Суздальского оно заменено на имя князя Ярослава: «...молися помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца, и даи же ему на противныя, и многа лѣта съ княгинею, и прижитие дѣтии благородных, и мирну дръжаву его, и царство небесное въ бесконечныя вѣкы, аминь» (ПСРЛ. Т. 41. М., 1995. С. 101). Основным источником текста произведения был Владимирский летописный свод 1212 г., в переяславском летописце он был продолжен записями за 1213—1214 гг., кроме этого в

текст предшественника были внесены известия, связанные с Переяславлем. Например, в описании событий 1176 г. и 1177 г. при упоминании владимирцев вставлено «и переяславляны». Не всегда вставки переяславского летописца оказывались удачными. Например, в сообщении 1157 г. о построении Андреем Боголюбским каменной церкви Спаса (в тексте город не указан, но речь, скорее всего, идет о Ростове) переяславский летописец вставил «Переяславлю новем». Вставка этих слов сделана неудачно, так как известно, что церковь Спаса в Переяславле была построена Юрием Долгоруким еще в 1152 г. (Типографская летопись). Первый летописный свод, составленный в Переяславле около 1219 г., не имел прямого продолжения.

Анализируя тексты русских летописей за XIII в. (Лаврентьевской, Симеоновской, Рогожского летописца), М. Д. Пристипков пришел к выводу о существовании летописного свода 1281 г., составителем которого был переяславец. В момент составления этого летописного свода в Переяславле находились митрополит Кирилл и великий князь владимирский Дмитрий. Это была последняя попытка ведения летописания в Переяславле-Суздальском.

Князем переяславским, а потом великим князем владимирским, был Александр Невский — видная фигура в политической истории Руси XIII в. Его жизнь достаточно подробно освещена как в новгородских, так и во владимирских летописях. Но летописи очень часто, при всей их кажущейся полноте и обстоятельности, не сообщают подчас самых простых фактов. Например, ни в одной из русских летописей не сообщается о дне рождения Александра Невского, более того, ни в одном из письменных исторических источников об этом не говорится.

Возможно ли восполнить отсутствующую в летописи информацию, а если возможно, то как это сделать? Попробуем ответить на этот вопрос на основе биографии великого князя Александра Невского. Итак, русские летописи не знают ни года, ни дня его рождения. Правда, в XVIII в. было высказано предположение о дне его рождения — 30 мая. Однако от этой даты исследователи в дальнейшем отказались.

Первое, о чем следует вспомнить, когда речь идет о дне рождения, это о правилах наречения новорожденного: имя православному младенцу давали на основе святцев по дню

рождения или по дню крещения, которое происходило на восьмой день после рождения. Правда, восьмидневный срок не всегда соблюдался, об этом необходимо помнить.

Обратимся к текстам русских летописей, например, Лаврентьевской и Московского летописного свода конца XV в., и посмотрим, как эти правила действовали в интересующий нас период.

Лаврентьевская летопись под 6739 (1231) г.: «Того же лѣта родися Василку сынъ, месяца июля въ 24 день, в праздник святою мученику Бориса и Глеба, и наречено бысть имя ему Борисъ» (Изд. 1927 г. Стб. 457). Проверим сообщение летописи по святцам. Правильно: в этот день чтится память «святых благоверных князей Бориса и Глеба».

Лаврентьевская летопись под 6761 (1253) г.: «Того же лѣта родися сынъ Борису князю Василковичю, месяца сентября в 11, и нарекоша имя ему в святом крещеньи Дмитрии» (Изд. 1927 г. Стб. 473). В святцах или месяцеслове указано, что 11 сентября среди прочих святых чтится память и мученика Дмитрия.

Московский летописный свод конца XV века под 683^а (1326) г.: «Того же лѣта родися великому князю Ивану сынъ Иоан, марта въ 30, на память Иоана Лествичника» (Изд. 1949 г. С. 167). Под 30 марта в Месяцеслове сообщается: «Преподобного отца нашего Иоанна, писателя Лествицы», то есть того, который «написа Лествицу Рая, вводящего на высоту духовного совершенства».

Московский летописный свод конца XV века под 6835 (1327) г.: «Июля въ 4 родися великому князю Ивану Даниловичу сынъ Андрѣи» (Изд. 1949 г. С. 168). По Месяцеслову узнаем, что в этот день празднуется память «иже во святых, отца нашего Андрея, архиепископа Критского».

Итак, в XIII–XIV вв. имя новорожденному младенцу давали на основе святцев по дню его рождения.

Теперь необходимо установить — в честь какого святого было дано имя князю Александру. Сделать это оказалось возможным только в начале XX в., когда в научный оборот были введены свинцовые печати князя Александра Невского. Они представляют собой патрональный тип печатей, на которых с одной стороны изображается святой — патрон владельца печати, а на другой — святой, патрон его отца, в данном случае, Александр и Федор. На печатях князя

Александра Невского святой Александр (нимб над головой) и изображен в виде всадника с мечом в руке, то есть святой Александр воин. Основатель русской сфрагистики (наука о печатях) Н. П. Лихачев, впервые обративший на это внимание, посчитал, что речь идет о святом Александре воине, чья память читится 9 июля, и на основе этого высказал предположение о дне рождения Александра Невского — 9 июля. Это предположение Н. П. Лихачева нельзя признать бесспорным. Святых Александров воинов известно три, их память читится 13 мая (воин-римлянин), 10 июня (просто моим), 9 июля (воин египетский). Выбор сузится и будет однозначным, если мы обратимся к древнерусским богослужебным произведениям, бытовавшим в первой половине XIII в., то есть во время рождения князя Александра. В Минее служебной XIII в. упоминается только святой Александр Римлянин, память которого читится 13 мая, других святых Александров воинов в русских святцах XIII в. еще не было (как и любой письменный памятник средневековья, святцы, точнее, их текст изменяется). В какой-то степени подтверждением правильности данного наблюдения может служить текст «Повести о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра», где митрополит Кирилл о смерти князя произнес следующие слова: «Чада моя, разумеице, яко уже заиде солнце земли Суздальской!». Сравнение «пятого с солнцем — обычный литературный прием в агиографии, но в текстах, посвященных святым воинам Александрам, только в Минее служебной под 13 мая мы неоднократно встречаем этот образ: «Яко солнце свѣтъло от востока въсиявъ обѣтече весь миръ ... обиде весь миръ яко солнце пресветъло, разори неистовъство идольское, неисповѣдимъ явися Александре пресветъле» (РНБ, Соф. Собр., № 103. Минея на май. XIII в.: В четверг. Л. 64, 65 об.).

Комплексный анализ самых разнообразных письменных источников древнерусской истории позволяет в отдельных случаях восстанавливать отсутствующую в летописи информацию, но при этом необходимо соблюдать главное требование любого источниковедческого исследования — работать с первоисточниками. (О комплексном источниковедении — см.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977).

В 30 томе ПСРЛ опубликован владимирский летописец, не имеющий отношения к владимирскому летописанию, хотя и связан с городом Владимиром, так как рукопись этого летописца в XVII в. находилась во Владимирском Рождественском монастыре.

Издания. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1998; ПСРЛ, Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989; ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля-Суздальского. М., 1995.

Литература: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. Гл. 1, 3, 6; Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. Гл. 3, 4; Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967; Зиборов В. К. О новом экземпляре печати Александра Невского // Сб. Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 146–150.

.

4. Ростовское летописание

Самым древним летописанием северо-восточной Руси является летописание Ростовское, возникшее в начале XII в. Сложность его изучения заключается в том, что памятники ростовского летописания XII–XV вв. в «чистом» виде не сохранились. В то же время, по единодушному мнению всех исследователей, ростовские летописные своды представлены почти во всех главнейших русских летописях: Лаврентьевской, Новгородской четвертой, Софийской первой, Ермолинской, Львовской и т. д. История ростовского летописания восстановлена в общих чертах трудами нескольких поколений отечественных исследователей (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, Ю. А. Лимонов, Л. Л. Муравьева). Монографического исследования о ростовском летописании нет.

О ветхом летописце ростовском упоминает епископ Владимирский Симон (1220-е гг.) в письме к монаху Киево-Печерского монастыря Поликарпу. Это упоминание указывает на существование летописания в Ростове в XII в. Начало

ления ростовских летописных записей относят к 20—30-м гг. XII в. Эти записи при князе Юрии Долгоруком были оформлены в летописец (М. Д. Приселков, Ю. А. Лимонов). А. Н. Насонов относит начало ростовского летописания ко второй половине XII в., отмечая, что велось оно при ростовском Успенском соборе (свод 1193 г.). Инициаторами создания летописей в Ростове выступали то епископы, то князья. В XIII в. появилась целая серия княжеских летописных сводов: Константина Всеволодовича и его сыновей (записи за 1206—1227 гг.), свод 1239 г.— Ярослава Всеволодовича. Летописный свод 1239 г., составленный в Ростове, был великокняжеским, то есть летописным сводом всей Владимиро-Суздальской земли. Ростовский летописец под 1227 г. при описании поставления епископа во Владимире помянул и себя, правда, традиционно для древнерусской литературы не указав своего имени («приключися и мне, грешному, ту быти и видети»). Этому ростовскому летописцу, по словам М. Д. Приселкова, присуща «агиографическая» манера рассказа — герои повествования произносят длинные молитвенные речи, иногда повторяя их, все повествование проникнуто поучительным тоном.

Во второй половине XIII в. ростовское летописание в связи с разорением большинства русских городов татарами (Ростов не был разорен) становится на короткое время общерусским. В 1263 г. в Ростове составлен общерусский летописный свод, называемый иногда летописным сводом княгини Марии (Д. С. Лихачев). Княгиня Мария была женой ростовского князя Василька Константиновича, убитого татарами в 1238 г. за отказ «быти в их воле и воевать с ними». М. Д. Приселков считал, что летописный свод 1263 г. был составлен «горячим почитателем ростовского епископа Кирилла, умершего в 1263 г.» (Приселков М. Д. История русского летописания. С. 149). Именно этим он объясняет появление жития епископа в летописном тексте под 1231 г. В литературе отмечена определенная связь этого жития с Повестью о житии Александра Невского, также помещенной в летопись составителем летописного свода 1263 г. Епископ Кирилл был известным сочинителем и книжником своего времени. Под 1262 г. летописец, очевидец событий, сообщил о выступлении против татар ростовчан и об убийстве одного из первых русских предателей и о его бесславном конце: «Томъже лѣте

оубиша Изосиму преступника, то бѣ мнихъ образомъ, то-
чю сотонъ съсудъ. Бѣ бо пьяница и студословець, празно-
ловець и кощоньникъ, конечное же отвержесе Христа и бысть
бесурменинъ, вступивъ в прелестъ лжаго пророка Махмеда.-
..сего незаконного Зосиму оубиша в городъ Ярославли, бѣ
тѣло его ядь псом и ворономъ». (ПСРЛ. Т. 1. Л., 1927. Стб. 476).

С Ростовом связан и самый ранний список (XIII в.) «Ле-
тописца вскоре» патриарха Никифора, в котором византий-
ская история продолжена русскими известиями, доведен-
ными до 1276 г., в том числе и ростовскими.

В конце 70-х — начале 80-х гг. XIII в. в Ростове был составлен
ещё один летописный свод. На это указывают ростовские из-
вестия, прослеживающиеся в Лаврентьевской летописи до
1281 г., а также, по мнению В. С. Иконникова, текст Твер-
ского сборника под 6784 (1276) г.: «По то же лѣто князя лѣто-
писецъ». Этот летописный свод Ю. А. Лимонов датировал
1279 г.

У В. Н. Татищева в его Истории упоминается о ростов-
ской летописи 1313 г., но самой летописи не сохранилось.

На основе анализа целого ряда русских летописей Л. Л. Му-
равьева обосновала существование ростовского свода 1365 г.,
называя его памятником епископско-княжеского летописа-
ния.

Для характеристики ростовского летописания конца
XIII—начала XV в. особое значение имеет так называемая
Московско-Академическая летопись (другое название — мо-
сковско-академический список Суздальской летописи) — па-
мятник, дошедший до нас в единственном списке (РГБ, ф.
173, собр. МДА, № 236; прежний шифр — собр. МДА, № 5/
182). В третьей части этой летописи (с 6746 (1238) г. по 6927
(1419) г.) представлен ростовский летописный свод, дове-
денный до 1419 г. (последнее известие летописи). Суще-
ствует особая версия этого свода в виде краткого «Летописца
русского». В Московско-Академической летописи, на всем
протяжении ее третьей части, присутствуют ростовские из-
вестия, подобные следующему: «В лѣто 6919 индикта 4,
мѣсяца сентября 26 свершися храмъ пречестныя Богороди-
ца в Ростовъ зборная, иже бѣ изгорѣла от пожара, а свяще-
на бысть мѣсяца октября 1 боголюбивымъ Григорьемъ епис-
копомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ» (ПСРЛ. Т. 1. Лав-
рентьевская летопись. Вып. 3. Приложения: Продолжение

Суздальской летописи по Академическому списку: Указатели. Л., 1928. Стб. 539). Предполагается, что составление Московско-Академической летописи было связано с ростовским епископом Григорием (1396-1417 — годы его епископства). Составление всех последующих ростовских летописей связано с епископом ростовским Ефремом, архиепископами Трифоном (1462-1467 гг.), Вассианом и Тихоном (1489—1505 г.). Судя по характеристике ростовского летописания, данного А. А. Шахматовым на основе анализа Типографской и других летописей, почти при каждом новом владыке ростовском создавался новый летописный свод. Эти ростовские летописные своды XV в. активно использовались в других летописных центрах при создании новых летописных памятников. Например, ростовский владычный летописный свод 1472 г. архиепископа Вассиана Рыла был основным источником Ермолинской летописи, а свод 1484 г. архиепископа Тихона был источником Типографской летописи. В последней находится «Повесть о стоянии на реке Угре», которая имеет отличия от подобных Повестей в московских летописях. Автором или редактором этой Повести был ростовский летописец, работавший над летописью в 80-е гг. XV в. при архиепископской кафедре. В тексте Повести он подчеркивает предательскую роль Андрея Большого и Бориса, братьев великого князя, во время противостояния русских и татар. Автор Повести понимает все значение стояния на реке Угре, положившего конец многовековой зависимости России от татар. Здесь же он предупреждает о другой угрозе, исходящей от турецкой империи: «О храбри мужствении сынове рустии! Подщитесь свое отечество, Рускую землю, от поганых сохранили, не пошадите своих глав, да не узрят очи ваши разплечения и разграбления домов ваших, и убьяния чад ваших, и поругания над женами и дѣтми вашими, яко же пострадаша инии велиции славнии земли от турков. Еже глаголю: болгаре, и сербы, и грѣцы, и Трапизон, и Амморей, и албанасы, и хрватыи, и Босна, и Манкуп, и Кафа и инии мнози земли, иже не стяжа мужства и погибоша, отечество изгубиша И землю и государство, и скитаются по чюжим странамъ бѣдне воистину, и странне, и много плача, и слез достойно, укаряеми и поношаеми, оплюваеми, яко немужествеии... И пощади, Господи, нас, православных христиан,

молитвами Богородица всех святых. Аминь». (Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 518—520). Как видим, ростовский летописец XV в. не только имел представление о происходивших вокруг России событиях, но и воспринимал их в правильной исторической перспективе.

Другой ростовский летописец на основе одного из владычных летописных сводов составил в конце XV в. краткий ростовский владычный свод, где описаны события с 859 г. по 1490 г.

О ростовском летописании XVI в. известно мало. Существовала какая-то ростовская летопись, оканчивавшаяся временем Ивана IV, но единственный список ее утрачен (находилась в рукописном собрании П. В. Хлебникова).

Известен, например, краткий Летописец Ростовский, составленный в конце XVII в. дьячком одной из ростовских церквей, а в библиотеке Ростовского архиерейского дома в XVII в. находились три русских хронографа, но трудно сказать, составлялись ли они в Ростове. С Ростовом, точнее, его преемником по архиепископской кафедре Ярославлем, связан один из знаменитых русских хронографов XVII в. — хронограф Спасо-Ярославского монастыря, на последних листах которого помещалось «Слово о полку Игореве». Вероятно летописание в Ростове и в XVII в., но оно несопоставимо по своему значению с ростовскими летописными сводами XV в.

Издания: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. 2-е изд. Л., 1928; ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921; Насонов А. Н. Летописный свод XV в. (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. Т. II. М., 1955. С. 273-321; Богданов А. П. Краткий Ростовский летописец конца XVII века // Советские архивы. 1981. № 6. С. 33-37.

Литература: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. Гл. 9, 19, 22; Насонов А. Н. Малоизученные вопросы ростово-суздальского летописания XII в. // Проблемы источниковедения. Вып. X. М., 1962. С. 349-392; Воронин И. Н. К вопросу о начале ростово-суздальского летописания // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 19—39; Буганов В. И. Отечественная историография; Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII — начала XV века, М., 1983. Гл. V. Ростовское летописание.

5. Тверское летописание

Как и во многих центрах русского летописания начало ведения летописей в Твери связано с общеполитическими событиями, точнее, с той ролью, которую стала занимать Тверь и Тверское княжество в истории России с конца XIII в. Тверь, в правые с Москвой, Нижним-Новгородом, Рязанью, претендовала на политическое главенство в русских землях. Ведение летописи было одним из признаков политической мощи и зрелости того или иного княжества. Памятников тверского летописания, как и памятников большинства летописных центров XIV–XV вв., сохранилось мало, тем более в «чистом» виде, так как все они как бы растворились в московских летописях XVI–XVII вв. Только на основе сопоставления текстов разных летописей летописные своды Твери могут быть восстановлены.

Историей тверского летописания занимались следующие исследователи: И. А. Тихомиров, А. А. Шахматов, А. Н. Нагонов, Б. И. Дубенцов, В. А. Кучкин. Их трудами история тверского летописания в общих чертах воссоздана.

Различные этапы тверского летописания представлены в следующих летописных памятниках: Тверской сборник, Рогожский летописец, Симеоновская и Никоновская летописи и др. Наиболее важными для истории тверского летописания являются Тверской сборник и Рогожский летописец. Вот краткая характеристика этих летописных памятников.

Рогожский летописец. Сохранился в единственном списке XV в. (РГБ, ф. 247, Рогожское обрание, № 253), открыт П. П. Лихачевым в начале XX в. Текст летописца можно разделить на несколько частей: 1) с начала и до 6796 (1288) г. — краткое изложение общерусских событий; 2) 6796 (1288) г. — 6835 (1327) г. — тверские известия, сходные с соответствующим текстом Тверского сборника; 3) 6836 (1328) г. — 6882 (1374) г. — тверские и общерусские известия, первые сходны с известиями Тверского сборника, вторые — с известиями Симеоновской летописи; 4) с 6883 (1375) г. и до конца текст летописца почти идентичен Симеоновской летописи, где наравне с общерусскими встречаются и тверские известия, особенно в последних летописных записях. Последнее известие Рогожского летописца — тверское: «Въ лѣто 6920

преставися княгини великая Овдотия князя великаго Ивана Михайловича Тфърскаго апрѣля мѣсяца 13 день» (ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. М., 2000. Стб. 186) .

Предполагается, что в основу Рогожского летописца был положен летописный свод конца XIV в., представленный также в Троицкой и Симеоновской летописях (временами Рогожский летописец передает текст утраченной Троицкой летописи точнее, чем Симеоновская летопись).

М. Д. Приселков, на основе анализа Повести о нашествии Едигея в 1408 г., предположил, что ее автором в Рогожском летописце был москвич, бежавший от татар в Тверь, поэтому в Повести особо отмечена судьба Тверских земель во время этого нашествия.

Тверская летопись. Полное название — Летописный сборник, именуемый Тверской летописью; летописный памятник XVI в., представленный тремя списками XVII в. (Строевский — РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1414; Забелинский — ГИМ, Музейное собр., № 288; Толстовский — РНБ, Р. IV. 214, в последнем списке Тверская летопись дополнена по другим источникам). В тексте Тверской летописи с конца XIII в. по конец XV в. содержатся фрагменты тверского летописания. Судя по отступлениям, находящимся в известиях 6496 (988) г. и 6527 (1019) г., Тверская летопись была составлена в 1534 г. уроженцем Ростовской области, который при работе использовал какую-то тверскую летопись конца XV в. Эти отступления достаточно любопытны и показательны. В первом из них летописец, кроме указания года своей работы, высказал мнение по поводу часто встречающегося в летописях выражения «и до сего дне»: «...та же церковь стояла до Корсунского взятка. Понеже въ иныхъ лѣтописцѣхъ пишеть: и до сего дне, занеже писалъ Георгий лѣтописецъ, а тогда Корьсунъ градъ стоялъ; азъ же нынѣ, переписываа его писаниа, тако пишу: до взятіа Корсунского, понеже много лѣтъ мину уже, како Корсунъ разорень бысть отъ Руси, еже индѣ скажемъ въ его время; нынѣ же на предо мною лежимое възвращуся. Взъ же Володимерь чѣтыри кони мѣдяны, иже тогда стояли за святою Богородицею въ Киевѣ, нынѣ же того и тамо, якоже рекохъ, нѣсть отъ многихъ плѣнѣний Татарскихъ. Про тѣ же кони мнози мнѣша яко мраморяни суще. Якоже рѣхъ маломъ выше о Корсунѣ, яко нѣсь его, но и о инихъ о Рускихъ градѣхъ о мнозѣхъ тогда бысть писано: и до сего дне, понеже бысть тако тогда; нынѣ

же азъ начахъ переписывати сие въ лѣтъ 7042, и тако незгодно написати: и до сего дне; но, не рушаа писаниа Георгиева, тако пишемъ...» (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 108). Показательность этого отступления заключается в следующем: летописец в 1534 г., работая над летописным текстом 988 г., не только комментирует текст, но в своих комментариях предлагает осмысление древнего текста, допуская при этом явные ошибки. Такой ошибкой является его мнение о Георгии летописце, который якобы описывал взятие Корсуни князем Владимиром. Под Георгием летописцем в тексте ПВЛ имеется в виду Георгий Амартол — автор византийской Хроники IX в., которая была одним из источников ПВЛ. Второе отступление, помещенное в конце летописной статьи 6527 (1019) г., начинается с того, что летописец значительное сокращение текста (он опустил все тексты древних русских законодательных актов) объяснил следующим образом: «азъ же сие преминухъ, множества ради». Далее дается обстоятельная самохарактеристика летописца в традиционной для древнерусской литературы манере: «Еще же молю ваше, братие, преподобие и благородие, чтущихъ и послушающихъ книги сиа, еже аще обрящеть кто много недостаточное, или неисполненное, да не позазритъ ми: не бо бѣхъ Кианинъ родомъ, ни Новаграда, ни Владимира, но отъ веси Ростовскихъ областей, и елико обрѣохъ, толико люботруднѣ написахъ; а елика силѣ моеи невозможно, то како могу наполнити, егоже не видѣвъ предъ собою лежащаго? Не имамъ бо многыа памяти, ни научихся цохторскому наказанию, еже съчиняти повѣсти и украшати премудрыми словесы, якоже обычай имуть ритори; а яже аще Богъ поручитъ в руцѣ мои, то прывыхъ лѣтъ напоследокъ выпишемъ» (Там же. Стб. 142). О времени работы над Тверской летописью ее составитель говорит и в самом начале текста в конце одного из заголовков, где сообщает, что работал при великом князе Иване Васильевиче «сушу ему трею лѣтъ отъ рода, мати же его Елена, девятыйженадесять отъ Рюрика, прѣваго князя Русскаго» (Там же. Стб. 28).

Подобные отступления летописцев, а они довольно редки, — настоящий подарок для исследователей, так как они раскрывают приемы работы древнерусских авторов и составителей.

Тверские известия в летописи начинаются с 6793 (1285) г. и до 6883 (1375) г. совпадают с текстом Рогожского летописца, после этого они продолжают до 6994 (1486) г. — года присо-

сдинения Твери к Московскому княжеству. После известия 6910 (1402) г. следует раздел, озаглавленный «Предисловие летописца княжения Тферскаго благовѣрныхъ великихъ князей Гѣрьскихъ» (Там же. Стб. 463–464), в котором упоминается один из источников Тверской летописи — «Володимерский полихронъ» (в Толстовском списке этого Предисловия нет).

На основе анализа текстов Рогожского летописца и Тверской летописи, а также других летописных памятников исследователями была восстановлена история тверского летописания.

Летописные записи событий, происходивших в Тверском княжестве, начали вестись с 1285 г. в связи с постройкой в юроде Твери соборной церкви святого Спаса. Инициатором ведения этих записей был епископ Тверской Симеон (умер в 1289 г.). На основе летописных записей составляется в 1327 г. первый тверской летописный свод. Этот свод 1327 г. помимо Рогожского летописца и Тверской летописи отразился также в Троицкой и Симеоновской летописях.

В 1375 г. по указанию великого князя Михаила Александровича в обоснование главенства Твери среди земель северо-восточной Руси был составлен новый летописный свод. После поражения Твери от великого князя Московского Дмитрия Ивановича на короткое время летописание там приостанавливается и возобновляется в 80-е гг. XIV в.

По инициативе тверского епископа Арсения (умер в 1409 г.) в начале XV в. создается следующий летописный свод. И Никоновской летописи помещена «Повесть о преставлении блаженного Арсения епископа Тферскаго», поэтому этот памятник иногда называют летописным сводом епископа Арсения или сводом 1409 г. Этот «обшетверской» летописный свод использовался и в других центрах летописания, поэтому он представлен во многих летописях (Никоновской, Симеоновской, Троицкой).

При тверском князе Иване Михайловиче ведется работа по созданию еще одного летописного свода, фрагменты его представлены, кроме вышеупомянутых летописей, и в тексте Хронографа русской редакции 1512 г. В этом летописном своде 1425 г., составленном уже после смерти князя Ивана Михайловича, обосновывалось главенство Твери среди княжеств и земель северо-восточной Руси, в связи с чем при его составлении в летописный текст были включены материалы

нижегородского, московского и литовского летописания. На основе летописного свода 1425 г. возникает кашинская редакция этого тверского свода, что определилось борьбой великого князя Тверского Ивана с князем Кашинским Василием. Кашинская редакция летописного свода 1425 г. представлена в Никоновской и Симеоновской летописях, в Русском временнике.

После падения Константинополя в 1453 г. на Руси развернулась борьба за наследие «второго Рима» между Тверью и Москвой. В ходе этой борьбы появился новый тверской летописный свод 1455 г., составленный по повелению великого князя Бориса Александровича на основе сокращения и переработки предыдущего тверского летописного свода. А. Н. Насонов следующим образом определил главную задачу, стоявшую перед составителем свода 1455 г.: «Автор дает построение всемирной истории от сотворения мира и до падения Константинополя, причем в центре событий ставится Тверское княжество». Текст летописного свода 1455 г. представлен в Тверской летописи (за 1285–1455 гг.) и Рогожском летописце (до 1375 г.). В последней летописной статье свода тверской князь называется самодержцем, под 6963 (1455) г. читаем: «Богомъ почтенному господину самодръжцу, великому князю Борису Александровичу, и его сыну Михаилу, свершена бысть церковь каменна архистратига Михаила; священна епископомъ Илиею, на память его чудеси, на его праздникъ.» (ПСРЛ. Т. 15. Стб.495).

После присоединения Твери к Москве создается последний тверской летописный свод — 1486 г., где тверские записи, доведенные до этого года, сочетаются с записями московскими (Тверская летопись). Далее ведение летописей в Твери прекращается.

В XVI в. памятники тверского летописания под пером московских летописцев активно и тенденциозно перерабатываются. Например, по наблюдениям В. А. Кучкина, Повесть о Михаиле Тверском, входившая в состав первого тверского летописного свода 1327 г., подверглась промосковской цензуре, и в связи с этим появилась новая редакция этой Повести в Никоновской и Воскресенской летописях, Степенной книге. Великие Минеи Четьи сохранили до нас «одну из самых промосковских редакций

памятника». «Хождение за три моря» знаменитого уроженца Твери Афанасия Никитина сохранилось в летописях Цховской и Софийской второй.

Издания: ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец: Тверской сборник. М., 2000.

Литература: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI в. М.; Л., 1938. С. 311–321; Насонов А. Я. Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. Сер. VII. Л., 1930. № 9–10. С. 709–772; Насонов А. Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 26–40; Кучкин В. А. Повесть о Михаиле Тверском. М., 1974; Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII—начала XV века. М., 1983. Гл. 2. Начало тверского летописания; Муравьева Л. Л. Рогожский летописец XV века. М. 1998.

6. Смоленское летописание

Памятников смоленского летописания не сохранилось. При анализе общерусских летописей XIV—XVI вв. (Никоновской, Тверской и Симеоновской, Рогожского летописца) был выявлен значительный пласт смоленских известий, позволяющий исследователям говорить о существовании смоленского летописания с конца XIII по XV в. В литературе неоднократно высказывалось предположение о существовании летописания в Смоленске в XII в. (Я. Н. Шапов, Л. В. Алексеев и др.), но из-за почти полного отсутствия источников это предположение не имеет аргументированного обоснования. Плохая сохранность памятников смоленского летописания связана с политической историей Смоленска и Смоленской земли, в разное время входивших в состав различных государственных образований.

Бесспорным является факт составления нескольких летописных памятников в Смоленске в XV в. Например, краткий летописец под названием «Сказание летом вкратце». Он тесно связан с «Хождением» Игнатия Смольянина в Царьград (по версии одних исследователей, был составлен в конце XV в. самим Игнатием Смольянином, по версии других — в

середине XV в. каким-то другим жителем Смоленска). Да и само «Хожение» Игнатия написано в традиционной для летописания манере, по крайней мере с соблюдением погодного изложения: «В лето 6897 Пимин митрополит всеа Руси поиде в третии ко Царюграду, с ним Михаил владыка Смоленский, да архимандрит Спаськой Сергей...

В лето 6899 августа 15 земля треснулася.

О царьском венчании.

В лето 6900 месяца февраля 11, в неделю о блудном венчан бысть царь Мануил на царство...» (Цит. по: Книга хожений: Записки русских путешественников XI–XV в. М., 1984. С. 99, 105).

Предполагается, что смоленская летопись была одним из источников летописного свода 1408 г., отразившегося в Троицкой и Симеоновской летописях.

В 1495 г. в Смоленске книжник Авраамка переписал или составил летопись, известную под его именем — Летопись Авраамки (Рукописное собрание Центральной научной библиотеки Академии наук Литвы, Р 22—49). О своем участии в создании данной рукописи он сообщил в конце в приписке: «В льто 7003 написна бысть сиа книга, глаголемыи льтописецъ, во граде Смоленсцъ, при дръжавъ великого князя Александра, изволениемъ Божиимъ и повелъниемъ господина владыки епископа Смоленьского Иосифа, рукою многогръшнаго раба Божиа Авраамка» (ПСРЛ. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000, Стб. 319—320). Участие Авраамки в составлении летописи, носящей его имя, остается спорным. Определять же летопись Авраамки как смоленскую нет никаких оснований: в ней представлены прежде всего памятники новгородского и, частично, общерусского происхождения.

В литературе отмечалось, что смоленское летописание оставило свой след в летописях западнорусских. В XVI в., по предположению А. Насонова, ведением летописи занимался епископ Иосиф.

Литература: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 322–328; Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 16–20; Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII — начала XV века. М., 1983 (Гл. 7. Смоленское летописание).

7. Рязанское летописание

Отдельных памятников рязанского летописания не сохранилось. Фрагменты его находятся в общерусских летописях: Троицкой, Симеоновской, Никоновской. Рязанские материалы представлены в западнорусских хрониках Быховца, Литовской, Жмойтской, а также в «Истории Российской» В. Н. Татищева, где использованы несохранившиеся до нашего времени летописи.

Истории рязанского летописания посвящена специальная монография А. Г. Кузьмина, но несмотря на это наши представления об этой истории невелики.

Рязанскими князьями Ольговичами в начале XV в. был составлен летописный свод, ставший одним из источников Троицкой летописи.

Для истории рязанского летописания особое значение имеет Симеоновская летопись (близкая по тексту к сгоревшей Троицкой), составитель которой, по наблюдению А. А. Шахматова, проявил повышенный интерес к событиям в Рязани: в летописном тексте рязанские известия отмечены кинопарными буквицами. Последним известием Симеоновской летописи является сообщение о рязанском пожаре: «В лето 7002-е Сентября въ 17 згоре градъ Рязань весь» (Русские летописи. Том первый. Симеоновская летопись. Рязань, 1997. С. 375. Это перепечатка из ПСРЛ. Т. 18.).

По мнению А. Г. Кузьмина, «совершенно исключительный интерес для вопроса о происхождении рязанского летописного материала представляет Никоновская летопись», при этом исследователь отмечает, что из 200 известных нам рязанских летописных известий 150 находятся в Никоновской летописи.

В Воскресенской летописи в начальных ее статьях приведен родословец под названием «Начало о великих князех Рязанских», который, по мнению В. С. Иконникова, был заимствован из недошедшей до нас рязанской летописи.

В конце XVIII—начале XIX века в Рязани создаются «Рязанские достопамятности», где рязанская история описана с XI в. до 1750 г. (первая редакция). Начальная часть этого па-

мятника имеет название — «Летописи Рязанские». При составлении «Рязанских достопамятностей» использовались разные источники и, в том числе, какая-то «полууставная тетрадь».

Литература: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965; Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII—начала XV века. М., 1983. (Гл. 6. Рязанское летописание.).

8. Нижегородское летописание

Нижегородское летописание при всей его малоизученности занимает в истории русского летописания видное место прежде всего потому, что в этом княжестве была написана одна из древнейших летописей — Лаврентьевская. Текст этой летописи завершает приписка монаха Лаврентия, где сообщается о времени и обстоятельствах ее создания. Приведем текст этой приписки полностью: «Радуется купец прикупъ створивъ, и кормъчии въ отишье приставъ, и странник въ отечество свое пришед; тако радуется и книжный списатель, дошед конца книгам; тако ж и азъ худый недостойный и многогръшный рабъ Божии Лаврентеи мних.

Началь есмь писати книги сия, глаголемыи Лѣтописецъ, месяца генваря в 14, на память святыхъ отецъ нашихъ в Синаи и в Раифѣ избъенныхъ князю великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благославенъю священнаго епископа Дионисья. И кончалъ есмь месяца марта в 20, на память святыхъ отецъ нашихъ, иже в монастыри святаго Савы избъенныхъ от Срацинь. Влѣто 6885. При благовърномъ и христолюбивомъ князи великомъ Дмитрии Костянтиновичи и при епископѣ нашемъ христолюбивѣмъ священномъ Дионисѣ Суждальскомъ и Новгородскомъ и Городьскомъ.

И нынѣ господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описать или переписать или не дописать, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны, а оумъ

молодь, не дошелъ. Слышите Павла апостола, глаголяща: не клените, но благославите. А со всѣми нами хръстьяны Христось Богъ наш Сынъ Бога живаго; емуже слава, и держава, и честь, и покланянье со Отцемъ и с Святымъ Духомъ, и ныня и присно въ вѣкы аминь» (ПСРЛ. Т. 1. Л., 1927. Стб. 487-488).

Информация, находящаяся в этой приписке, очень важна для истории русского летописания в целом. Из нее мы узнаем, что большая по объему летопись переписывалась чуть более двух месяцев; что заказчиками работы выступали князь и епископ; что летописец, работая в 1377 г., дошел изложение событий только до 1305 г., то есть не внес в летопись никаких записей о событиях, очевидцем или современником которых он был; что летопись, составленная в Суздальско-Нижегородском княжестве ничего не сообщает о событиях в этом княжестве; и, последнее, что Лаврентий переписывал с ветхого летописца, где, судя по дошедшей до нас рукописи, были перепутаны и утрачены аисты.

Кроме Лаврентьевской летописи, нижегородское летописание представлено двумя памятниками XVII в. На основе анализа их текстов восстанавливается история нижегородско-суздальского летописания XIV и последующих веков. Это прежде всего Летописец о Нижнем Новгороде (заглавие в рукописях — «Летописец о Нижнем Новгороде, в коих годах заложен и при коем великом князе»). В нем на фоне общерусских событий XIII–XVI вв. сообщаются нижегородские известия. Этот летописец, по предположению М. Я. Шайдановой, был составлен в середине XVII в. кем-то из притча Михайло-Архангельского собора, находившегося в кремле. Источниками его были Типографская летопись и Русский хронограф ред. 1617 г. Летописец о Нижнем Новгороде был положен в основание другого памятника — Летописца Нижегородского (заголовок в рукописях — «Выписано из летописца... о Нижнем Новгороде», известно 29 списков XVII–XIX вв.). Текст произведения делится на две части: до 1422 г. (эта часть привлекается исследователями для реконструкции нижегородско-суздальского летописания XIV в.) и с 1509 г. до конца (в разных списках разное окончание, например, в полной редакции известия доведены до 1687 г., а в одном из спис-

ков известия продолжены до 1764 г.). Источниками здесь были Никоновская и Типографская летописи. Этот летописец, как и предыдущий, был составлен в середине XVII в. при Михайло-Архангельском соборе.

На основе вышеуказанных памятников, а также известий о Нижнем Новгороде в других летописях была восстановлена следующая картина истории нижегородского летописания. Оно возникает в виде регулярных погодных записей в 40–50-е гг. XIV в., когда столица Нижегородско-Суздальского княжества была перенесена из Суздаля в Нижний Новгород. В 60–70-е гг. XIV в. создаются первые летописные своды по инициативе великого князя Дмитрия и епископа Дионисия. По мнению Л. Л. Муравьевой, в XIV в. главным летописным сводом был свод 1383 г. Нижегородское летописание отразилось в общерусских сводах XV в. — 1408 г. и 1423 г. По предположению А. Н. Насонова, центром ведения летописей в XIV в. был собор св. Спаса Преображения.

В середине XVII в. в Нижнем Новгороде создается несколько летописных памятников, представленных большим количеством списков, что говорит о стабильности летописного дела в этом городе. Инициаторами создания летописцев в этот период выступали, скорее всего, нижегородские владыки, например, полная редакция Нижегородского летописца была создана в связи с учреждением в городе митрополичьей кафедры.

В XVIII в. ведение летописания продолжается, составителями этих поздних памятников выступают чаще всего частные лица — любители истории своего города и края.

Издания: Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886.

Литература: Насонов А. Н. История русского летописания XI – XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969; Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси XII–XV веков. М., 1983 (Гл. 4. Нижегородско-Суздальское летописание.); Макарихин В. П. Летописные источники по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского Поволжья XIII–XV вв. Горький, 1984; Шайданова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Автореф. кин. М., 1987; Шайданова М. Я. Отдельные статьи в Словаре книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993.

9. Московское летописание XIV–XV вв.

История московского летописания делится на два периода: с XIV в. по XV в., когда Москва была главным городом одного из русских княжеств, и с XVI по XVIII в., когда являлась столицей государства. Здесь речь пойдет о первом периоде.

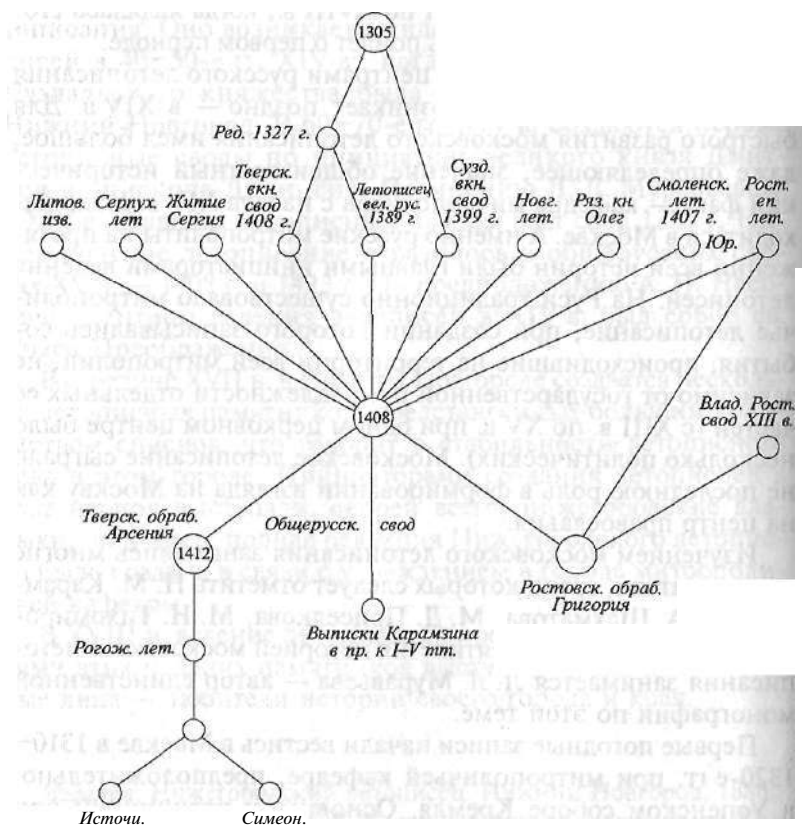
По сравнению с другими центрами русского летописания московское летописание возникает поздно — в XIV в. Для быстрого развития московского летописания имел большое, даже определяющее, значение общеизвестный исторический факт — кафедра митрополитов с начала XIV в. стала находиться в Москве. А именно русские митрополиты на протяжении всей истории были главными инициаторами ведения летописей. На Руси традиционно существовало митрополичье летописание, при создании которого записывались события, происходившие на территории всей митрополии, независимо от государственной принадлежности отдельных ее частей (с XIII в. по XV в. при одном церковном центре было несколько политических). Московское летописание сыграло не последнюю роль в формировании взгляда на Москву как на центр православия.

Изучением московского летописания занимались многие исследователи, среди которых следует отметить Н. М. Карамзина, А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, М. Н. Тихомирова и др. В последние десятилетия историей московского летописания занимается Л. Л. Муравьева — автор единственной монографии по этой теме.

Первые погодные записи начали вестись в Москве в 1310–1320-е гг. при митрополичьей кафедре, предположительно, в Успенском соборе Кремля. Основными источниками при восстановлении истории московского летописания XIV в. служат летописи — Троицкая, Симеоновская, Воскресенская, Никоновская и др. Наиболее важные — Троицкая и Симеоновская.

Троицкая летопись — одна из трех русских летописей, написанных на пергамене. Она сгорела во время пожара в Москве в 1812 г. Ее содержание известно нам достаточно полно. Первоначальная ее часть была опубликована до пожара;

Первый общерусский свод 1408 г. («Троицкая летопись»)
по М. Д. Приселкову*

* Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 203, рис. 4.

Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» (и тексте и особенно в примечаниях) очень широко привлекал этот памятник (он во время работы находился у него дома); и, главное, текст его сходен с текстами Симеоновской летописи (с 1177 г.) и Летописца Рогожского (с 1328 по 1375 г.). Используя эти источники, текст Троицкой летописи восстановил М. Д. Приселков (опубликован в 1950 г.). И Троицкой летописи (на телячьей коже, 371 лист) изложение событий доведено до 1408 г., поэтому в литературе ее текст иногда называют летописным сводом 1408 г. Памятник **этот** был составлен в начале XV в. при митрополичьем дворе на основе предшествующих летописей, одна из которых упомянута в тексте — «Летописец великий русский» (доведен до «князя нынешнего», то есть до Василия I — 1389–1425 гг.). Д. А. Шахматов, анализируя текст Троицкой летописи, предположил, что первые московские летописные своды были составлены в 60-е и 80-е гг. XIV в. Некоторые исследователи создание первого московского летописного свода относят к более раннему времени — к 40-м гг. или даже к началу XIV в.

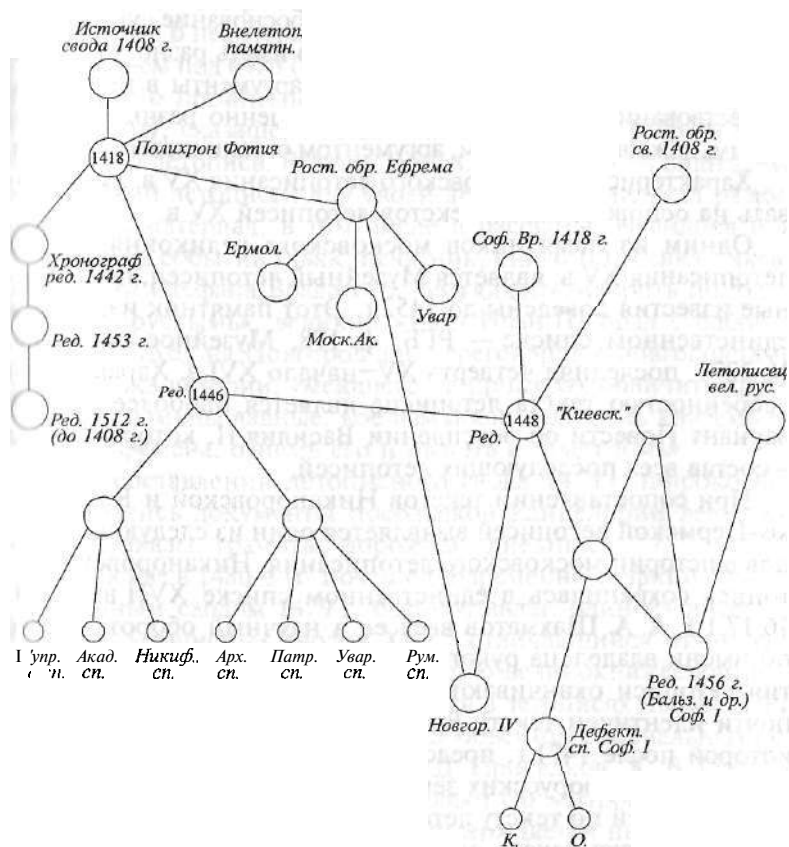
Троицкая летопись открывает новую страницу в истории московского летописания. Ее создание зафиксировало политическую реальность, сложившуюся на Руси к началу XV в. — Москва становится центром политической жизни страны, объединяет усилия по освобождению от татаро-монгольского ига, пробуждает национальное самосознание русского народа. Троицкая летопись была положена в основание всего последующего летописания XV–XVI вв., как московского, так и общерусского.

Обращаясь к изучению истории московского летописания XV в., исследователь должен действовать несколько по-другому. Если любой летописный центр до XV в. характеризовался на основе созданных в нем летописных сводов (гипотетичность в основе всех построений), так как от первых четырех веков истории русского летописания не сохранилось почти ни одного памятника в первозданном виде, то начиная с XV в. исследователь имеет дело с летописными памятниками, которые представлены рукописями этого же века. Многие исследователи по инерции продолжают выявление летописных сводов в летописании XV в. и последующих веков, забывая, что на первый план должен быть вынесен вопрос об обстоятельствах создания той или другой

рукописи с летописным текстом. Русское летописание XV–XVI вв. пестрит обилием летописных сводов, реальные же летописи подчас теряются в обилии гипотез и догадок. Главное внимание исследователь должен уделять обстоятельствам создания рукописи с летописным текстом. Вопросы палеографического, кодикологического анализа должны в значительной мере становиться фундаментом текстологических наблюдений. Нечеткость в постановке этого вопроса приводит к очевидной путанице, например, в некоторых исследованиях последний этап создания Троицкой летописи (текст ее доведен до 1408 г.) иногда называют летописным сводом 1408–1409 г., что принципиально неверно. Летописный свод — это гипотетический этап в истории текста той или иной летописи, а Троицкая летопись — реальный памятник.

В исследовательской литературе московское летописание XV в. предстает перед нами в двойственном виде: с одной стороны — целая серия летописных сводов (1408–1409 г., 1422 г., свод Фотия, 1448 г., 1456–58 гг., 1460 г., 1472 г., 1477 г., 1479 г., 1480 г., 1493–1494 г.), с другой — реальные летописи XV в. (Троицкая, Новгородская четвертая, Софийская первая, Никаноровская, Ермолинская и др.). Подобная двойственность характеристики московского летописания приводит к тому, что гипотетические этапы оказываются более важными, чем создание реальных летописей. Ярким примером подобного положения дел может служить летописный свод 1448 г., обоснование существования которого основывается на трактовке только одной выкладки лет, других аргументов не существует. Эта выкладка лет читается в текстах Новгородской четвертой и Софийской первой летописях под 1380 г. : «Благовещенье бысть в Великъ день, а первее сего было за 80 и за 4 годы, и потомъ будетъ за 80 без лѣта, потомъ за 11 лѣтъ» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 454). На основе прочтения данного фрагмента лет и была получена дата создания летописного свода — 1448 г. Суть выкладки лет заключается в следующем: день Пасхи (Велик день) каждый год изменяется, а день Благовещения — постоянный — 25 марта, поэтому временами день Пасхи совпадает с днем Благовещения. Первая часть выкладки указывает на совпадение Пасхи и Благовещения в 1380 г., далее говорится, что подобное совпадение дней было в 6804 (1296) г. и будет в 6967 (1459) г.

Полихрон 1418 г. и последующие митрополичьи своды по М. Д. Приселкову*

* Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. Г. 229, рис. 5.

Все это полностью соответствует действительности. Последняя же часть выкладки — «а потомъ будетъ за 11 летъ» I многовариантна. А. А. Шахматов, например, считал, что летописец работал за И лет до 6967 (1459) г., то есть в 1448 г.

На этой выкладке лет пришлось остановиться подробно прежде всего из-за важности свода 1448 г. в истории русского летописания XV в. У некоторых исследователей он оказывается центром всего летописания XV в. Но обоснование существования любого летописного свода должно иметь разносторонний характер, причем необходимо, чтобы аргументы в пользу его существования находились бы с совершенно разных сторон; одним, даже выигрышным, аргументом ограничиваться нельзя.

Характеристику московского летописания XV в. лучше давать на основе истории текстов летописей XV в.

Одним из памятников московского великокняжеского летописания XV в. является Музейный летописец, где погодные известия доведены до 1452 г. Этот памятник известен в единственном списке — РГБ, ф. 178, Музейное собрание, № 3271, последняя четверть XV—начало XVI в. Характерной особенностью текста летописца является наиболее ранний вариант Повести об ослеплении Василия II, которая вошла в состав всех последующих летописей.

При сопоставлении текстов Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей выявляется один из следующих этапов в истории московского летописания. Никаноровская летопись сохранилась в единственном списке XVII в. (БАН. 16.17.1.). А. А. Шахматов ввел ее в научный оборот, назвав по имени владельца рукописи — игумена Никанора. Известия летописи оканчиваются 1471 г., до этого года текст ее почти идентичен тексту Вологодско-Пермской летописи, в которой после 1471 г. представлены в основном известия о Вологде и северорусских землях. В Никаноровской, как и в близких к ней по тексту летописях, была проведена промосковская правка текста основного источника — Софийской первой летописи старшей редакции. Правка касалась сокращения и редактирования новгородских известий, например, выражения новгородских летописей «князя изгнаша» или «выгнаша» заменили на «князь изыде» или «выеха».

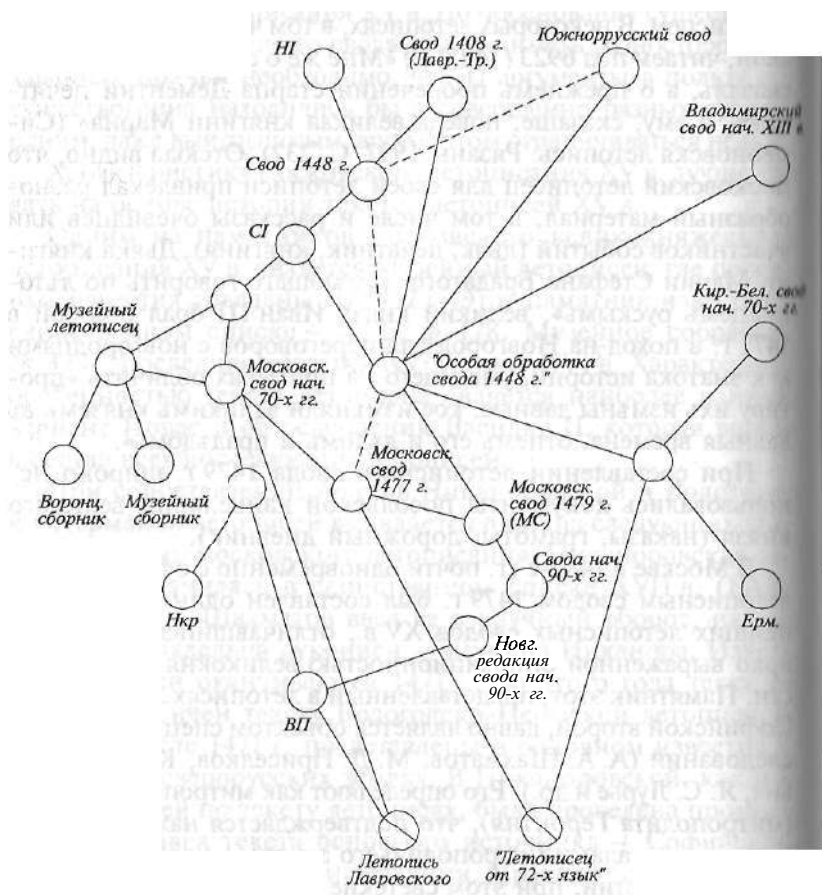
В 1479 г. в Москве был составлен великокняжеский летописный свод, который лег в основу всего официального летописания конца XV—XVI в. Он представлен в следующих лето-

ниях: Архивской (РГАДА, ф. 181, № 20/25), Воскресенской, Новгородской Дубровского, Московском великокняжеском своде конца XV в. В этом своде еще более резко осуждаются новгородские вольности. О новгородском обычае менять князей говорится: «таков бо бе обычай оканных смердов изменников». В составлении этого летописного свода принимал какое-то участие дьяк Стефан Брадатый, А. А. Шахматов считал его летописцем. В некоторых летописях, в том числе и в Симеоновской, читаем под 6923 (1425) г.: «Мне же о семъ Стефанъ дьякъ сказасть, а о прежнемъ проречении старца Дементии печатникъ, а ему, сказаше, поведи великаа княгини Мариа» (Симеоновская летопись. Рязань, 1997. С. 232). Отсюда видно, что московский летописец для своей летописи привлекал разнообразный материал, в том числе и рассказы очевидцев или участников событий (дьяк, печатник, княгиня). Дьяка княгини Марии Стефана Брадатого, «умьющаго говорить по летописцемъ рускимъ», великий князь Иван III брал с собой в 1471 г. в поход на Новгород для переговоров с новгородцами. Как знатока истории, умеющего на примерах обличить «прошву ихъ измъны давные, кое измъняли великимъ княземъ въ давныя времена, отцемъ его и дѣдомъ и прадѣдомъ».

При составлении летописного свода 1479 г. широко использовались документы посольской канцелярии великого князя (наказы, грамоты, дорожный дневник).

В Москве в 1480-е гг. почти одновременно с официальным летописным сводом 1479 г. был составлен один из интереснейших летописных сводов XV в., отличавшийся от прочих резко выраженной оппозиционностью великокняжеской власти. Памятник этот, представленный в летописях Львовской и Софийской второй, давно является объектом специальных исследований (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, К. В. Базилевич, Я. С. Лурье и др.). Его определяют как митрополичий свод (митрополита Геронтия), что подтверждается находящимися и нем материалами митрополичьего архива, множеством церковных известий, при этом светские известия носят характер разоблачений. Появление подобного оппозиционного свода связано с конфликтом между великим князем Иваном III и митрополитом Геронтием. «Распря» возникла из-за вопросов церковного богослужения, в которой победил митрополит. В оппозиционный свод 80-х гг. включено несколько житийных повестей, автором которых был дьяк Родион Кожух. Под

Схема происхождения Никаноровской,
Вологодско-Пермской летописей
 и Московского свода 1479 г.
 по Я. С. Лурье*

6968 (1460) г. в Львовской и Софийской второй летописях читаем: «Творение Родиона Кожюха, диака митрополича». Часть исследователей предполагает, что именно дьяк Родион Кожуха и был составителем летописного свода 80-х гг.; другие инвертируют о создании его при Успенском соборе в Кремле.

Отличие оппозиционного свода 80-х гг. от великокняжеского свода 1479 г. наглядно видно при сравнении описаний **Оних** и тех же событий. А. Н. Насонов одним из таких примеров считает известия 6963 (1455) г. (Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969. С. 307—308):

Великокняжеский свод 1479 г.

«Того же лета приходили татарове Седиахметевы кь Оцъ рецъ и перевезошася Оку ниже Коломны, а князь великы посла противу их князя Ивана Юрьевича со многими вои, сretoшася, и бысть им бой, и одолыша христиане татаром. Тогда убит бысть князь Семен Бабич, а не на суимъ, но притчею (то есть по случайности или по неудаче — А. Н.) нъкоею».

Свод 80-х гг. XV в. 6962 (1454) г.

«Того же лета приходилъ Солтанъ царевичъ, сынъ Сиди-Ахметевъ, съ татары кь рьцъ Оцъ, и перелъзши Оку рьку и грабили, въ полонъ имали, и прочь ушли, а Иванъ Васильевичъ Ощера стоялъ съ коломенскою ратью да ихъ пустилъ, а не смълъ на нихъ ударитися; то слышавъ князь велики посла на нихъ дътеи своихъ, Ивана да брата его князя Юрия, со множествомъ вои противу оканныхъ, та же и самъ князь велики поиде ихъ противу; они же видѣвши силу велику возвратишася вспять, гнѣвомъ божиимъ гоними, и Федоръ Басенокъ, дворъ великого князя, татаръ билъ, а полонъ отъимаъ; тогда убиша князя Семена Бабича».

Если по версии официальной воевода Иван Юрьевич Патрикеев побил татар, то по версии оппозиционной боярин Иван Васильевич Ощера пропустил татар, не посмев с ними

сразиться. Трусость боярина Ивана Васильевича Ощеры в борьбе с татарами разоблачается и при описании событий ? 1480 г. (стояние на реке Уфе). В летописном своде 80-х гг. XV в. находится пространный рассказ о строительстве Успенского собора в Кремле и о его зодчем — итальянце Аристотеле Филаретовиче. Летописи, где даны различные оценки одному и тому же событию — прекрасный материал для характеристики политических группировок, существовавших в окружении великого князя Московского.

Сокращенные летописные своды конца XV в., представляющие официальное московское великокняжеское летописание, известны в трех видах (Соловецкий, Погодинский, Мазуринский). В их основу был положен северорусский (Кирилло-белозерский) летописный свод 1472 г., представленный также в Ермолиной летописи. Основанием летописной части Русского хронографа послужил один из Сокращенных летописных сводов конца XV в.

В конце XV в. интенсивность составления новых летописных памятников явно увеличивается, чему особенно способствовала династическая борьба между представителями двух борющихся группировок — с одной стороны, внук Ивана III Дмитрий и его мать Елена, с другой, его сын от второго брака Василий и его мать Софья Палеолог. Эта борьба отразилась, например, в летописной части Хронографа Сергея Кубасова, самый ранний этап в истории этого текста приходится на начало XVI в.

Издания: ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949; Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950; ПСРЛ. Т. 27. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л., 1962. С. 163-67.

Литература: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М.; Л., 1938; Приселков М. Д. История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940; Насонов А. Н. История русского летописания XI-начала XVIII в. М., 1969; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV-XV вв. Л., 1976; Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси конца XIII-начала XV века. М., 1983. Гл. 3.; Муравьева Л. Л. Московское летописание второй половины XIV-начала XV века. М., 1991; Зиборов В. К. К вопросу о династической борьбе в конце XV-начале XVI в. // Генезис развития феодализма в России. Вып. 9. Л., 1985. С. 125-131.

Глава четвертая

Летописание XVI–XVIII вв.

Завершающий период истории русского летописания включает в себя две самые крайние точки в его развитии — небывалый подъем летописного дела в XVI в. «меняется постепенным спадом многовековой летописной традиции и полным исчезновением летописания в XVIII в. Прекращение ведения летописей в какой-то степени было укорено петровскими реформами, положившими в основание многих явлений нашей культуры опыт Западной Европы. Четко указать временной рубеж, после которого летописи исчезают полностью на сегодняшний день затруднительно и (за слабой изученности русских исторических памятников XVIII в. Одной из причин прекращения ведения летописей, по крайней мере, в Москве была отмена патриаршества (последний патриарх Адриан умер в 1700 г.), так как именно русские патриархи были главными инициаторами и заказчиками летописей наравне с русскими царями.

1. Московское летописание XVI–XVII вв.

Во второй половине XV в. произошли события, имевшие огромное значение для всей дальнейшей истории России. Падение Константинополя 1453 г. определило ведущую роль России в православном мире. В 1480 г. (стояние на реке Уфе) был положен конец многовековой зависимости от татарско-

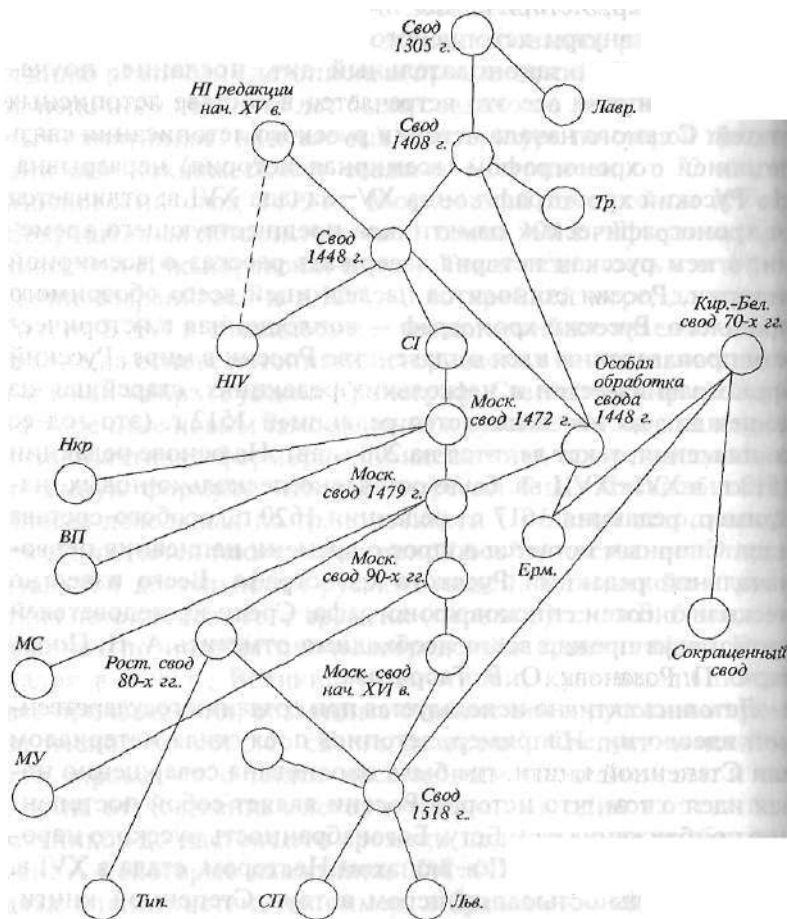
го засилья. К концу века почти все земли северо-восточной Руси объединились вокруг одного центра — Москвы. Россия стала государством, от которого зависело решение многих вопросов общеевропейского уровня. Новое положение потребовало и нового государственного самосознания, в формировании которого русское летописание заняло одно из ведущих мест. Прежде всего активизировалась работа по созданию различных летописных произведений. К концу XV в. за неполные двадцать лет было создано до десятка летописных памятников, называемых в литературе по старой традиции великокняжескими сводами • (Летописец от 72 язык, Московский свод 1479 г., Московский свод конца XV в., Сокращенные летописные свод конца XV в., Летописи Архивская и Никаноровская и т. д.). Такая активность в летописании сохранилась и в XVI в., по крайней мере, до конца 70-х гг. В XVI в. появилось и совершенно новое явление — создание на основе летописей исторических памятников иного типа или жанра (Русский Хронограф, Степенная книга). Одухотворенные новым самосознанием русские летописцы и правители активно формировали идеологию, воплотившуюся в чеканную формулу: Москва — третий Рим. Масштабность, иногда доходящая до грандиозности (Лицевой летописный свод), является также характерной особенностью интеллектуальной деятельности русских людей, в том числе и русских летописцев этого времени (первая русская Библия, созданная по инициативе новгородского архиепископа Геннадия в 1499 г., Великие четьи-минеи, куда вошли почти все произведения, созданные славянским и русским миром за несколько сот лет своего развития). Следует отметить, что справиться с таким масштабным наследием так и не смогла отечественная историография: ни один из этих памятников до настоящего времени полностью не опубликован. А некоторые памятники XVI–XVII вв. мало известны даже специалистам, например, в буквальном смысле пудовая (очень большой и тяжелый фолиант) «Икона», где в различных материалах представлена деятельность русских патриархов XVII в.

Главным летописным центром становится Москва, по заказу царей и патриархов в столице и в различных монастырях создаются все наиболее значительные памятники летописания.

На основе летописей, как уже отмечалось, создаются совершенно новые исторические произведения. Русская летопись I, с точки зрения литературного жанра — явление весьма «южное». В составе почти любой летописи присутствуют произведения почти всех литературных жанров, иногда эти жанры, например, историческая повесть, зарождались и формировались внутри летописного текста. Повесть, сказание, житие, грамота, законодательный акт, послание, поучение, хождение — все это встречается в составе летописных текстов. С самого начала истории русского летописания связь летописи с хронографом (всемирная история) неразрывна. Русский хронограф конца XV—начала XVI в. отличается от хронографических памятников предшествующего времени; в нем русская история завершает рассказ о всемирной истории, Россия становится наследницей всего обозримого прошлого. Русский хронограф — воплощенная в историческом произведении идея о главенстве России в мире. Русский хронограф известен в нескольких редакциях, старейшая из дошедших до нас называется редакцией 1512 г. (это год ее составления, текст делится на 208 глав). На основе редакции 1512 г. в XVI—XVII вв. было оставлено несколько новых, например, редакция 1617 г., редакция 1620 г., особого состава и др. Спорным остается вопрос о времени написания первоначальной редакции Русского хронографа. Всего известно несколько сотен списков хронографа. Среди исследователей хронографа прежде всего необходимо отметить А. Н. Попов, С. П. Розанова, О. В. Творогова.

Летопись активно используется при создании государственной идеологии. Например, летопись послужила материалом для Степенной книги, где была обоснована совершенно новая идея о том, что история России являет собой постепенное приближение ее к Богу. Богоизбранность русского народа, заявленная еще в XI в. монахом Нестором, стала в XVI в. полной реальностью под пером автора Степенной книги, представившего историю России в виде ступеней, ведущих ее к Богу. Произведения, создававшиеся на основе русских летописей в XVI в., имели одно довольно существенное отличие от летописей: все они создавались автором на одном дыхании, отсюда единый замысел и единая манера письма. Для летописи же не характерно наличие одной, всеобъемлющей идеи.

Основные взаимоотношения между
общерусскими летописями XIV–XV вв.
по Я. С. Лурье*

Идеи, сформулированные и воплощенные в исторических произведениях XVI в., были и остаются реальностью в общественном самосознании русских людей. Исторические памятники XVI в., в том числе и летописи — вершины средневековой русской историографии.

Инициаторами создания многих летописных памятников, Начиная с XIII в., были митрополиты. От XV в. сохранились прямые указания на ведение летописей при дворе митрополитов. Например, у В. Н. Татищева о митрополите Киприане (годы жизни ок. 1330—16. X. 1406) сказано: «книги своею рукою пишаше... летопись русскую от начала земли Руския вся по порядку... повеле Игнатию Спасскому докончати, яко и соблюдох». В окружении митрополита Геронтия (умер 1489 г.) был князь Родион Кожух, большой знаток русских летописей.

В русском летописании XV в., судя по работам А. А. Шахматова и А. Н. Насонова, митрополичьи своды наравне с великокняжескими появляются систематически: 1408 г., 1418 г. (Полихрон), 1446 г., свод митрополитов Фодосия-Филиппа, 1489 г. и т. д.

Традиция ведения летописей при дворе митрополитов, а в 1589 г. — патриархов, не только сохранилась в XVI—XVII вв., но даже стала обязательной.

Одним из митрополичьих летописных сводов XVI в. был свод 1518 г., отразившийся в Львовской и Софийской второй летописях, текст которых, по наблюдениям А. А. Шахматова, идентичен с конца XIV в. по 1518 г. Некоторые исследователи (например Я. С. Лурье) считают этот свод не митрополичьим, а неофициальным монастырским. Бесспорно митрополичьей является Иоасафовская летопись, составленная при митрополичьей кафедре в конце 1520-х гг., в ней изложены события 1437—1520 гг. Свое название она получила по имени митрополита Иоасафа (умер в 1555 или 1556 г.), известного книжника и писателя, которому эта летопись принадлежала.

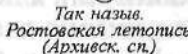
Также бесспорно митрополичьей является одна из самых значительных летописей XVI в. — Никоновская летопись, первая редакция которой была составлена в 20-е гг. при митрополите Данииле (1522—1539 гг.). Летопись названа по имени патриарха Никона, которому принадлежал один из ее списков. История данного текста в рамках XVI—XVII вв. обстоятельно восстановлена Б. М. Клоссом в его монографии.

Почти каждый этап в истории текста Никоновской летописи представлен рукописью, сохранившей оригинал работы ее составителя. Так, например, первоначальный этап — 20-е гг. XVI в. — представлен списком М. А. Оболенского (РГАДА, ф. 201, № 163).

Самая обширная из всех известных летописей — Никоновская летопись — является уникальным памятником русского летописания; в его состав были включены разнообразные произведения: летописи, сказания, повести, жития святых, архивные документы. Летописными источниками Никоновской летописи были следующие летописи: Симеоновская, Иоасафовская, Новгородская Хронографическая и др. При составлении памятника все составляющие материалы подверглись единовременной литературной и идеологической обработке, что характерно для многих произведений XVI в. Многие актуальные для начала XVI в. вопросы получили отражение в тексте этой летописи, например, право владения землей монастырями, союз духовной и светской властей, борьба с ересями и т. д. Предполагается, что митрополит Даниил был не только инициатором создания летописи, но и ее редактором-составителем. Во второй половине 50-х гг. XVI в. Никоновская летопись была дополнена текстами Воскресенской летописи (вторая после Никоновской по своему объему и значению летопись XVI в.) и Летописца начала царства (изложены известия 1533–1552 гг.), в результате чего получился текст самой объемной русской летописи (Патриарший список сохранился в подлиннике — БАН. 32.17.8.).

В 60-е гг. XVI в. на основе Патриаршего списка создавалась Степенная книга — оригинальный памятник русской историографии (известно 136 списков). Предполагаемым автором Степенной книги был митрополит Афанасий (в миру Андрей), возглавлявший русскую церковь с 1564 г. по 1566 г. Текст ее, написанный в единой литературной манере, доводит изложение событий до 7068 (1560) г. Рассказ о русской истории ведется по степеням. Например, 16 степень имеет следующий заголовок: «Степень шестынадесять и грань шестынадесять въ немъ же митрополиты два: Варлаамъ и Даниль. Главъ же имать 25». Следует отметить, что характерное для летописей погодное изложение событий отсутствует, текст ее разделен на степени, грани и главы (всего 17 степеней). Ядром

по Я. С. Лурье'

каждой степени является биография правящего князя, со провождаемая произведениями о митрополитах и святых, Текст Степенной книги объединен идеей, изложенной до вольно витиевато в обширном заголовке : «Книга степенна царского родословия, иже в Рустей земли в благочестии просиявших богоутвержденных скипетродержателей, иже бяху от Бога, яко райская дровеса насаждени при исходящих вод, и правоверием напаяеми, богоразумием же благодатию возрастаеми, и божественною славою осияваеми явишася, яко сад доброраслен и красен листвием и благоцветущ; многоплоден же и зрел и благоухания исполнен, велик же и высокъ-верх и многочадным рождением, яко светлзрачными ветми разширяем, богоугодными добродетельми преспеваем; и мнози от корени и от ветвей многообразными подвиги, якс златыми степенми на небо восходную лествицу непоколеблемо водрузиша, по ней же невозбранен к Богу восход утвердиша себе же и сущим по них»(Цит. по ст.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 74-75 Н. Н. Покровского «Афанасий»).

Автор Степенной книги своего имени не сообщил (анонимность — правило древнерусской литературы, которое, правда, имело исключения), но косвенные указания на автора в тексте есть. В 21 главе 15 грани («О явлении на воздухе святого великаго князя Александра Невского и о пожаре»), сообщается, что автор, находясь в Казанском походе, получил исцеление от гроба Александра Невского, а в Лицевом летописном своде (Шумиловский список) указано имя эго человека — «Афонасий сигтел Благовещенский». Из биографии митрополита Афанасия известно, что он, будучи протопопом придворного Благовещенского собора, участвовал в Казанском походе. Можно предположить, что автор Степенной книги если и не выполнял прямой заказ Ивана IV, то создавал ее именно для него — первого русского царя и его потомков. По мнению А. В. Сиренова частично сохранился черновик Степенной книги (Волховский список). Среди исследователей Степенной книги прежде всего необходимо отметить П. Г. Васенко.

Время Ивана Грозного в истории русского летописания занимает особое место. В период его правления по заказу царя, а иногда и при личном его участии создается целый ряд уникальных памятников русского летописания. Кроме

< 'тепной книги, это Патриарший список Никоновской летописи, Летописец начала царства, Казанский летописец и грандиозный Лицевой летописный свод. Первое, на что обращается внимание при ознакомлении с этими памятниками, это их объем (монументальность) и четкие идеологические установки. Русские авторы, одухотворенные своим осознанным первенством в истории человечества, создают такие произведения, которых больше не будет в письменной культуре России. Некоторые их идеи остались неосуществленными, но в своем провидении великого будущего России они оказались правы. Таким образом, русские летописцы XVI в. не только историки своей страны, но и мыслители, провидцы. Знание их трудов обязательно имя каждого русского человека, как знание книг Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

Одним из исторических произведений, в создании которого принимал участие Иван Грозный, был Лицевой летописный свод, который исследователи называют «самым крупным летописно-хронографическим произведением средневековой Руси». Этот памятник дошел до нас в 10-и томах, каждый лист каждого тома украшен миниатюрой, общее количество миниатюр — более 16 000. Этот уникальный памятник русской письменной культуры создавался в течение нескольких лет с 1568 г. по 1576 г. в Александровской слободе. Предполагается, что царь принимал участие в редактировании его текста. В Лицевом летописном своде, подобно Русскому Хронографу, рассказ о всеобщей истории завершают русские события, тем самым Россия является преемницей всемирной истории. Изложение событий доведено до 1568 г., работа над последним, десятым томом по невыясненным причинам была внезапно прервана (рисунки этого тома не раскрашены). Основными источниками Лицевого свода были Еллинский и Римский летописец 2-ой редакции (русское хронографическое произведение второй половины XV в.), «История иудейской войны» Иосифа Флавия, Никоновская летопись, дополненная материалами Русского Хронографа и Воскресенской летописи. Одним из источников последней части был Летописец начала царства, где подробно изложены события русской истории 1533–1552 гг. Эта последняя часть Лицевого летописного свода называется Царственной книгой, в ней изложены события 1533–1568 гг.

Казанский летописец. Рукопись XVII в.
Миниатюра. Иван IV Грозный на коне.

В создании Летописца начала царства (полное название — «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси»), принимал участие А. Ф. Адашев. Некоторые исследователи считают его автором Летописца (события 1533—1552 гг.), так как в его текст включены проекты его реформ.

При Иване Грозном был создан и Казанский летописец (или История о Казанском царстве), возникший в связи с присоединением Казани к Москве в 1552 г. Этот Летописец являет собой новый тип исторического произведения, ставшего популярным в русской литературе XVI—XVII вв., который можно определить как *историческую повесть*. В повестях освещается только часть истории России или земель, с ней граничивших, авторы их отказываются от погодного изложения событий. Для таких повестей характерна одна идея, которую автор развивает на протяжении всего произведения. И Казанском летописце это борьба с татарами. Автор рассказывает об истории Казанского ханства и доводит изложение до 1552 г. (текст делится на 50 глав). Казанский летописец весьма сложный памятник, как по содержанию (историко-публицистическое и одновременно художественное произведение, вобравшее в себя почти все жанры древнерусской литературы), так и по истории текста (более 300 списков XVI—XX вв., подразделяющиеся на 10 редакций). Автор Казанского летописца неоднократно упоминает о себе в тексте, но при этом его имени мы не знаем. Судьба его была трагична: двадцать лет он провел в плену в Казани, служа при дворе хана, был вынужден принять мусульманство, а после освобождения снова крестился. Человек широкого исторического кругозора, внимательный к деталям окружающего его мира, весьма начитанный и, несмотря на долгую неволю, а, может быть, и благодаря этому, неукротимый патриот своей родины. Он создал столь совершенное произведение, что оно стало одним из наиболее читаемых на Руси. Об обстоятельствах создания Летописца и его источниках автор говорит следующее: «...о первомъ зачале царства Казанского, въ кое время, како зачася, не обретохъ въ летописцехъ Рускихъ, но мало въ Казанскихъ видехъ; много же речью пытахъ ото искуснейшихъ людей Рускихъ, и глаголаше тако инъ и инако, ни единъ же повѣдая истинны» (ПСРЛ. Т. 19. М., 2000. Стб. 3). Многие события он описал как очеви-

дец, например, рассказав о притеснениях и издевательствах татар по отношению к русским пленникам, он замечает: «Есмь самъ видехъ очима своима — пишу сия, видехъ горкую беду сию» (Стб. 47).

Степенная книга, Летописец начала царства, Казанский летописец, порожденные многовековой летописной традицией, не порвали с ней, а стали объединяться с летописями в разных комбинациях в компиляциях XVII в.: Степенная книга и Русский Хронограф, хронограф и летопись, летопись и Казанский летописец и т. д.

Одновременно с летописью сосуществовали другие жанры исторических произведений, порожденные летописанием. Если до этого летописание занимало ведущее место в отечественной историографии, то теперь оно стало лишь одним из направлений в развитии исторической мысли. Исследователи этот новый этап в истории русского летописания первоначально восприняли как его конец. Устами лучшего знатока русского летописания А. А. Шахматова было заявлено, что ведение русских летописей к концу правления Ивана Грозного прекращается. Как показало более глубокое изучение памятников XVI–XVII вв. русское летописание продолжало развиваться. О ведении летописей в XVII в. даже в XVIII в. писали А. Н. Насонов и М. Н. Тихомиров и др. Как выяснилось, например, работа над Лицевым летописным сводом продолжалась и в правление царя Федора Ивановича (С. О. Шмидт). Одним из достижений отечественной исторической науки последних десятилетий является исследование В. И. Корецкого, посвященное изучению летописания конца XVI–начала XVII в., то есть тому периоду, которого, по мнению предыдущих исследователей, якобы не существовало. В этот период создавались неофициальные летописи времен опричнины и частные боярские летописцы, продолжалось ведение митрополичьего летописания, делались первые шаги патриаршего летописания. В то же время можно говорить об определенном спаде в летописной работе: не было создано ни одного масштабного памятника. Скорее всего, этот спад был связан с политической ситуацией в стране, точнее, с политической нестабильностью, порожденной сменой правящей династии. Борьба разных претендентов на Российский престол не способствовала появлению масштабных исторических произведений, каковыми яв-

няются летописи. Смутное время было смутным не только *идя* жизни государства, но и для письменной культуры. Характерно, что повести о Смутном времени появляются спустя десятилетие после бурных событий. Любая летопись в момент ее написания подразумевает стабильность политической ситуации, позволяющей ее автору осмыслить прошлое в истории государства.

Как только новая династия Романовых почувствовала себя устойчиво на царском троне, так сразу же по инициативе отца царя Михаила Федоровича, патриарха Филарета, был создан в 1630 г. (между 14 июля и 1 сентября) один из крупнейших памятников русского летописания — Новый летописец («Книга глаголемая Новый летописец»). В нем описываются события русской истории с традиционным погодным изложением от времен Ивана Грозного до 1630 г. Текст Нового летописца разделен на 422 главы. История его текста имеет еще много неразрешенных вопросов, в том числе и вопрос об авторстве. До нас дошло большое количество списков памятника. Источники Нового летописца разнообразны: Утвержденная грамота 1613 г., документы Смутного времени, «История» Авраамия Палицына, различные сказания и повести, Русский Хронограф, Степенная книга и др. Новый летописец активно использовался при создании других исторических произведений как в Москве, так и в других городах. Существует большое количество продолжений и переработок Нового летописца, что говорит о его большой популярности.

Новый летописец, созданный по повелению патриарха Филарета, открывает собой серию летописных памятников так называемого патриаршего летописания. Особенно активно велась летописная работа в патриаршем скриптории при последних русских патриархах: Летопись 1619—1691 г., Летопись 1686 г., Летопись 1696 г., Патриаршие летописные своды 1670 г. и 1680 г. Авторы или составители большинства памятников неизвестны, но имена некоторых из них выявлены. Например, создание патриаршего летописного свода 1670 г. приписывается Варлааму Палицыну — келарю Московского Чудова монастыря (патриарший монастырь). Варлаам Палицын при создании своей обширной исторической компиляции использовал многие произведения: Никоновскую летопись, Русский Хронограф, Новый летописец, Хронику Мартина Вельского и др.

В патриаршем скриптории Чудова монастыря работал и другой составитель летописи — Исидор Сназин (из новгородских детей боярских, конец XVII в.), автор Мазуринского летописца. О его участии в создании этого летописца узнаем из текста летописной статьи 6745 (1237) г., где он в рассказе о нашествии Батыя замечает: «И инии князи многии от него безбожнаго побиты, и грады мнозии рустии пойманы и вырублены, и разорены, и град Киев взят, и Москва, и Володимир, а подлинно обо всем ево похождении и о войне писано в другом летописце, в моем же, Сидора Сназина». (ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 68). Изложение событий в Мазуринском летописце доведено до 7190 (1682) г. Последний год описан особенно подробно, описание ведется по дням. Исидор Сназин был сподвижником патриарха Иоакима в его борьбе со старообрядцами, поэтому он уделяет событиям этой борьбы много внимания, донося до читателя различные подробности: «Лето 7190-го... Июля в 5 день приходили в город в Верх невежеством большим в Грановитую полату на собор к светейшему патриарху Иоакиму и ко влаstem, и ко всему освещенному собору, и к бояром поп Никита Пустосвятов, что преже сего бывал в Суздале в соборной церкви, а был он в ссылке. А с ним приходили чернецы два приезжая неведомо откуда. Да к ним же пристали многая стрельцы и иных чинов люди, а приходили в верх в Грановитую полату, несли евангелие с евангелисты и книги, и налои. Прение у них было в Верху многое время о кресте, как креститьца. И с Верху пошли из Грановитой полаты золотою лесницею, несли евангелие и книги, и налои. И пришли на Лобное место, и на Лобном месте тот поп и чернецы евангелие чли и книги. Собралось к ним множество народа, и были на Лобном месте с час и пошли с книгами и с налои на стоялые свои дворы за Яуские ворота. И после того спустя с неделю попа Микиту Пустосвятова у Лобнова места казнили, голову отсеки, а чернецов сослали в сылку неведомо куды за их плутость. И ото всего освещеннова собору преданы они, плуты, проклятию» (ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 177).

В XVII в. летописи создавались не только в патриаршем скриптории или по повелению царя, очень часто их создавали частные лица (бояре, приказные и служилые люди). Были распространены и популярны фамильные летописцы, где жизнь той или иной персоны или история рода прописывались на фоне общерусской истории.

При царе Алексее Михайловиче была сделана попытка написания истории России в специально созданном государственном учреждении — Записном приказе. Приказ был учрежден 3 ноября 1657 г. и просуществовал до 1659 г. За это время сменилось два руководителя приказа (дьяки Тимофей Кудрявцев и Григорий Кунаков), но ни одной строчки не было написано.

По государеву заказу Ф. А. Грибоедов (умер в 1673 г.) со-
удал продолжение Степенной книги под названием «История о царех и великих князях земли Русской», где изложение русской истории доведено до 1667 г. Источниками «Ис-
ГОрии» Грибоедова были: Степенная книга, Русский Хронограф редакции 1617 г., Сказание Авраамия Палицына и др. Исторический труд Грибоедова использовался в качестве учебника по истории для царских детей, по нему русскую историю изучал и царевич Петр.

Первая русская печатная книга по истории России «Синописис» был настоящим учебником для многих поколений русских людей (первое издание 1670 г.). Предполагается, что автором-составителем его являлся архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель (1606—1683 гг.). Наибольшее распространение получило издание 1680 г. Это издание, представленное тремя разновидностями, легло в основу почти всех последующих перепечаток, и, по сравнению с первым изданием, расширено почти вдвое (в числе других дополнений было включено популярное древнерусское произведение Сказание о Мамаевом побоище). Основными источниками «Синописиса» были: «Хроника» Мацея Стрыйковского, Густынская летопись и другие летописи. В тексте «Синописиса» много «баснословий», особенно в ранней истории славян: само название «славяне» производится здесь от слова «слава», Александр Македонский, по мнению автора, не только знал о славянах, но и оказывал им помощь. Все внимание составителя обращено к событиям Киевской Руси, история Северной России представлена неполно. Популярность «Синописиса» была огромной: в течение XVII—XIX вв. он выдержал около 30 изданий. Только через 100 лет на смену ему пришел «Краткий Российский летописец» М. В. Ломоносова. Уже в XVII в. «Синописис» был переведен на греческий и латинский языки. Профессиональные историки по-разному оценивали значение «Синописиса»: одни считали его

чением для мещан (Н. И. Новиков), другие — «первым младенческим несвязным лепетом русской историографии у нас на севере и юге» (С. М. Соловьев), третьи — произведением, способствовавшим превращению исторических знаний в науку (С. Л. Пештич). Влияние «Синописа» на сознание русских людей бесспорно: почти все русские поэты и писатели XVIII в. черпали из него историческую канву своих произведений, а историки впервые знакомились с историей своей страны. «Синописис» являет собой пример того, как русские летописи, бывшие одним из его источников, продолжали оказывать влияние не только на деятельность профессиональных историков, но и на сознание подданных Российской империи.

Характерной особенностью многих русских летописей XVII в. стало появление в их текстах «новых» разнообразных известий о начальной нашей истории, отсутствующих в древнейших летописях. Очень часто исследователи полностью доверяют подобным сообщениям, что, конечно, неправильно. Перед тем как их использовать, необходимо выяснить обстоятельства их появления, что можно сделать только на основе воссозданной истории текста той или иной летописи. Например, в летописной части хронографа Сергея Кубасова (один из хронографов особого состава XVII в.) встречается известие о том, что легендарный князь Рюрик умер в городе Кореле. В результате проведенного археографического поиска выяснилось: самый ранний список летописного текста с этим известием относится к 30-м гг. XVII в. Если мы обратимся к событиям конца XVI—начала XVII в., то увидим, что г. Корела (шведское название Кексгольм, современное название Приозёрск) оказался в сфере влияния двух государств — Швеции и России. Вопрос о территориальной принадлежности г. Корелы и Корельской области был одним из спорных вопросов между двумя странами, г. Корела неоднократно переходил из рук в руки, пока по Столбовскому мирному договору 1617 г. он не был отдан «навечно» Швеции. Переговоры между Швецией и Россией о границах и спорных территориях продолжались и после 1617 г. Скорей всего летописный текст с известием о смерти князя Рюрика в Кореле был составлен в ходе этих переговоров, чтобы показать шведской стороне всю беспочвенность претензий на г. Корелу, так как этот город еще со времен Рюрика (легендар-

ими первый русский князь) принадлежал русским. Таким образом, когда речь идет о «новых» известиях в поздних летописях, необходимо выяснить время появления подобного известия и попытаться прежде всего соотнести его с событиями этого времени.

Издания. ПСРЛ. Т. 9–13. Никоновская летопись. М., 1965; ПСРЛ. Т. 14. Новый летописец. М., 1965; ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1–2. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908–1913; ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911; ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.

Литература: Васенко П. Г. Книга Степенная царского родословия и ее значение в древнерусской исторической письменности. <Пб, 1904; Кюсс Б. М. Никоновский свод и русское летописание XVI–XVII вв. М., 1980; Сиренов А. В. Степенная книга как исторический источник (редакции XVI–начала XVII в.). Автореф. к.и.н. СПб., 2001; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI–начала XVII в. М., 1986; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989; Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993; Богданов Л. П. Летописец и историк конца XIII века. Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994; Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. М., 1997; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975; Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984 (Царские летописцы).

2. Летописание Поморья

Поморьем или Поморскими городами в XVI–XVII вв. назывался обширный регион, куда входили земли от Вологды и Белоозера до Соловецких островов и Уральских гор. В истории нашего государства этот край занимает особое место. Входя в состав новгородских земель, его жители усвоили республиканские нравы и находились на высоком уровне культурного развития, этот край не знал ни татаро-монгольского засилья, ни в более позднее время крепостного права.

Летописи велись в следующих центрах этого края: Устюге, Вологде, Кирилло-Белозерском монастыре, Холмогорах, Соловецком монастыре, Сольвычегодске, Усть-Выме, Спа-

со-Каменном монастыре и др. Немаловажным фактором, благоприятствующим развитию разнообразных сторон культуры, в том числе и письменной, был бурный экономический рост этих земель в XVI–XVII вв., когда почти вся торговля с Западом шла через Холмогоры и Архангельск. В это время образуются новые центры епархий, а духовные главы епархий традиционно были инициаторами составления летописей. Например, в 1492 г. Вологда была включена в состав Пермской епархии и именно этим временем датируется список первой редакции Вологодско-Пермской летописи; при основании Архангельской епархии в 1682 г., особенно при первом архиепископе Афанасии, создаются разнообразные литературные произведения, в том числе и летописные.

Памятники летописания Поморья стали достоянием науки только в XX в., поэтому история этого летописания может быть представлена лишь в общих чертах.

Устюжское летописание

Устюжское летописание произошло от Ростовского — самого раннего летописания на северо-востоке России. Известно около 60 списков этого летописания. Устюг Великий входил в состав Ростовской епархии. И подобно тому, как летописание в Ростове велось в главном городском храме — Успенском соборе, в Устюге летописи составлялись при соборной церкви Успения. Начало ведения летописей в Устюге некоторые исследователи относят к концу XIII в., а другие — к середине или последней четверти XIV в. Высказано предположение, что в составе Устюжской летописи до нас дошел самый ранний летописный свод Древней Руси (предположение А. А. Шахматова и М. Н. Тихомирова, не получившее пока дальнейшего обоснования). Ранняя история устюжского летописания представлена прежде всего Устюжской летописью, известной науке еще с XVIII в. под разными названиями: Архангелогородский летописец (первое издание — 1781 г.), Устюжский летописный свод, Устюжский летописец. К тексту этой летописи обращались многие ис-

следователи (Н. М. Карамзин, А. А. Шахматов, М. Н. Тихомиров, Я. С. Лурье), но только в последнее время опубликовано специальное исследование К. Н. Сербиной, где центральное место занимает анализ этого памятника.

Известны четыре списка Устюжской летописи (XVII—XVIII вв.), которые делятся на две редакции: первая представлена одним списком (ИРЛИ. Древлехранилище, ф. отд. поступлений, оп. 23, № 134), вторая редакция — тремя списками (ГИМ, отд. рукописей, Синод. собр., № 965; ФИРИ РАН, колл. 115, № 148 (806); РНБ, собр. Погодина, № 1422). В первом списке известия доведены до 7128 (1620) г., в остальных — до 7106 (1598) г. Списки Устюжской летописи не имеют заголовка, их текст начинается прямо с первой даты русской истории: «В лето 6360. Начало Руския земли...». Условно текст Устюжской летописи делится на несколько частей: 1) 852–1114 гг., 2) 1124–1471 гг., 3) 1471–1516 гг., 4) с 1517 г. до конца. Основное содержание — общерусская история, среди известий встречаются уникальные, в других летописях отсутствующие, например, рассказ 1514–1515 гг. о взятии Смоленска, о битве под Оршой и др. Непосредственно устюжские известия начинают проследиваться во второй части летописи.

Анализ текста позволил К. Н. Сербиной нарисовать следующую картину истории устюжского летописания. Оно возникает в виде отдельных летописных записей, первая из них относится к 6798 (1290) г.: «Князь Дмитреи Борисович посла па Устюг владыку Тарасия свящати церковь великую Успение святыя Богородицы и послал с ним колокол пречистой. И священна бысть церкви на празник Успения месяца августа в 15 день» (ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 71). При церкви Успения летописные записи велись на протяжении нескольких веков вплоть до конца XV в., когда они впервые были оформлены в «книги» — официальные документы, использовавшиеся для наведения справок. Светские известия появляются в записях только с XV в.

Во второй половине XV в. активизация ведения летописи в Устюге была связана с тем, что город оказывался в центре многих политических событий. Особенно интересны описания различных походов в Приуралье и Сибирь, во главе которых находились устюжане. Летописные известия этого периода отличаются точностью датировок, вниманием к дета-

лям, красочностью языка; очень часто эти известия записывались со слов участников событий. Например, вот небольшой отрывок из описания похода русской рати на Казань в 6977 (1469) г.: «...пришли под Казань. А татаровя Волгу судами заставили. А великого князя силы мало. И начата на Волге битись в судах, за руки имаясь. Князь Данила и Никита Костянтиновича убили, а Петра Плещиева со многими товарищы полонили и в Казань свели. А Григорей Перхушков пробежал, не бився. А устюжане бились. А князь Василей Ухтомской бился ж и бил их, скачючи по судом, ослопом. И многих татар топили и с судами, занеже татаровя судно за судно вязали... И устюжан изгибло ПО человек, а татар безчисленно побили и потопили. И вся руския силы погибло 430 человек, побили и в полон свели. И князь великий многих из Орды выкупал. А устюжане, пришед к Нижнему к Новуграду, стояли три недели и послали бити челом великому князю, чтоб их государь пожаловал. И князь великий послал им дважды по денге золотой. И они обе денги отдали попу Ивану, кои с ними был под Казанью, а велели Бога молить за государя и за все воинство» (ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 47).

В начале XVI в. составляется наиболее значительный летописный свод в Устюге, известия которого оканчивались 1516/17 г. Этот свод близок общерусской летописи, известной под названием Сокращенный летописный свод конца XV в. (Погодинский — 1493 г., Мазуринский — 1495 г.). Возможно, что у этих памятников был общий протограф — Кирилло-Белозерский свод 70-х гг. XV в. Кроме устюжских известий в своде 1516/17 г. находятся известия общерусские, ростовские и новгородские. По терминологии А. Н. Насонова, этот свод можно назвать общерусской провинциальной летописью. За подробным описанием событий 1515 г., 1516 г. и 1517 г. следуют записи отдельных годов (1584, 1597, 1605, 1609, 1613, 1614, 1620). Кроме этого, на 20-е гг. XVI в. указывает один из источников Никоновской летописи с устюжскими известиями.

После составления летописного свода 1516/17 г. в Устюге Великом активной летописной работы не велось. Ведение летописных записей возобновилось в XVII в. Оно скорее всего связано с постройкой каменной соборной церкви в 7127 (1619) г. Во второй половине XVII в. была создана летопись, оканчивающаяся известиями 1677 г. Этот памятник называ-

стоя Летописцем 1679—80 г. Составитель главную цель своей работы видел в том, чтобы дать сведения об Устюге «будущим родом в вечное воспоминание». Вероятно, что составление Летописца было связано с учреждением новой епархии — Великоустюжской и Тотемской в 1682 г.

В 1746 г. в Устюге был составлен новый летописец, основным источником которого был предыдущий. Среди дополнительных источников Летописца 1746 г. находились записи о явлениях и чудесах основателя Устюжского Архангельского монастыря Киприана (время смерти Киприана указано с точностью до часа). Все это позволило предположить, что Летописец 1746 г. составлялся в Архангельском монастыре, а дата его составления — 1746 г. — указана в предисловии: «Ныне же переписася в Устюге Великом лета господня 1746» (кроме этого в двух списках известия доведены до 1746 г.).

Спустя 20 лет в Устюге был составлен Летописец Льва Вологодина, названный по имени его составителя. Известно 29 списков этого памятника. Сохранился подлинник Летописца (БАН, собр. текущ. пост., № 609), что является большой редкостью для более раннего времени, но в XVIII в. подобное встречается часто. Подлинник заверен самим Львом Вологдиным: «Сия книга, глаголемая Летописец Устюга Великого Успенского кафедрального собора священника Льва Яковлева сына Вологодина, которую сочинял, писал и подписывал своеручно в лето от сотворения мира 7273, а от Рождества Христова 1765 в Устюге Великом» (лл. 4—52). В тексте Летописца после краткого предисловия о себе автор сказал: «Ваш послушный раб и слуга Устюга Великого Успенского собора священник Лев». Летописец имеет следующий заголовок: «Летописец о великом граде Устюге, собранный и написанный в вечное воспоминание впредь будущим родом из разных рукописных харатейных книг и достоверных повествователей, в тыя лета и времена житие свое продолжающих, и от приемников их последи бывших и ныне настоящих самовидцев». В основу своей работы Л. Я. Вологдин положил Летописец 1746 г., дополнив его данными из разных книг, печатных изданий и архивов. Так, он использовал опубликованный в 1760 г. «Краткий Российский летописец с родословием» М. В. Ломоносова. В Летописце подробно сообщается о приездах и отъездах епископов Устюжских, по-

стройках, пожарах, церковные известия датируются с точностью до часа. Например, под 7256 (1748) г. сообщается о постройках, произведенных епископом Варлаамом, среди которых «... на каменом фундаменте на прибытие свое прехитро-стным художеством со всеми принадлежащими потребностями зделал низменные деревянные покои, которые внутри убраны немецкими дорогами и московскими манерными шпалерами, а извне кругом расцвечены со изображением эмблем» (ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 144–145).

Летописец Льва Вологодина пользовался большой популярностью у местных жителей. На основе его текста в XVIII–XIX вв. было создано несколько поздних устюжских летописцев: 1774 г. — Данилова, 1793 г. — К. Н. Фризе, летописец 20-х гг. XIX в., 1874 г. — Н. И. Суворова, 1901 г. — К. Н. Брагина, которые лишь условно можно отнести к летописным древнерусским памятникам.

Устюжское летописание являет собой пример многовековой письменной традиции, когда на протяжении нескольких столетий летописные записи велись в одном и том же месте — при церкви Успения.

Издания: ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XV–XVIII вв. Л., 1982.

Литература: Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985.

Летописание Вологды и других центров Севера

Самой ранней летописью Севера является Вологодско-Пермская летопись. Она представлена несколькими списками конца XV–XVII в., которые делятся на три редакции. Первая редакция составлена в конце XV в. (Лондонский список), вторая — в 20-е гг. XVI в. (Академический список), третья — в середине XVI в. (остальные три списка). Впервые в научный оборот летопись была введена А. А. Шахматовым. Он же от-

Меняет ее близость с Никаноровской летописью, так как в их основе лежит летописный свод 1472 г. Вологодско-Пермская летопись является в основной своей части общерусской, а с 1472 г. в ней появляется ряд известий о Вологодско-Пермской и Югорской (северо-уральской) землях. Составление первой редакции летописи связано с архиепископом Филофем Пермским (эта редакция отразилась в Летописце кратком Погодинском и Холмогорской летописи). В основе второй и третьей редакций лежит общерусский летописный свод 1497 г. 30-х гг. XVI в. (они близки с Воскресенской летописью), дополненный местными известиями. Таким образом, основываясь на истории текста Вологодско-Пермской летописи, можно говорить о двух этапах летописной работы на Севере - конец XV в. и 20-30-е гг. XVI в. В 70-е гг. XVI в. в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре было составлено дополнение к летописному своду 1497 г., это Прилуцкий вид Летописца о 72-х язык.

Вологодско-Пермская летопись в разной степени отразилась во всех более поздних летописях Севера: Холмогорской летописи, Двинском летописце, Вологодской летописи, Пинежском летописце, летописце Ивана Слободского. В этих памятниках представлены основные этапы истории летописания на Севере.

В середине XVI в. была составлена Холмогорская летопись (известно два списка), в ней известия доведены до 1559 г. включительно. Основное содержание памятника общерусское, только в записях последних лет наравне с другими отмечены холмогорские и двинские события, которыми она и оканчивается: «Того же году писец был на Двине Василей Иванович Молчанов, и был от августа до февраля. И царь князь великий спалился на него и велел его, поймав, к Москве свести. Тако и привезоша его, и покладиша живот его весь. Того ж лета послал царь князь великий на Двину другого писца Василья Михайловича Гагилы» (ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 138). В разных своих частях Холмогорская летопись близка к другим памятникам: от начала до 1141 г. — с Типографской летописью, с 1146 г. по 1390 г. — с Львовской летописью, с 1397 г. по 1499 г. — с Вологодско-Пермской летописью, с 1530 г. и до конца с Двинским летописцем. Вполне возможно, что часть этих памятников были источниками Холмогорской летописи. Кроме летопис-

ных, составитель привлек целый ряд внелетописных источников: Сказание о князьях Владимирских, Послание Филофея Мисюрю Мунехину и др.

Пинежский летописец, составленный предположительно в 60-е гг. XVII в. в семье пинежан Поповых, доводит свое изложение до 1613 г. включительно (известен один список — ИРЛИ, Древлехранилище, Пинежское собр., № 440). Пинежский летописец, названный так по месту его находки на Пинеге в 1969 г., содержит много местных известий, некоторые из которых уникальны. Например, известие о походе в Мангазею: «Лета 7105 году Юрье Долгушин устьцылемец, да ПЕН литовской полоненик, да Смирной пинежанин лавелец первые Мунгазею проведали Надым реку, а на другой год Газ реку» (Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 80).

В последней четверти XVII в. был составлен Двинской летописец (заголовок: «Летописец вкратце. Списано о двинских жителях, и о наместниках, и о судиях, и воевоцких, и дьячихъ приездех». ПСРЛ, Т. 33. Л., 1977. С. 148). Известно 15 списков летописца, которые делятся на три редакции. Первая редакция составлена в 1670 г. местным жителем, изложение событий доведено до 1677 г.; вторая редакция — краткая — до 1682 г.; третья редакция — до 1720 г. Первоначально летописание в Холмогорах велось светскими людьми, а с начала 1690-х гг. при архиерейском доме. Текст Двинского летописца может служить наглядным примером реформы летоисчисления, осуществленной Петром I: 1700 г. обозначен как 208 г. (то есть 7208 г. от сотворения мира, в XVII в. указания на тысячи опускались), а 1701 г. обозначен 701 г. (см. хрестоматию).

В конце XVII в. в Вологде создается общерусская провинциальная летопись в виде Вологодского летописца или летописи (ГИМ, собр. Уварова, № 591), где описание событий доведено до 1700 г. Текст Вологодского летописца состоит из двух частей. Первая с известиями до 1673 г. составлена в Спасо-Прилуцком монастыре, ее источниками были Вологодско-Пермская летопись и, предположительно, Лаврентьевская летопись и Летописец Авраамки; с 1612 г. появляются вологодские известия. Вторая часть Вологодского летописца писалась несколькими составителями, работавшими в Спасо-Прилуцком монастыре; рассказ о событиях XIV–XVI вв.

представляет собой черновой материал со вставками, приписками; некоторые события описаны очевидцами (1676–1678 гг., 1694 г. и т. д.). Источником второй части были общерусские летописи, различные официальные документы, например, указ 1699 г. «о даточных людях». Исследователи отмечают простой и безыскусственный стиль текста этого летописца.

В XIX в. в Ярославских губернских ведомостях (в различных губернских ведомостях XIX в. публиковалось много исторических памятников, в том числе и летописных) был напечатан Тотемский летописец (подлинник не сохранился). Этот летописец составлен в конце XVII в. кем-то из окружения вологодского архиепископа на основе Вологодского летописца с использованием разных дополнительных источников, в том числе и житий (Григория Пельмешского и др.).

В Вологде был составлен Летописец Ивана Слободского (известно три списка, в двух редакциях). Первая редакция памятника составлена в 1716 г. певчим архиепископа вологодского Гавриила. О времени и имени составителя сообщается в предисловии — «О сем пишет Иван Слободской лета господня 1716». Там же сообщается и о цели составления летописца: «изследовать о своем отечестве, а имянно о граде Вологде, отколе состояние и коликих лет ея имущество, кем устроися и где градов первенство; но по многом моем старании и многих градографов и летописцев созерцании не суть намерение исполнися: или за прежде бытныя града раззорения, или древних человек за нетщание отыскать начинание не возмог, точию узрех в разных летописцах другое о житии угодников божиих, вологодских чюдотворцев, такожде и синодищных записках обретох в мале изъявления, их же zde во явность будущим рачителем предлагаю» (ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 194). Иван Слободской сообщает о своих источниках (хронограф, летописцы, синодики, жития вологодских святых), которые были дополнены местными преданиями. Летописец охватывает события 6655 (1147) — 784 (1678) гг. В Летописце Ивана Слободского сообщаются уникальные известия, например, только в нем говорится о намерении царя Ивана Грозного уехать в «Поморские страны», для чего в Вологде строились специальные суда. Кроме данного летописца об этом эпизоде жизни царя Ивана сообщают английские дипломаты Дженкенсон и Флетчер.

В Вологде также был составлен частный летописец стряпчим Спасо-Прилуцкого монастыря под названием «Летописец о препровождении маловременныя настоящаго сея жизни Матфея Жданова», где он описывает события, начиная с 1661, года своего рождения, 1661 и до 1736 г. В летописце сообщаются в основном факты частной жизни, изложение ведется от третьего лица.

И XVIII–XIX вв. были опубликованы вологодские летописцы А. А. Засецкого Н. И. Суворова.

От 90-х гг. XVII в. сохранились летописные записи дьячка Благовещенского погоста, этот погост находился в месте впадения реки Устье в Вагу (левый приток Северной Двины). В своем имени автор сообщает в тексте статьи 7179 (1671) г. при описании постройки гостиного двора в Благовещенском **Погосте**: «... аз, Аверька, у того строения Гостина двора книги писал. Гостин двор стал в девятьсот рублей в сорок рублей, пищею я не взял». Он описывает события 1661 — 1691 гг., заносил в свой летописец известия о пожарах, строительстве, приезде стольников и т. д. (Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 251). Подобные летописные записи делались разными авторами во многих городах России.

Летописание Кирилло-Белозерского монастыря. В XV в. монахи этого монастыря, выполняя литературные заказы **Москвы**, принимали участие в составлении ряда общерусских летописей: Типографской, Псковской, Новгородской, Софийской первой младшего извода (о последней сообщил М. А. Шибанов). Со второй половины XV в. Кирилло-Белозерский монастырь был одним из крупнейших книжных центров, в нем работали Ефросин, Нил Сорский, Гурий Тучин и др. Переписывая на заказ различные русские летописи, монахи на их основе составляли для себя краткие летописцы, куда заносили события, связанные с монастырем. Один из первых таких кратких летописцев дошел до нас в подлиннике. Он принадлежал знаменитому книгописцу монаху Ефросину (2 половина XV в.), отличавшемуся своими энциклопедическими знаниями. История также интересовала его, он был знаком со многими историческими произведениями средневековья: Палеей, Летописцем Елпидием и неким и Римским, хронографом, «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия, Летописцем вскоре патриарха Ни-

кифора. В кратком летописце Ефросина русская история изложена до 1445 г. (РНБ, собр. Погодина, № 1554 и Кирилло-Белоз. собр. № 22/1099 — начало). Этот летописец является в какой-то степени конспектом Летописца русско-го, ранние списки которого связаны с монастырем. Конспективность определяет и манеру изложения: «В лето 6888 (1380) бысть Мамаевчина, Мамятяк за Доном на Усть Непрядвы» или «В лето 6890 (1382) бысть Тахтамышевщина на август 20 на князя на Дмитрия Ивановича и взя Москву и много зла сотвори». В тексте летописца только два известия связаны с Кирилло-Белозерским монастырем (записи о смерти Кирилла и Христофора Белозерских), но в других кратких летописцах этого монастыря, появившихся после Ефросина, белозерские события занимают уже большее место (1501—1511 гг. — летописец Германа Подольского, 1523—1526 гг. — летописец Гурия Тушина, 1530-е гг. — два кратких летописца). Значение подобных кратких летописцев и летописчиков для русской историографии весьма велико, так как очень часто они сохранили до нас в краткой форме недошедшие памятники летописания.

В 70-е гг. XV в. в монастыре создается Северорусский летописный свод 1472 г. (он оканчивался известием о смерти удельного князя Юрия Дмитриевича 12 сентября, этому князю и ранее уделялось большое внимание). Северорусский свод был восстановлен Я. С. Лурье на основе сопоставления текстом Ермолинской летописи и Сокращенных летописных сводов I конца XV в. (летописные своды 1494 г. и 1495 г.). Свод 1472 г. определяется как общерусский, составлен он в окружении I игумена Кирилло-Белозерского монастыря Трифона. До игуменства Трифон служил Ростовским архиепископом и скептически относился к прославлению ярославских чудотворцев, что и нашло отражение в своде 1472 г. в рассказе под I 6971 (1463) г.: «Во градъ Ярославли, при князи Александръ I Феодоровиче Ярославскомъ, у святаго Спаса в монастыри I во общинѣ явися чудотворецъ, князь велики Феодоръ Ростиславичъ Смоленский, и з дѣтми, со княземъ Костянтиномъ и з Давидомъ, и почало от ихъ гроба прощати множество людей безчиленно. Сии бо чудотворци явишася не на добро ВСЕМ княземъ ярославскимъ: простилися со всѣми своими отчинами на вѣкъ, подавали ихъ великому князю Ивану I Васильевичю, а князь велики противъ ихъ отчины подоваль I

волости и села; а изъ старины печаловался о них князю и о нем кому старому Алекси Полуектович, дьяк великого князя, чтобы отчина та не за ними была. А послѣ того в том же градѣ Ярославли явился новый чудотворецъ, Иоанъ Огафоновичъ Сущей, созиратай Ярославской земли: у кого село добро, инъ отнять, а у кого деревня добра, инъ отнять да описать на великого князя ю, а кто будетъ сам добръ, бояринъ или сынъ боярской, инъ его самого записал; а иныхъ что чудесь множество не мощно исписати ни счесть, понеже бо во плоти суще цѣяшось» (Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 433). Из цитаты видно, что составитель летописи с большой долей иронии относился к методам объединения русских земель вокруг Москвы, непосредственных исполнителей такого объединения, в данном случае Ивана Агафоновича, он называет непонятным, на первый взгляд, словом — «цѣяшось». Перед нами зашифрованное с помощью тайнописи (простая литья) слово «дьявол».

В летописях часто встречаются тексты, написанные древнерусской тайнописью, от умения прочесть, а иногда расшифровать эту тайнопись зависит восстановление истории летописи. Например, известно несколько текстов, где время составления памятника зашифровано, и правильного прочтения так и не найдено. (Первоначальные сведения о древнерусской тайнописи можно получить в книге: Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. Гл. X. Тайнопись, ее цели.).

В XVI в. в Кирилло-Белозерском монастыре были переписаны и, вероятно, отредактированы следующие общерусские летописи: Вологодско-Пермская, Уваровская, Летописецъ начала царства; кроме этого в монастыре созданы и окрашенные варианты Ермолинской и Мазуринской летописей.

В других монастырях Белозерья создаются летописные памятники местного характера. Например, в Троицком Усть-Шехонском монастыре создан летописец, в котором указано местонахождение древнего города Белозерска, где по легенде поселился один из братьев князя Рюрика Синеус (у истоков Шексны из Бело озера): «Ныне же место то пусто, ювomo селище Княже, отстоит же от самого устья вниз по рѣке полтретья поприща».

От XVII в. сохранились следующие летописные памятники, происходившие из Кирилло-Белозерского монастыря: два кратких летописца и Хронограф русской редакции 1617 г. < продолжением до 60-х гг. XVII в. В XVIII в. в монастыре были составлены краткий летописец и «Описание о граде Белеезере». Последнее написано как на основе печатных книг, так и рукописных летописцев.

Летописание Соловецкого монастыря. Летописание в самом северном монастыре Российского государства зародилось в конце XV в. Оно представлено, например, Соловецким видом Сокращенного летописного свода конца XV в. В это же время игумен монастыря Досифей (ему принадлежит один из первых русских экслибрисов) активно собирал и переписывал рукописи для монастырской библиотеки. Следующий этап летописной работы относится к концу XVI в., он представлен кратким летописцем, куда заносились известия о Соловецком монастыре. Первоначальная редакция летописца представлена в сборнике РНБ, Солов. собр. 22/1481, в ней описываются события 862—1606 гг. (заголовок следующий: «Перечень вкратце из летописца»). В. И. Корецкий определил, что основная часть памятника была доведена до 1585 г. и что составителем его был келарь Соловецкого монастыря Петр по прозвищу Ловушка (умер в конце 80-х гг. XVI в.). В тексте летописца старец Петр имени своего не сообщает, но в отдельных записях (1560/61 г., 1566 г., 1567/68 г., 1569/70 г.) упоминает себя. В. И. Корецкий смог определить имя автора летописных записей анализируя эти известия и сопоставляя их с данными расходных монастырских книг. Например, под 7080 (1571/72) г. в летописце читаем: «Того же году были со игуменом **мы** с Варлаамом у государя были в Новгороде». В расходных книгах под этим годом указано, что вместе с игуменом Варлаамом в Новгороде был старец Петр. Записи в расходных книгах помогают также узнать примерное время кончины старца Петра и его прозвище. Сведения о монастыре Петр Ловушка заносил на основе своих воспоминаний и рассказов других старцев. Его частые поездки в Москву, Новгород и другие города позволили ему вносить в летописец не только монастырские известия, что делает его еще более интересным. Текст этот послужил черновым материалом (на полях рукописи помещены различные указания)

пин составления другого Соловецкого летописца, находящегося в сборнике начала XVII в. (РНБ, Солов. собр., № 41/ I МИ)). При его составлении все косвенные указания о Петре Минутке были сокращены.

И середине XVII в. в Соловецком монастыре на основе предшествующих летописцев был составлен новый летописный памятник, полностью посвященный истории Соловецкого Монастыря. Списков этого летописца сохранилось много. Его текст начинается с изложения событий 1429 г., а оканчивается в разных списках событиями конца XVII—начала XIX в. Заголовок следующий: «Летописец Соловецкий, выписан вкратце от жития преподобных отец Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, и спостника их аввы Германа, како быша жити на Соловецком острове, и о преставлении их, И о строении монастырском, и о здании деревянном и каменном, и о прочем». Оканчиваются списки летописца по-разному, например, один из них завершается изложением известия 1701 г. о повреждении от молнии соборной церкви, другой — о приходе в монастырь в 1723 г. царя Петра — третьи — о построении кухни «новым манером» в 1796 г.

С XVI в. Соловецкий монастырь занимает видное место в истории нашего государства, происходившие в нем события очень часто имеют общероссийское значение, поэтому было бы желательно появление специального исследования, посвященного Соловецкому летописцу.

Издания: Летописи Соловецкого монастыря. М., 1790; ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л., 1977; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. М., 1981. С. 223–243; ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи. Л., 1982.

Литература: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 192–206; *Васильев Ю. С.* Летописное наследие Поморья // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XI. Л., 1979. С. 19–12; *Казакова Н. А.* Вологодское летописание XVII–XVIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XII. Л., 1981. С. 66–70; *Зиборов В. К., Лурье Я. С.* Соловецкий вид «Сокращенного свода» последней трети XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 147–152.; *Словарь книжников книжности Древней Руси.* Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989 и Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993; *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания. М., 1997.

3. Летописание Сибири

После похода Ермака в 1582 г. Сибирь стала активно осваиваться русскими людьми: основывались новые города и поселения, прокладывались пути по неведомым землям, велась миссионерская деятельность представителей русской православной церкви. Уже в начале XVII в. записываются со слов участников похода Ермака их рассказы, создается Синодик Ермаковым казакам. На этой основе были написаны первые сибирские летописи.

История сибирского летописания XVII–XVIII вв. представлена многими памятниками, из них самые значительные следующие: Румянцевский летописец, Есиповская летопись, Строгановская летопись, Сибирский летописный свод, Кунгурская летопись и Ремезовская летопись.

Сибирским летописанием стали заниматься еще в XVIII в. (Г.-Ф. Миллер), а в XX в. к нему обращались многие исследователи, в том числе С. В. Бахрушин, А. И. Андреев, Е. И. Дергачева-Скоп и др.

В отличие от традиционных русских летописей любая сибирская летопись начинается не с рассказа о разделении земель между сыновьями Ноя, а с описания похода Ермака. Формально сибирские летописи являются историческими повестями, широко распространенными в русской литературе XVI–XVII вв., в которых при описании одного из важных событий истории Российского государства сохранялось погодное изложение. Но в историографической традиции за этими памятниками прочно закрепилось название — летописи, поэтому в дальнейшем они так и будут называться.

В начале 30-х гг. XVII в. создается один из первых сибирских летописцев — Румянцевский, названный так по одному из пяти его списков. По мнению Е. И. Дергачевой-Скоп, этот летописец послужил источником Есиповской летописи, составленной в 1636 г. Румянцевский летописец имеет следующий заголовок: «О стране Сибирской и о сибирском от Ермака взятии». В нем кратко сообщаются сведения о Сибири, о походе Ермака, о посылке воевод на вновь присоединенные земли. Его текст оканчивается известиями 7095 (1587) г. о приходе воеводы Данилы Чюлкова, об основании города То-

Тобольска, который станет с этого времени главным городом:
• И бысть вместо царствующаго града Сибири град Тоболеск, сибирейщина, понеже ту победа и одоления на бусурман».

Есиповская — одна из основных сибирских летописей — названа по имени ее составителя — Саввы Есипова, взявшего за основу тексты Румянцевского летописца, Синодика, сказок казаков и других памятников (известно 28 списков). Савва Есипов (первая половина XVII в.), дьяк архиерейского дома в Тобольске, сообщил о своем участии в работе над летописью К специальной приписке, завершающей текст, где свое имя шифровал тайнописью: «Изложена же бысть сия летопись о сибирском царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде в лета 7145-го сентября в 1 день. Слогатай же сей летописи именован есть, имя же его познавается от четырех букв: сторица и вторица, и уи убая со едином (Са) и вторица со едином (ва). Отчина же сего именованя ото шти букв: первая буква грубая, еже есть Е, прочая же пять: сторица сугубая (с) с сугубою же четверицею (с) умножить на 4 = 8, то есть (и), осмочисленная десятирица (к) с седмичною десятирицею (о), едина же сугубая (в), ерь И кончается. Ино же написах с писания, преж мене списавшаго, нечто и стесняемо бе речью, аз же разпространих, беседуя к нашей любви, иже будет изволивый прочитати летописи сия. Ино ж от достоверных муж испытах, иже очима своима видеша и быша в та лета» (ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. I. Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 72).

Есиповская летопись (заголовок — «О Сибири и сибирском взятии») имеет предисловие, оглавление (37 глав) и текст летописи, каждая глава имеет также заголовок (например: Глава 6. О вере царя Кучума). Последняя погодная запись относится к 7129 (1621) г., где сообщается о приезде в Тобольск первого архиепископа Сибири Киприана.

Существует несколько поздних редакций Есиповской летописи, где произведена литературная обработка текста или продолжено изложение событий и после 1621 г. Есиповская летопись была положена в основание большого по объему Сибирского летописного свода, дополненная также рассказами, бытовавшими в Сибири, о разбойничестве Ермака на Волге. В нем изложение событий доведено до 7194 (1686) г. (в других редакциях вплоть до событий XVIII в., например, в Академической редакции до 1741 г.). Первоначальная редакция Сибирского летописного свода имеет заголовок, где крат-

ко сообщается содержание всего произведения: «Книга записная. Сколько в Сибири, в Тобольску и во всех сибирских городех и острогах, с начала взятия атамана Ермака Тимофеева, в котором году и кто имяны бояр и околничих, и столников, и дворян, и стряпчих на воеводствах бывали, И диаков, и писмянных голов, и с приписью подьячих, и кто которой город ставил, и в котором году, и от которого государя царя кто был» (ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 138). Из заголовка видна светская направленность свода, что отличает его от Есиповской летописи. В последней, как и в других памятниках, от нее происшедших, четко изложена основная мысль произведения: действие отряда Ермака является божьим проявлением в борьбе с неверными, при этом ничего не сообщается об обстоятельствах появления отряда в Сибири. В Строгановской летописи, также являющейся одной из основных сибирских летописей, изложена несколько иная точка зрения. В этой летописи, составленной в вотчине Строгановых - Соли-Вычегодской, подчеркивается роль купцов Строгановых в освоении Сибири. Долгое время этот памятник считался первоначальной сибирской летописью, но в последние десятилетия эта роль отводится Есиповской летописи. Датировка же написания Строгановской летописи расширилась: от 1600 г. до 70-х гг. XVII в. Ее заголовок следующий: «О взятии Сибирской земли, како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси подарова Бог сибирское государство обладати и победити Муртазели, ева сына Кучюма салтана сибирскаго...».

Среди источников Строгановской летописи отмечались так называемая Повесть И. М. Катырева-Ростовского, казацкие «написания», грамоты из архива Строгановых, которые цитируются иногда дословно (подлинность этих грамот, по мнению некоторых исследователей, сомнительна). На протяжении XVII–XVIII вв. текст летописи в списках дополняется различными материалами. Например, в одном из списков XVIII в. вставлен текст песни о Ермаке (Глава 8 Толстовского списка).

В Сибири по разным обстоятельствам, начиная со второй половины XVII в., побывали многие видные люди России, скорей всего, благодаря им в Сибирь попадали самые разнообразные памятники древнерусской литературы, которые переписывались местными жителями. Например, сибиряк, сын боярский Сергей Иевлевич Кубасов (составитель хронографа,

названного его именем, умер после 1694 г.) широко известен в отечественной историографии, долгие годы ему приписывалось авторство одной из лучших Повестей о Смутном времени — так называемой Повести И. М. Катырева-Ростовского. После долгого изучения текста хронографа и жизни предполагаемого автора пришли к выводу, что его работу над текстом следует определить как работу компилятора или редактора, поскольку он не был автором ни одной из трех частей, входящих в состав хронографа. Работа С. И. Кубасова в 70–80-е гг. XVIII в. над хронографом в Тобольске является одним из многочисленных фактов того, что Тобольск в это время стал настоящим культурным центром в масштабах всей России.

В конце XVII—начале XVIII в. Семен Ульянович Ремезов (1642 — после 1702 г.) создает сибирскую летопись, получившую название по его фамилии, весь текст которой сопровождается рисунками (154 рисунка). Сохранился оригинал летописи — БАН, 16.16.5. (в лист, 39 лл.). В рукописи есть два киноварных заголовка: «История Сибирская» (основная часть) и «Летопись Сибирская, краткая Кунгурская». Текст летописи состоит из 157 (154) глав, каждая страница делится на две неравные части: одну десятую занимает текст, остальную — рисунок. Об авторе летописи сообщается в заключительной статье тайнописью (расшифровка — «писал Семен Ремезов»), здесь же указаны имена сыновей Ремезова Леонтия, Ивана, Семена, Петра, что дает повод некоторым исследователям считать их соавторами отца. Погодное изложение событий, которое не всегда выдержано, оканчивается известиями 7159 (1651) г., где среди прочих событий описывается беседа отца Ремезова Ульяна Моисеева сына с калмыцким Аблай тайшой о месте захоронения атамана Ермака: «И паки Аблай вопрошаше: «Знаешь ли, Ульянь, где ваш Ермакъ лежитъ? Ульян жъ снискателен бѣ и хитрь о дѣлехъ, к вопросу отвѣща: «Не вемы до днѣ сего и како погребѣнъ, и скончася». И нача Аблай повѣсти деяти о немъ по своей истории: какъ приехалъ в Сибирь, и от Кучюма на перекопе побежа, и утопъ, и обретенъ, и стрѣлянъ, и кровь течаше, и пансыри раздѣлиша и развезоша, как от пансырей и от платья чюдѣсь было, и какъ татара смертной завѣтъ положиша, что про него русакамъ не вѣдати. Аблаю же, приему пансырь, и Ульяну стояше, глаголаше о Ермакъ. Ульян жъ испросив у Аблая сказку за его знамѣны и печатью; он жъ

«...и о Ермакѣ подробнѣ възвѣстити» (Памятники литературы Древней Руси: XVII век: Книга вторая. М., 1989. С. 565). Из этой цитаты видно, что Семен Ремезов использовал и рассказы своего отца при написании летописи. Другими его Источниками были: «сказки» сведущих людей, Есиповская Летопись, предания, песни. На его рисунки оказали влияние миниатюры Царственной книги (С. У. Ремезов бывал в Москве, где занимался картографией), гравюры Синописа. Язык Ремезовской летописи характеризуется исследователями как природный, насыщенный терминологией приказов, ему присуща сжатость и простота. Летопись переведена на английский язык, издана в Лондоне (1975 г.).

В Ремезовскую летопись механически вставлено другое произведение — «Летопись Сибирская, краткая Кунгурская» или Кунгурская летопись (текст ее приводится в Приложении). Первая строка ее достаточно оригинальна: «Начало заворуя Ермака Тимофеева сына Поволскаго». Это краткий летописец, составленный в XVII в., доводит свое изложение до 1601 г. (дата ошибочна), где сообщается о церковном соборе, на котором решили «кликати вечную память» воинам, погибшим в первых сибирских походах. Исследователи отмечают характерную особенность Кунгурской летописи: она представляет собой живой рассказ участника событий. Источники же разнообразны: предания, легенды, «отписки» и «сказки» землепроходцев. Высказано предположение, что эта летопись через переводчика посольского приказа Андрея Вишнуса стала известна Витзену, который использовал ее в своей книге «Noorden Oost Tartaryen», изданной в 1692 г.

Летописные записи велись не только в главном городе Сибири — Тобольске, но и в других сибирских городах (городовое летописание). Ведение летописей продолжалось и в XVIII в.

Издания. Сибирские летописи. СПб., 1907; ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987; Ремезов С. У. История сибирская. Летопись Сибирская краткая Кунгурская / Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 550–582.

Литература: Андреев А. И. Очерки источниковедения Сибири. 2-е изд. Вып. 1. М.; Л., 1960; Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973;

Дворецкая Н. Л. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984; *Словарь* книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993.

4. Летописание XVIII в.

А. Н. Насонов в своих исследованиях убедительно показал, что ведение русских летописей не прекратилось во второй половине XVI в., как считали многие его коллеги, а продолжалось в XVII в. и даже в начале XVIII в. При характеристике деятельности разных центров русского летописания уже неоднократно приводились примеры летописей, составленных в XVIII в., например, новгородская Погодинская летопись или сибирская Ремезовская.

Если истории летописания XVII в. в научной литературе последних десятилетий посвящено до сотни статей и публикаций текстов, то о летописании XVIII в. специальных исследований почти нет. Не существует ни перечня памятников, составленных в этом веке, ни, тем более, публикаций летописных текстов.

Летописные центры из столицы государства (там появлялись памятники историографии нового времени) перемещаются в провинциальные города, где создается большое количество памятников так называемого городского летописания, посвященных (и при этом выполненных в летописной манере) истории того или иного края.

В конце XVII—начале XVIII в. по инициативе царей еще делались заказы по написанию различного рода летописей, хронографов или степенных книг, но очень часто такие исторические произведения, созданные в традиционной для Древней Руси манере, не устраивали заказчиков. Например, в 1708 г. Ф. П. Поликарпов-Орлов, руководитель самой крупной в государстве московской типографии, получил через начальника монастырского приказа И. А. Мусина-Пушкина распоряжение Петра I о написании русской истории («Историю указал государь писать, почав от царства великого князя Василья Ивановича, даже и до днесь российских дел»). Поликарпов-Орлов выполнил заказ царя в 1715 году. Петр I

Остался недоволен его работой, его не устроили ни манера изложения, ни распределение материала, но автору все же было пожаловано 200 рублей. «История» Поликарпова-Орiona не была опубликована, известны три списка, отражающие различные этапы ее создания. В окончательном виде текст **о**главлен так: «История о владении российских великих князей вкратце, о царствовании же десяти российских царей, а **и** иначе всероссийского монарха Петра Алексеевича (тем именем) Первого и его войне против швейцарского короля Карла Второго на десять пространнее описующая». «История» делится на три части: 1) краткий рассказ о русской истории до середины XVI в., основанный на «Синописе» Иннокентия Гизеля и занимающий всего лишь 30 листов; 2) описание **событий** до воцарения Романовых (280 листов); источниками для нее послужили Казанская история, «Степенная книга», «История» А. Курбского, «Сказание» Авраамия Палицына, «Новая повесть о преславном российском царстве», русские летописи и грамоты; 3) описание событий начиная с правления царя Михаила Федоровича и до 1710 г. (200 листов, из них пятая часть отведена Северной войне); источниками произведения послужили летописи, грамоты, ставейные списки, печатные реляции, манифесты, реестры, журнал военных действий Б. П. Шереметева. «История» написана высоким книжным стилем с многочисленными кальками иностранных слов.

Сложность характеристики исторических произведений XVIII в. заключается в невозможности провести четкую грань между традиционными древнерусскими памятниками и памятниками нового времени. Затруднительно также четко указать время прекращения ведения летописей в XVIII в. (например, А. Н. Насонов называл Петровское время, но в описаниях различных рукописных собраний упоминаются летописи, доводящие изложение событий до 1730 г. и даже до времен правления императрицы Елизаветы). На все эти вопросы можно будет ответить только после тщательного изучения рукописного наследия XVIII в.

Литература: Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969. С. 478–499; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 3. Л., 1971. С. 141–168; Зиборов В. К. Поликарпов-Орлов // ТОДРЛ. Т. 45. СПб., 1992. С. 97–100.

Заключение

Русские летописи XI—XVIII вв. являются памятниками не только русской истории, но и сокровищницей русского национального самосознания. В них представлены почти все сферы духовной деятельности русских людей. Наши летописи с полным правом можно назвать священными книгами русского народа, а священные книги должны знать все.

Для историков русские летописи — основной источник, откуда они черпают самую разнообразную информацию об истории нашей Родины с древнейших времен и до XVIII в. Обращаясь к летописи, историк очень часто забывает, что любое летописное известие перед тем, как его использовать для характеристики прошлого, требует предварительного критического осмысления. Летописные известия, в большинстве которых зафиксированы события нашей истории, подчас представляют собой вымысел или догадку летописца, а иногда их появление есть отражение идеологической или политической борьбы, при этом бывают случаи, когда летописное известие появляется в результате ошибки одного или нескольких переписчиков летописи. Таким образом, каждое летописное известие необходимо предварительно взвесить на весах научной критики текста и только после этого использовать его в своих исторических построениях. Когда и при каких обстоятельствах интересующее вас летописное известие было внесено в текст — вот первый и основной вопрос, на который должен ответить историк. Найти ответ на этот вопрос можно только на основе научно восстановленной истории текста летописи (каждая летопись создавалась в несколько этапов, число которых иногда доходит до 10-и, и на каждом из этих этапов текст ее активно дорабатывался и перерабатывался). Незаменимым руководством в решении вопроса об истории текста летописи являются работы **А. А. Шахматова** и его последователей, восстановивших историю текста почти всех русских летописей. Историк не обязан самостоятельно восстанавливать историю текста интересующей его летописи, но он должен уметь пользоваться накопленными наблюдениями специалистов.

ЧАСТЬ II.
РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ
XI–XVIII вв.
ХРЕСТОМАТИЯ

Роспись томов Полного собрания русских летописей, издаваемого с 1841 г.

Отдельные тома переиздавались неоднократно. В последнее время предпринято переиздание всех томов.

- Т. \. Лаврентьевская летопись. М., 1998.
Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
Т. 3. Новгородские летописи. СПб., 1841.
Т. 4. Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848.
Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пгр. 1915. Вып. 2. Л., 1925; Вып. 3. Л., 1929.
Ч. 2. Новгородская пятая летопись. Пгр. Вып. 1. Пгр., 1917.
Т. 5. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851.
Софийская первая летопись. Вып. 1. Л., 1925.
Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853.
Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
ТТ. 9-13. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.
Т. 14. 1) «Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси». 2) Новый летописец. 3) Указатели к тт. 9-14. СПб, 1910; М., 2000.
Т. 15. 1) Рогожский летописец. 2) Тверской сборник. М., 1965.
Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889.
Т. 17. Западнорусские летописи. СПб., 1907.
Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913.
Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903.
Т. 20. Первая половина. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910. Вторая половина. Львовская летопись. Ч. 2. СПб., 1914.
Т. 21. Первая половина. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1.

- СПб., 1908. Вторая половина. Книга Степенная царского родословия. Ч. 2. СПб., 1913.
- Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911. Ч. 2. Хронограф западнорусской редакции. Пгр., 1914.
- Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910.
- Т. 24. Типографская летопись. Пгр., 1921.
- Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.
- Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.
- Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962.
- Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М; Л., 1963.
- Т. 29. «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича». Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965.
- Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 1965.
- Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.
- Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного, М., 1975.
- Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977.
- Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Вельский летописцы. М., 1978.
- Т. 35. Летописи Белорусско-литовские. М., 1980.
- Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи, М., 1987.
- Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.
- Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.
- Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994.
- Т. 40. Новгородская Карамзинская летопись (в печати).
- Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995.
- Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей, изданных Археографическою комиссиею. Отдел первый. Указатель лиц (А-Ф). СПб., 1898. Отдел второй. Указатель географический. (А-Ф). СПб., 1907.

Словарь

абие — вдруг, тотчас, внезапно

аз — я

аки, акы — как

амо — куда

ано — а

аще — если, хотя

багр, багряница — одежда пур-

пурного цвета, царская мантия

блазнец — соблазненный, соблаз-
няющий, обманчивый

блюстися — остерегаться

борзо — быстро

брань — битва, сражение

брашно — пища, еда

буесть — отвага, мужество

вборзе — скоро, быстро

ведати, ведети — знать; *вемь* — знаю

вежа — шатер, кибитка

величи — большой

вельми — очень

вертоград — сад

весь — деревня, селение

виноград — сад

вкупе — вместе

внити — войти

воздух — покров на сосуд со «святъ-
ми дарами» на престоле в церкви

вои — воины

выжлец — гончая собака, ищейка

глагол — слово, речь

галка — шум, крик

гонзнути — лишиться, избавиться,
избегнуть

горозд(ый) — искусный, опытный

горе — вверх

горчачи — сравнительная степень от
горький

гость — купец

гривна — денежная единица

грясти — идти

деля — для

десница — правая рука

дивий — дикий

долу — вниз

дондеже — пока; до тех пор, пока

егда — когда

еже — если; которое, что

ектенья — часть богослужения

елико — сколько

епитемья — церковное наказание

живот — жизнь

зане, зоне же — так как, потому что
зелие, зелье — злак, овощ; лекарство,

отрава; порох

зело — очень, сильно

зрак — вид, облик; взор

иде, иде же — где

иже, яже, еже — который, -ая, -ое

имати — брать, хватать

имение — богатство, имущество

ино — но, то

искуп — выкуп

камка — шелковая ткань

кимо — куда

келарь — монах, заведующий мо-
настырским хозяйством

клирик — церковнослужитель

кожух — шуба

кознодействовать — творить зло,
 козни
красна, кросна — холст, полотно
красный — красивый, прекрасный
крестьяне, кристьяне — христиане
крылос — клирос, место для певчих
 в церкви
купно — вместе
кумъждо (когождо, комуждо) —
 каждый (каждого, каждому)
лепо — хорошо, достойно
лепый — хороший, красивый
лето — год
литургия — церковная служба, обедня
лов, ловля — охота
локоть — мера длины
лучиться — случиться
мнити — думать
мних — монах
мытарь — сборщик податей
наипаче — больше всего
наполы — пополам, надвое
нарочитый — богатый, знатный
наряд — порядок, устройство; сна-
 ряжение
насад — вяд судна
неблзный — непорочный, чистый
небреговати — пренебрегать
негли — нежели, чтобы
неже — нежели, чем
неприяженный — злобный; дья-
 вольский
несть — нет
ниже — также не, и не
николи — никогда
нь — его (на нь — на него)
обаче — но, однако
обаяние — чародейство
оболчен — одет
обстояние — • осада
ов ... ов — один ... другой, тот ... а тот

ово ... ово — то ... то. или ... или
оеогда — иногда
одесную — справа
однорядка — верхняя одежда
окольный — соседний, близлежащий
окуп — выкуп
оле — о (междометие)
опако — назад
опричь — кроме, исключая
орати ~ пахать
ослабиться — улыбнуться, усмех-
 нуться
отаци • — тайно
отнюду — откуда
отрок, отроча — ребенок, юноша;
 слуга
паки, паки — опять, снова
наполома — покрывало
пардус — гепард
паче — больше, лучше; еще
перси — грудь
персть — пыль, прах
пестун — воспитатель
питати — воспитывать
поволока, паволока — шелковая
 ткань: покрывало
подущати — подстрекать
полк — поход; война; военный ОТРЯД
поне, поне же — потому что, так как;
 хотя, даже
поприще — мера длины, расстояния
порекло — прозвание, прозвище
порты, портища — одежды
посад — предместье
посошь — ПОМОЩЬ
потребити — истребить, уничтожить
правеж ~ взыскание по приговору суда
предреченный — названный выше,
 упомянутый выше
предстоящи — прислуживать, слу-
 жить кому-либо

презвитер — священник
прелестный — лживый, обманчивый
прелесть — обман, соблазн, заблуждение
прещение — угроза, запрет
приискати — прибежать
присно — всегда
приснодевая — вечно девственная (о богородице)
присный — родной, близкий
пристав — страж; должностное лицо, назначавшееся для призыва ответчика к суду
пядь — мера длины
разве — кроме, помимо
рака — гробница
ратай — пахарь, земледелец
ревность — усердие
резана — денежная единица
рель — перекладина
ремесство — искусство, умение, ремесло
речи, рещи (рех, рщи и т. д.) — сказать, говорить (сказал, скажи и т. д.)
риза — одяние
седмица — неделя
семо — сюда
сечиво — секира, топор
сиклит, синклит — приближенные, советники
сиречь — то есть
сице — так
скважня — отверстие, шель
смерд — крестьянин
совокупить — соединить
сопело — свирель
сорокоуст — сорокадневная молитва но умершем
спиратися — спорить
срачица — рубашка

** с тех мест* — с тех пор
стогна — площадь, улица
стратиг — военачальник, воевода
струг — лодка, судно
стрый — брат отца (дядя по отцу)
студ — стыд
сулица — короткое метательное копье
сыта — мед, растворенный в воде
таи — тайно
тамо — там
тать — вор
татьба — воровство
течи, течь — идти, бежать
тиун — слуга, дворецкий, домоправитель
токмо — только
толмач — переводчик
точию — только
трус — землетрясение
туга — печаль, горе
убо — итак, так же
убрус — платок, повязка, полотенце
уд — часть тела (рука, нога)
узорочье — драгоценности (ткани, одежды и т. д.)
узы — веревки, цепи
успенье — смерть, кончина
утечи — убежать
уязвити — поразить, ранить
фряги, фрязи — итальянцы
червлёный — красный
чес о — чего
чресла — поясница, стан
шуица — левая рука
ядь — пища
язвити — ранить
яко — что, как
ясельничей — пастух
ясти — есть
яти — брать

Список сокращений

- АЕ — Археографический ежегодник.
БАН — Библиотека Российской Академии наук (С.-Петербург).
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
Великокр. Киев. лет. 1200 г. — Великокняжеская Киевская летопись 1200 г.
Влад. лет- Владимирская летопись
ВП - Вологодско-Пермская летопись
Гал.-Волын. лет. - Галицко-Волынская летопись
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
ИЛ — Ипатьевская летопись.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук (С.-Петербург).
ЛЛ — Лаврентьевская летопись.
МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел.
МДА — Московская Духовная академия.
НКЛ — Новгородская Карамзинская летопись.
НІІМ — Новгородская первая летопись младшего извода.
НІІС — Новгородская первая летопись старшего извода.
НІІІ — Новгородская четвертая летопись.
ПВЛ — Повесть временных лет.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РГАДА — Российский Государственный архив древних актов (Москва).
РГБ — Российская Государственная библиотека (Москва).
РЛ — Радзивилловская летопись.
РНБ — Российская Национальная библиотека (С.-Петербург).
СІІ — Софийская первая летопись.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ.
ФИРИ РАН — С.-Петербургский филиал Института российской истории Российской Академии наук.

Оглавление

ЧАСТЬ I

Введение.....	5
Глава первая. Истоки. Летописание в Киеве в XI— начале XIII в.	25
1. Первые русские летописные своды.....	25
2. Киевское летописание XII—XIII вв.....	61
Глава вторая. Новгородское и Псковское летописания . . .	66
1. Новгородское летописание.....	66
2. Псковское летописание.....	86
Глава третья. Летописание XII—XV вв.	91
1. Галицко-Волынское летописание.....	93
2. Летописание Переяславля-Русского.....	99
3. Владимирское летописание.....	101
4. Ростовское летописание.....	110
5. Тверское летописание.....	115
6. Смоленское летописание.....	121
7. Рязанское летописание.....	123
8. Нижегородское летописание.....	124
9. Московское летописание.....	127
Глава четвертая. Летописание XVI—XVIII вв.	137
1. Московское летописание.....	137
2. Летописание Поморья.....	159
3. Летописание Сибири.....	168
4. Летописание XVIII в.....	174
Заключение.....	176

ЧАСТЬ II. ХРЕСТОМАТИЯ

Предисловие.....	177
1. Повесть Временых лет по Лаврентьевской летописи (с сокращениями).....	179
2. Новгородская первая летопись младшего извода (до 961 г., 1430–1447 гг.).....	236
3. Новгородская первая летопись старшего извода (1136–1177 гг., 1200–1247 гг.).....	259
4. Галицко-Волынская летопись по Ипатьевскому списку (1201–1292 гг., с сокращениями).....	316
5. Софийская первая летопись младшего извода (1380–1418 гг.). По рукописи РНБ, ОСПК, Р. IV. 211. ...	370
6. Псковская первая летопись. Взятие Пскова 1510 г.....	426
7. Русский хронограф ред. 1512 г. Глава 204.....	434
8. Никоновская летопись. Фрагменты 1506 г., 1554 г.....	440
9. Царственная книга. Фрагменты 1534 г., 1553 г.....	448
10. Степенная книга. Предисловие, четвертая степень.....	453
11. Соловецкий летописец (1554–1606 гг.).....	463
12. Летопись Сибирская Кунгурская	477
13. Новый летописец. Фрагменты 1588 г., 1629–1630 гг.....	487
14. Мазуринский летописец. Начало, 1678–1682 гг.....	491
15. Двинской летописец. Пространная редакция. Начало, фрагменты 1696–1702 гг.....	496
Роспись томов Полного собрания русских летописей, издаваемого с 1841 г.....	504
Словарь.....	506
Список сокращений.....	509

Виктор Кузьмич Зиборов
РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ XI–XVIII ВЕКОВ

Учебное пособие

Редактор *Е. О. Вербицкая*
Художественный редактор *Н. Л. Ионов*
Технический редактор *Л. В. Васильева*
Корректор *А. А. Канева*

Сдано в набор 12.03.2002. Подписано в печать 18.05.2002.
Формат 60 х 90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс ЕТ.
Печать офсетная. Печ. л. 32. Тираж 1000 экз. Заказ № 3319,

Лицензия ЛП № 000156 от 27 апреля 1999 г.

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
199034, СПб, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия. \2